

К Е Н

ФОЛЛЕТТ

ОПАСНОЕ НАСЛЕДСТВО

Annotation

В 1866 году в английской частной школе Уиндфилд произошла трагедия – при загадочных обстоятельствах утонул один из учеников. Свидетелями случившегося были лишь несколько его товарищей...

Таково первое звено в цепи событий, растянувшейся на многие десятилетия и затронувшей множество судеб. Цепи событий, протянувшейся через закрытые «клубы для джентльменов» и грязные бордели, через роскошные бальные залы и кабинеты в лондонском Сити, где викторианские финансисты вершили судьбы не только империи, но и всего мира. Кен Фоллетт создал захватывающую сагу о семье с амбициями и страстями, объединенной опасным наследством – правдой о том, что произошло в действительности в школе Уиндфилд много лет назад.

Кен Фоллетт

Опасное наследство

© Ken Follett, 1994

© Перевод. О. И. Перфильев, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Благодарности

За щедрую помощь в написании этой книги я благодарю следующих друзей, родственников и коллег: Кэрол Бэрон, Джоанну Бурк, Бена Брейбера, Джорджа Бреннана, Джеки Фарбер, Барбару Фоллетт, Эмануэль Фоллетт, Катю Фоллетт, Майкла Хосколла, Пэм Мендес, М. Дж. Обребб, Ричарда Овери, Дэна Старера, Ким Тернер, Энн Уорд, Джейн Вуд и Эла Цукермана.

Семейное древо

ПИЛАСТЕРОВ

Джон Пиластер (скончался)

Эзекиел (скончался)

Сет

Мадлен=Джордж Хартсхорн

Молодой Уильям=Беатрис

Джозеф=Августа

Тобиас=Лиана

Сэмюэл

Эдвард

Клементина=Гарри Тонкс

Хью

Дотти

В тот день, когда произошла трагедия, ученики Уиндфилдской школы были наказаны и сидели в своих комнатах.

При обычных обстоятельствах такой жаркий майский полдень в субботу они провели бы на южном поле, играя в крикет или празднично развалившись в тени Епископской рощи. Но в тот день из ящика письменного стола преподавателя латыни доктора Оффертона кто-то похитил шесть золотых sovereignов, и подозрение пало на всех. Всем мальчикам было строго приказано находиться на своих местах, пока не найдут вора.

Мигель Миранда, или попросту Мики, сидел за столом, испещренным инициалами предыдущих поколений скучавших школьников. В руках он держал изданный правительством справочник «Снаряжение пехоты». Подробные иллюстрации с мечами, мушкетами и ружьями заинтересовали бы его надолго, но сегодня было слишком жарко, и он никак не мог сосредоточиться. С другой стороны стола в учебник латыни невидящим взором уставился его сосед по комнате Эдвард Пиластер. Эдвард был занят тем, что переписывал перевод Плутарха из тетради Мики в свою тетрадь. Ткнув в страницу испачканным чернилами пальцем, он тяжело вздохнул и произнес:

– Не могу прочитать это слово.

Мики вытянул шею и заглянул в тетрадь.

– Декапитация. На латыни – *decapitatio*, что означает «обезглавливание».

Латынь Мики давалась легко, в основном благодаря тому, что его родным языком был испанский, многие слова которого имели латинские корни.

Эдвард заскрипел пером. Мики встал и подошел к открытому окну. Ни малейшего ветерка. Он мечтательно посмотрел вдаль, за конюшни. Где-то там, за северной окраиной рощи, находился заброшенный каменный карьер, заполненный водой. Вода в нем всегда была прохладной, даже в самую нестерпимую жару...

– Пойдем искупаемся, – предложил он вдруг.

– Мы отсюда не выберемся, – отозвался Эдвард.

– Можем пройти через «синагогу», – сказал Мики.

«Синагогой» называли соседнюю комнату, в которой жили еврейские мальчики. В Уиндфилдской школе не слишком увлекались богословием и к разным религиям относились довольно терпимо, поэтому она пользовалась популярностью среди представителей самых разных конфессий. Эдвард, например, происходил из семьи методистов, а отец Мики был католиком. Но, несмотря на официальные правила, предписывающие равное отношение ко всем воспитанникам, к евреям многие относились с легким презрением.

– Вылезем через их окно на крышу прачечной, спустимся по глухой стене конюшни, а оттуда до рощи рукой подать, – продолжал Мики.

– Не миновать нам Хлестуна, если попадемся, – испуганно пробормотал Эдвард.

Хлестуном называли ясеневую трость директора школы, доктора Поулсона. Наказанием заслушание служили двенадцать чрезвычайно болезненных ударов этой тростью. Мики уже один раз удостоился такого наказания за азартные игры и до сих пор содрогался от ужасного воспоминания. Но возможность того, что их поймают, казалась такой далекой и несущественной, а мысль о том, что можно с головой погрузиться в пруд, такой реальной, что он уже почти ощущал прохладу воды покрытой потом кожей.

Мики внимательно посмотрел на своего товарища. Эдварда в школе недолюбливали, он был слишком ленивым, чтобы хорошо учиться, слишком неуклюжим для игр и слишком эгоистичным, чтобы заводить друзей. Единственным его другом был Мики, и он приходил в ярость, когда Мики проводил время с другими.

– Позову тогда Пилкинтона, – сказал Мики и направился к двери.

– Не надо, не зови, – остановил его Эдвард.

– Почему не надо? – удивленным голосом спросил Мики. – Ты же боишься.

– Я не боюсь, – неубедительно ответил Эдвард. – Просто мне надо закончить латынь.

– Закончишь, пока мы будем плавать с Пилкинтоном.

Некоторое время Эдвард упрямо смотрел на него, затем сдался:

– Ну ладно, я пойду, – сказал он нехотя.

Мики открыл дверь. В коридоре были слышны какие-то глухие звуки, доносившиеся из других частей здания, но учителей видно не было. Мики быстро проскользнул в соседнюю комнату, за ним последовал Эдвард.

– Привет, иудеи, – сказал Мики.

В этой комнате за столом сидели два мальчика и играли в карты. Они бросили взгляд на Мики и вернулись к своему занятию, не промолвив ни слова. Третий ученик, Толстяк Гринборн, был занят тем, что, по обыкновению, поедает пирог. Его мать постоянно присылала ему какую-нибудь еду.

– Привет и вам, – отозвался он дружелюбно. – Хотите пирог?

– Ради бога, Гринборн! – воскликнул Мики. – Вечно ты жрешь, как свинья.

Толстяк пожал плечами и продолжил уплетать лакомство. Он терпеливо сносил все насмешки, которыми остальные щедро осыпали его, как еврея и как толстяка, но которые, казалось, отскакивали от него, не причиняя ни малейшего беспокойства. Говорили, что его отец – богатейший человек мира; Мики подумал, что, наверное, из-за этого-то ему и все равно, кто как его обзывает.

Мики подошел к окну, открыл его и глянул вниз. Во дворе конюшен не было ни души.

– Вы что задумали? – спросил Толстяк.

– Идем купаться, – сказал Мики.

– Вас же высекут.

– Я знаю, – жалобно сказал Эдвард.

Мики сел на подоконник, перекинул ноги, перекатился на живот и осторожно опустился на покатую крышу прачечной. Он ожидал услышать треск черепицы, но крыша выдержала его вес. Сверху за ним настороженно наблюдал Эдвард.

– Давай спускайся! – сказал Мики и пошел вниз по крыше, к водосточной трубе, цепляясь за которую спустился по стене на землю. За ним последовал Эдвард.

Мики выглянул за угол прачечной. Во дворе никого не было. Не медля ни секунды, он пробежал по двору и скрылся в рощице. Он бежал, пока ему не показалось, что их уже не заметят со стороны школы, а потом остановился, чтобы передохнуть. Сзади тяжело дышал Эдвард.

– Ну вот, все у нас получилось! – сказал Мики. – Никто нас не видел.

– Нас еще могут поймать, когда мы будем возвращаться, – мрачно сказал Эдвард.

Мики усмехнулся. Эдвард, на его взгляд, был типичным англичанином, со светлыми волосами, голубыми глазами и вытянутым, похожим на кинжал, носом, широкоплечим парнем с неуклюжими движениями и без малейшего чувства стиля и вкуса. Оба они были

одного возраста – шестнадцать лет, – но во всех остальных отношениях представляли собой полную противоположность. Черноволосый Мики с вьющимися кудрями и темными глазами все время тщательно следил за своим внешним видом и одеждой.

– Доверься мне, Пиластер, – сказал он. – Разве я когда-нибудь тебя подводил?

Эдвард добродушно улыбнулся. Слова Мики, казалось, его успокоили.

– Ну хорошо, пойдём.

Они пошли по едва различимой тропинке, вьющейся среди деревьев. В тени берез и вязов было прохладно, и Мики почувствовал себя лучше.

– Чем вы будете заниматься этим летом? – спросил он Эдварда.

– В августе мы обычно уезжаем в Шотландию.

– У вас там охотничий домик? – Мики осваивал жаргон представителей английской знати и знал, что в таких случаях полагается говорить «охотничий домик», даже если на самом деле речь шла о замке из пятидесяти комнат.

– Родители арендуют, – ответил Эдвард. – Но мы там не охотимся. Отец ведь у меня не увлекается охотой.

В голосе Эдварда Мики различил нотки оправдания и задумался. Он знал, что английские аристократы любят в августе охотиться на птиц, а зимой на лис. Он также знал, что аристократы не отсылают своих сыновей в эту школу. Отцы учеников Уиндфилдской школы были не графами или епископами, а предпринимателями и инженерами, а такие люди не желают попусту тратить время на охоту и стрельбу. Пиластеры были банкирами, и когда Эдвард сказал, что его отец не увлекается охотой, он, по сути, признавался в том, что принадлежит не к самому высшему классу общества.

Мики забавляло, что англичане больше уважают праздность, а не трудолюбие. В его стране, правда, не уважали ни бездельников-аристократов, ни усердных предпринимателей. Его соотечественники уважают только силу и власть. Если человек имеет власть над другими, если в его власти заставить их голодать или накормить, бросить за решетку или освободить, убить или помиловать, то о чем еще остается мечтать?

– А ты? Как ты собираешься провести лето? – спросил Эдвард.

Этого-то вопроса Мики и ожидал.

– Останусь здесь, в школе.

– На все каникулы? Снова?

– А что еще делать? Отправиться домой я не могу. Шесть недель только в одну сторону – мне придется развернуться, даже не доплыв до дома.

– Да, невесело тебе.

На самом деле Мики и не хотелось возвращаться домой. Он недолюбливал свой дом с тех пор, как умерла мать. Теперь там остались одни мужчины: отец, старший брат Пауло, кое-какие другие родственники и четверста пастухов. Для своих людей отец Мики, по прозвищу Папа Миранда, был героем, но для самого Мики чужим человеком: холодным, нетерпеливым, раздражительным. Еще хуже был брат Пауло – глупый, но очень сильный. Пауло ненавидел Мики за то, что тот умнее, и потому пытался всячески оскорбить и унижить своего брата. Он никогда не упускал шанса посмеяться над тем, как Мики неумело набрасывает аркан на бычков, плохо держится в седле или промахивается, стреляя по змеям. Его любимой шуткой было напугать лошадь Мики, чтобы она понесла, а Мики вцеплялся в ее загривок, жмурился от страха и не открывал глаза, пока лошадь не уставала от безумного галопа по открытой пампе. Нет, Мики вовсе не испытывал желания возвращаться на

каникулы домой. Он хотел, чтобы его пригласили на лето погостить у Пиластеров.

Но Эдвард не сделал такого предложения, а Мики не стал настаивать, подумав, что такая тема еще не раз всплывет в их разговоре.

Мальчики перелезли через полуразвалившийся деревянный забор и пошли вверх по невысокому холму. Добравшись до вершины, они увидели перед собой круто высеченные края карьера с водой. Берега этого рукотворного водоема обрывались резко вниз, но ловкие мальчики без труда могли найти путь к самой кромке воды, где копошились жабы с лягушками и иногда проплывал уж.

К удивлению Мики, они оказались не единственными, кому пришла в голову мысль искупаться. В воде уже плескались три других мальчика.

Щурясь от солнечных бликов, он всматривался в обнаженные тела. Все трое были учениками четвертого класса Уиндфилдской школы.

Ярко-рыжая, почти морковного цвета, шевелюра принадлежала Антонио Сильве, который, несмотря на цвет волос, был соотечественником Мики. Отец Тонио не был таким богатым землевладельцем, как отец Мики, но семейство Сильва жило в столице и имело влиятельные знакомства. Как и Мики, Тонио не мог отправиться домой на каникулы, но у него были друзья в посольстве Кордовы в Лондоне, так что он вовсе не собирался оставаться на все лето в школе.

Вторым мальчиком был Хью Пиластер, двоюродный брат Эдварда, хотя никакого сходства между ними не наблюдалось. Хью был невысокого роста, черноволосым, стройным, с озорной улыбкой на лице. Эдвард сердился на Хью за то, что тот хорошо учится и что рядом с ним сам он, Эдвард, выглядит тупицей.

Третьим был Питер Миддлтон, довольно застенчивый мальчик, который постоянно ходил по пятам за Хью. У всех троих были белые гладкие тела тринадцатилетних подростков с тонкими руками и худыми ногами.

Затем Мики разглядел четвертого. Тот плавал у дальнего конца пруда и был старше остальных. Похоже, он держался отдельно. Лица его Мики не рассмотрел и не смог распознать, кто это такой.

Эдвард злобно усмехнулся. Он понял, что ему представился случай расквитаться со своим двоюродным братом за все обиды. Приложив палец к губам, он жестом предложил Мики спуститься к карьере. Мики последовал за ним. Так, не говоря ни слова, они дошли до выступа, на котором купающиеся оставили свою одежду. Тонио и Хью были увлечены тем, что постоянно ныряли, словно исследуя что-то под водой, а Питер спокойно плавал сам по себе. И он же первым заметил подошедших.

– О нет! – вырвалось у него.

– Так-так-так! – назидательным тоном произнес Эдвард. – Значит, нарушаете правила?

К этому моменту и Хью заметил своего двоюродного брата.

– Вы тоже нарушаете! – крикнул он.

– Лучше вам вернуться, пока вас не хватились, – сказал Эдвард, поднимая с землю брюки. – Только смотрите, не промокните, а то все узнают, где вы были.

С этими словами он швырнул брюки подальше в пруд и закудахтал от смеха.

– Ах ты гад! – воскликнул Питер, подплывая к брюкам и стараясь их выхватить из воды.

Мики усмехнулся.

Эдвард подобрал ботинок и тоже швырнул его в воду.

Младшие мальчики засуетились. Эдвард взял еще одни брюки, которые отправил вслед

за предыдущими. Ему казалось забавным, как жертвы его шутки беспокойно кричат и ныряют за своими вещами. Мики тоже засмеялся.

Пока Эдвард продолжал кидать в воду башмаки и одежду, Хью Пиластер выбрался на берег. Мики подумал, что Хью бросится наутек, но тот направился напрямик к Эдварду. Не успел Эдвард обернуться, как Хью ударил его что было сил. Эдвард, несмотря на то что был гораздо крупнее Хью, пошатнулся, потерял равновесие, замахал руками и рухнул с крутого берега в пруд, подняв целый фонтан брызг.

Все это произошло в мгновение ока. Хью сгреб оставшуюся одежду в охапку и неуклюжими движениями, словно обезьяна, стал подниматься по склону. Мики было бросился за ним, но подумал, что не догонит такого стройного и шустрого подростка. Вместо этого Мики обернулся и посмотрел, как там Эдвард. Волноваться было не о чем, Эдвард вынырнул и крепко ухватился за Питера, в ярости погружая его голову в воду раз за разом в отместку за издевательский смех.

Тонио отплыл подальше и вышел на дальнем берегу пруда, держа в руках мокрую одежду.

– Отвяжись от него, ты, обезьяна! – крикнул он Эдварду.

Тонио отличался вспыльчивостью, и Мики даже стало интересно, что он сделает на этот раз. Тонио прошелся по берегу, нашел камень побольше и подобрал его. Мики крикнул, чтобы предупредить Эдварда, но было уже поздно. Тонио на удивление точно швырнул камнем и угодил Эдварду прямо в голову. На брови Эдварда выступило алое пятно.

Эдвард заревел от боли и, оттолкнув Питера, поплыл через пруд к Тонио.

Хью бежал голым через лес к школе, зажав в руках остатки своей одежды и стараясь не обращать внимания на боль в босых ногах. Там, где тропинку пересекала другая, он повернул налево, пробежал немного, нырнул в кусты и затаился.

Там он некоторое время лежал, переводя дыхание и прислушиваясь. Его двоюродный брат Эдвард и дружок Эдварда, Мики Миранда, слыли самыми отпетыми негодяями в школе. Лучшим способом отделаться от них было вовсе не попадаться им на глаза. Но Хью прекрасно понимал, что Эдвард так просто от него не отвяжется и будет преследовать его. Эдвард всегда ненавидел Хью.

Их отцы тоже были в ссоре. Отец Хью, Тоби, забрал свою часть капитала из семейного предприятия и основал свое дело, торгуя красителями для текстильной промышленности. Даже сейчас, в тринадцать лет, Хью знал, что худшим преступлением для семейства Пиластеров было забрать свой капитал из общего банка. Отец Эдварда, Джозеф, так и не простил этого своему брату Тоби.

Интересно, подумал Хью, что случилось с остальными. Их было четверо, пока не пришли Мики с Эдвардом: Тонио, Питер и Хью плескались у ближнего берега, а ученик постарше, Альберт Кэммел, плавал один у дальнего берега.

Обычно Тонио был смел до безрассудности, но и он побаивался Мики Миранду. Они были родом из одной южноамериканской страны под названием Кордова, и Тонио утверждал, что семья Миранды очень влиятельная и жестокая. Хью не совсем понимал, что это значит, но видел, как Тонио, готовый дерзко задеть любого пятиклассника, в присутствии Мики затихает и становится преувеличенно вежливым, едва ли не услужливым.

А Питер, вероятно, и вовсе обезумел от страха, ведь он пугался даже своей собственной тени. Оставалось только надеяться, что рано или поздно хулиганы от него отстанут.

Альберт Кэммел, по кличке Горбун, пришел искупаться сам по себе и оставил свою одежду в другом месте, так что, наверное, ему тоже удалось уйти.

Хью посчастливилось скрыться первым, но неприятности его на этом не закончились. Он потерял нижнее белье, носки и ботинки. Придется прокрадываться в школу в мокрой рубашке и мокрых брюках в надежде, что его не заметят учителя или кто-нибудь из старших учеников. При мысли об этом он невольно испустил жалобный стон. «Почему со мной постоянно случается такое?» – мысленно спрашивал он себя.

Неприятности начались полтора года назад, сразу же после поступления в Уиндфилд. Обучение давалось Хью легко: он усердно занимался и на всех экзаменах показывал лучший результат в классе. Но его выводили из себя мелочные и бессмысленные правила. Он не понимал, зачем каждый вечер ложиться спать обязательно без четверти десять, когда у него всегда находились дела еще на полчаса. Если ученикам запрещали посещать какие-либо места, для него это было своего рода приглашение – его так и манили сад священника, дворик директора, подвал для угля и погреб с пивными бочками. Он бегал, когда надо было ходить, читал, когда надо было спать, и разговаривал во время молитвы. И он постоянно оказывался в ситуациях вроде нынешней, испуганный и недоумевающий, как его угораздило так вляпаться.

В лесу все замерло, и не было слышно ни звука, пока Хью горестно размышлял о своих несчастьях. Неужели ему суждено стать изгнанником, возможно, даже преступником,

которого бросят за решетку или закуют в кандалы и отправят в Австралию?

Наконец Хью уверил себя в том, что Эдвард его не выслеживает. Он встал, натянул мокрые брюки с рубашкой и тут услышал чей-то плач.

Осторожно он вытянул из-за куста шею, и тут же ему в глаза бросилась ярко-рыжая шевелюра Тонио. Его друг медленно брел по тропинке, держа в руках свою одежду и всхлипывая.

– Что случилось? – спросил Хью. – Где Питер?

– Нет, нет! Я никогда не расскажу! Никогда! Они меня убьют! – разъярился вдруг Тонио.

– Ну ладно, не хочешь – не говори, – поспешил успокоить его Хью.

Тонио боялся Мики. Если между ними что-то и произошло, то Тонио будет держать это в тайне. Хью предпочел перевести разговор в практическое русло.

– Лучше тебе одеться, – сказал он.

Тонио как бы с удивлением взглянул на мокрую одежду в своих руках. Казалось, он был слишком потрясен, чтобы понимать, как все это разобрать и надеть. Хью взял у него ботинки с брюками и один носок. Рубашки не было. Он помог одеться товарищу, а потом они оба пошли к школе.

Тонио перестал всхлипывать, хотя и продолжал смотреть перед собой невидящим взглядом. Хью подумал, что хулиганы, наверно, как-то уж очень сильно обидели Питера, отчего Тонио испугался сильнее обычного. Но сейчас пора было подумать, как спасти собственную шкуру.

– Если доберемся до спальни, то переоденемся в запасную одежду и наденем запасные ботинки, – вслух составлял план действий Хью. – Потом, когда нам разрешат выходить, сходим в город и купим в кредит новые в лавке Бакстеда.

Тонио кивнул.

– Хорошо, – сказал он глухо.

Пока они шли между деревьями, Хью снова задумался, почему Тонио так разволновался. В конце концов, хулиганские выходы в Уиндфилде были делом обычным. Что такого страшного случилось у пруда, после того как он сбежал? Но Тонио не говорил ни слова.

Школа располагалась в шести зданиях, некогда принадлежавших крупному фермерскому хозяйству. Спальным помещением служило здание старой маслобойни возле часовни. Чтобы попасть в него, нужно было перелезть через стену и пересечь двор для игры в мяч. Мальчики взобрались на стену и огляделись. Во дворе никого не было, как Хью и ожидал, но все равно он медлил перебрасывать ноги. Мысль о Хлестуне заставляла его содрогаться, но выбора не было. Нужно во что бы то ни стало вернуться в школу и переодеться.

– Путь свободен, – прошептал он. – Бежим!

Они спрыгнули со стены и перебежали через двор в спасительную тень каменной часовни. Пока что все шло гладко. Потом они завернули за угол и пошли украдкой вдоль восточной стены. Теперь им предстояло совершить последний бросок через дорогу и скрыться в здании. Хью осторожно выглянул из-за угла. Никого перед ними нет.

– Бежим! – приказал он.

Мальчики побежали через дорогу. У дверей их поджидало несчастье.

– Пиластер-младший! Это ты? – прогремел над ухом знакомый властный голос.

Хью понял, что его песенка спета. Сердце у него ушло в пятки. Он застыл на месте и обернулся. Надо же было так случиться, что как раз в этот момент доктор Оффертон вышел из часовни и теперь стоял в тени портала – высокий, худой, болезненного вида мужчина в

мантии и квадратной академической шапочке. Из уст Хью снова вылетел стон. У доктора Оффертонна недавно украли деньги, а потому он настроен гораздо суровее всех остальных учителей. Встречи с Хлестуном теперь им точно не миновать. От этой мысли Хью невольно поежился.

– Подойди ко мне, Пиластер, – приказал доктор Оффертон.

Хью пошел к нему на негнущихся ногах, за ним плелся Тонио. «И зачем я вечно рискую?» – думал Хью в отчаянии.

– В кабинет директора, немедленно, – сказал учитель.

– Да, сэр, – выдавил из себя Хью.

Положение становилось все хуже и хуже. Когда директор увидит его мокрую одежду, то его, пожалуй, исключат из школы. Как он это объяснит матери?

– Живее! – нетерпеливо воскликнул учитель.

Оба мальчика словно по команде развернулись, но доктор Оффертон добавил:

– Я говорил не тебе, Сильва.

Хью с Тонио обменялись удивленными взглядами. Неужели решили наказать одного Хью, а Тонио оставить в покое? Но подвергать сомнению приказ учителя они все равно не осмелились бы. Тонио быстро скрылся в спальном помещении, а Хью отправился к директору.

Он уже ощущал прикосновение Хлестуна. Он знал, что неминуемо расплатится, а это гораздо хуже, чем физическая боль, ведь в тринадцать лет он достаточно взрослый, и ему будет стыдно лить слезы, как маленькому ребенку.

Дом директора располагался дальше других зданий. Хью едва переставлял ноги, но все равно ему показалось, что он дошел до него слишком быстро, а служанка распахнула дверь сразу же, как только он взялся за шнурок колокольчика.

Доктор Поулсон стоял в холле. Директор был лысеющим мужчиной с лицом бульдога, но выглядел он не слишком рассерженным, как полагалось бы. Не спрашивая, почему Хью застали вне спальни и почему с него течет вода, он открыл дверь своего кабинета и тихо произнес:

– Заходи, Пиластер!

Хью зашел и, к своему изумлению, увидел мать, которая сидела в кресле.

Еще хуже было то, что она рыдала.

– Я только хотел искупаться! – выпалил Хью.

Дверь за ним закрылась, и Хью понял, что директор остался снаружи.

Тут до него стало доходить, что эта ситуация не имеет никакого отношения к тому, что он нарушил правила, тайком купался в неподобающем месте, потерял одежду и был обнаружен мокрым и полуодетым.

Оказалось, что на свете бывают вещи гораздо хуже.

– Мама, что случилось? – спросил он. – Почему ты приехала?

– Ах, Хью! – сказала она сквозь рыдания. – Твой отец умер.

Из всех дней недели Мэйзи Робинсон больше всего нравилась суббота. В субботу папа получал жалованье, а это означало, что на ужин будет мясо и свежий хлеб.

Вместе с братом Дэнни они сидели на крыльце и ждали возвращения отца с работы. Дэнни исполнилось тринадцать, и он был на два года старше Мэйзи. Она думала о том, какой же он замечательный брат, пусть и не всегда бывает добрым к ней.

Их дом располагался в длинном ряду таких же унылых и покрытых плесенью зданий на окраине небольшого рабочего городка у северо-восточного побережья Англии. Дом принадлежал вдове миссис Макнил, которая жила на первом этаже, в комнате с окнами на улицу. Робинсоны жили в комнате, выходящей на задний двор, а еще одна семья жила наверху. Когда папа возвращался домой, миссис Нил уже поджидала его на крыльце и требовала плату за жильё.

Мэйзи проголодалась. Вчера она выпросила у мясника несколько расколотых костей, папа купил репы, и они сварили похлебку. С тех пор у нее во рту не было ни крошки. Но сегодня же суббота!

Она старалась не думать об ужине, потому что от этого в желудке становилось еще больнее. Чтобы отвлечься от мыслей об еде, она повернулась к Дэнни и сказала:

– А папа сегодня выругался.

– И что же он сказал?

– Он назвал миссис Макнил «*paskudniak*».

Дэнни усмехнулся. На идише это слово означало «дрянь, гадина», только гораздо сильнее. Брат с сестрой бегло говорили по-английски уже через год после проживания в новой стране, но свой родной язык не забывали.

На самом деле они были не Робинсоны, а Рабиновичи. Узнав об этом, миссис Макнил их возненавидела. До этого она никогда не общалась с евреями и сдала им комнату, подумав, что они французы. Других евреев в этом городке не было. Робинсоны тоже не собирались селиться здесь, они заплатили за проезд до Манчестера, где жило много евреев, и капитан корабля, причалив к пристани, сказал им, что это и есть Манчестер. Когда выяснилось, что их обманули, папа пообещал накопить достаточно денег для переезда в настоящий Манчестер, но тут заболела мама. Сейчас, когда они сидели на крыльце, она до сих пор лежала больная.

Папа работал в порту, в большом складском здании, с надписью «Тобиас Пиластер и Ко.» большими буквами над воротами. Мэйзи часто размышляла, кто же такой этот «Ко». Папа служил там конторщиком, записывающим в большую книгу количество бочек с краской, которые привозили на склад и увозили со склада. Папа всегда был аккуратным человеком, ему нравилось составлять списки и делать заметки. Мама была его противоположностью, дерзкой мечтательницей. Именно мама настояла на том, чтобы переехать в Англию. Ей нравилось устраивать праздники, отправляться на прогулки, заводить новые знакомства и играть в игры. Вот почему папа так ее любил, подумала Мэйзи, потому что она была такой, каким он сам никогда не станет.

Но сейчас дух приключений в ней угас. Целые сутки напролет она лежала на старом матрасе в полудреме. Ее бледное лицо покрывали блестящие капельки пота, тяжелое дыхание с трудом вырывалось из груди. Врач сказал, что ей нужно «набираться сил», а для

этого есть много свежих яиц со сливками и говядину. В тот день отец отдал врачу деньги, которые предназначались им на ужин. С тех пор Мэйзи испытывала стыд всякий раз, когда ела, ведь получалось, что она поглощала пищу, которая могла бы спасти жизнь ее матери.

Мэйзи и Дэнни научились воровать. В базарный день они пробирались на центральный рынок городка и пытались стянуть картофелины и яблоки из-под прилавков. Торговцы пристально следили за своим товаром, но рано или поздно что-нибудь отвлекало их внимание – ссора из-за сдачи, драка собак или горланящий песни пьяница. Тогда-то дети и хватали то, до чего дотягивались. При удаче можно было встретить ребенка из богатой семьи их возраста, запугать его и ограбить. У таких детей обычно всегда что-нибудь находилось в карманах – апельсин, кулек со сладостями или несколько пенсов. Мэйзи боялась, что их поймут и что тогда маме будет стыдно за их поведение, но ничего поделать не могла, голод оказывался сильнее угрызений совести.

Подняв голову, она увидела, как по улице идет компания мужчин. Интересно, кто они такие? Для рабочих, возвращавшихся домой, было еще рановато. Мужчины сердито что-то выкрикивали, переругивались между собой и трясли руками со сжатыми кулаками. Когда они подошли поближе, Мэйзи узнала мистера Росса, жившего наверху и работавшего вместе с папой на складе Пиластера. Почему он не на работе? Неужели его уволили? Он выглядел сердитым, лицо его покраснело, из уст вылетали проклятия – что-то про «тупых мерзавцев», «вшивых паразитов» и «врущих ублюдков».

Когда компания поравнялась с домом, мистер Росс отошел от нее и вбежал в дом по крыльцу. Мэйзи и Дэнни едва увернулись, чтобы не попасть под его грубые, подбитые гвоздями ботинки.

Чуть позже она увидела и папу, худого мужчину с черной бородой и кроткими карими глазами. Он следовал за другими чуть поодаль, склонив голову. Вид его был настолько грустен и печален, что Мэйзи чуть не заплакала.

– Папа, что случилось? – крикнула она. – Почему ты вернулся так рано?

– Зайдите в дом, – сказал он так тихо, что Мэйзи едва разобрала его слова.

Дети прошли за отцом в комнату, где он встал на колени возле матраса и поцеловал маму в губы. Мама проснулась и улыбнулась. Но папа в ответ не улыбнулся.

– Фирма разорилась. Тоби Пиластер банкрот, – сказал он на идише.

Мэйзи не поняла, что это значит, но по голосу догадалась, что ничего хорошего в этом нет. Она вопросительно посмотрела на Дэнни, тот в ответ пожал плечами. Он тоже не понял.

– Но почему? – спросила мама.

– Финансовый кризис, – сказал папа. – Вчера обанкротился один большой банк в Лондоне.

Мама нахмурилась.

– При чем тут мы и Лондон?

– Подробностей я не знаю.

– Значит, работы больше нет?

– Работы нет. И денег нет.

– Но сегодня-то тебе заплатили?

Папа склонил голову еще ниже.

– Нет, не заплатили.

Мэйзи снова посмотрела на Дэнни. Это они поняли. Нет денег – значит, не на что купить еды. На лице Дэнни отразился страх. Мэйзи снова захотелось заплакать.

– Но они должны тебе заплатить, – прошептала мама. – Ты же работал целую неделю, они просто обязаны.

– У них нет денег, – сказал папа. – Это и значит «банкротство». Когда ты должен людям деньги, но не можешь их им отдать.

– Но ведь мистер Пиластер хороший человек, как ты всегда говорил.

– Его больше нет. Вчера ночью Тоби Пиластер повесился в своей лондонской конторе. У него остался сын, примерно такой же, как Дэнни.

– А как нам теперь кормить наших детей?

– Я не знаю, – тихо сказал папа и, к ужасу Мэйзи, заплакал. – Прости меня, Сара, – говорил он сквозь слезы, – я привез тебя в это отвратительное место, где нет ни одного еврея и никто не может нам помочь. Я не могу заплатить врачу, не могу купить лекарства, не могу накормить наших детей. Я подвел тебя, я виноват, прости меня, прости...

Он подался вперед и прижался мокрым лицом к груди мамы. Она гладила его по голове дрожащей рукой.

Мэйзи охватил ужас. Папа никогда не плакал. Наверное, это действительно конец всем их надеждам. Все они теперь умрут.

Дэнни встал, посмотрел на Мэйзи и кивком предложил выйти из комнаты. Мэйзи встала, и вместе они на цыпочках вышли. Усевшись на крыльце, Мэйзи заплакала.

– Что нам теперь делать? – спросила она.

– Сбежим из дома, – ответил Дэнни.

От слов Дэнни внутри у нее похолодело.

– Сбежим? Как? Нам нельзя.

– Мы должны сбежать. Еды нет. Если останемся, то умрем с голоду.

Мэйзи было все равно, умрет она или нет, но ей пришла в голову другая мысль. Мама готова голодать сама, чтобы накормить своих детей. Если они останутся, она совершенно точно умрет. Им придется сбежать, чтобы спасти ее.

– Ты прав, – сказала Мэйзи. – Если мы уйдем, то папа найдет достаточно еды для мамы. Сбежим ради нее.

Произнося эти слова, она не могла поверить в то, что произошло с их семьей. Этот день был даже хуже того дня, когда они сбежали из местечка Вишки, оставив позади сгоревший дом, и сидели в холодном поезде, прижавшись друг к другу, взяв с собой единственный мешок с пожитками. Тогда она знала, что папа сможет о них позаботиться, что бы ни случилось. А теперь они должны заботиться о себе сами.

– Куда мы пойдем? – спросила Мэйзи шепотом.

– Я уплыву в Америку.

– В Америку? Как?

– В гавани стоит корабль, который утром отправляется в Бостон. Я проберусь на него по веревке и спрячусь на палубе под одной из шлюпок.

– Как безбилетные пассажиры, – произнесла Мэйзи одно-временно со страхом и восхищением.

– Точно.

Взглянув на брата, она впервые разглядела у него на верхней губе тонкие волоски будущих усов. Он становится мужчиной, и когда-то у него вырастет настоящая борода, как у папы.

– И долго плыть до Америки?

Дэнни задумался, потом виновато усмехнулся и ответил:

– Не знаю.

Мэйзи поняла, что расчет времени в его планы не входил.

– Значит, вместе мы не поплывем, – сказала она обреченно.

Его лицо приняло виноватое выражение, но переубеждать ее он не стал.

– Я тебе вот что скажу. Иди в Ньюкасл. Туда можно дойти дня за четыре. Это большой город, даже больше, чем Гданьск. Никому там до тебя дела не будет. Обрежь волосы, стяни брюки по росту и выдай себя за мальчишку. Найди конюшню и предложи свои услуги. Лошади всегда тебя слушались. Если хозяевам понравится, как ты работаешь, они кое-что тебе заплатят, а потом устроишься на работу получше.

Мэйзи было страшно даже подумать о том, что скоро она останется совсем одна.

– Нет, я лучше с тобой.

– Нельзя. Мне и одному-то будет нелегко пробраться на корабль и прятаться там несколько дней, красть еду и все такое. Я не могу взять тебя с собой.

– Необязательно за мной ухаживать. Я справлюсь сама и буду сидеть тихо, как мышка.

– Я все равно буду беспокоиться о тебе.

– А разве ты не беспокоишься, оставляя меня одну?

– Нам теперь самим нужно о себе заботиться! – сказал он в сердцах.

Мэйзи поняла, что он уже все решил. Его никогда ни в чем нельзя было переубедить после того, как он уже принял решение. Несмотря на растущий страх, она заставила себя задать следующий вопрос:

– Когда мы убежим? Утром?

Дэнни покачал головой.

– Сейчас. Мне нужно пробраться на корабль сразу, как только стемнеет.

– Ты что, серьезно?

– Да.

И в подтверждение своих слов он встал.

Мэйзи тоже встала.

– Может, нам нужно взять кое-что с собой?

– Что взять?

Она пожалала плечами. У нее не было запасного платья, не было никаких памятных вещей – вообще ничего не было. Еды или денег у них тоже не было.

– Ну, тогда поцеловать маму на прощание, – сказала она.

– Не надо, – резко сказал Дэнни. – Если поцелуешь ее, то останешься.

Он был прав. Если она еще раз увидит маму, то разрыдается и все расскажет. Она сжала кулаки, сдерживая слезы, и сказала:

– Хорошо, я готова.

Они пошли прочь, держась бок о бок.

Когда они дошли до конца улицы, ей захотелось оглянуться и бросить последний взгляд на дом, но она боялась, что тогда передумает, и поэтому пошла дальше, не оглядываясь.

Из газеты «Таймс»:

ХРАБРОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ШКОЛЬНИКА. Помощник coronера Эштона, мистер Х. С. Уосбро, расследовал вчера на станции Уиндфилд инцидент с обнаружением тела Питера Джеймса Сейнт-Джона Миддлтона, школьника тринадцати лет. Мальчик плавал в пруду на месте заброшенного карьера близ Уиндфилдской школы, когда проходившие мимо два старших ученика заметили, что он с трудом держится на воде. Один из старших учеников, Мигель Миранда, уроженец Кордовы, дал показания о том, что его товарищ, Эдвард Пиластер, пятнадцати лет, сбросил верхнюю одежду и нырнул в пруд, чтобы спасти младшего мальчика, но было уже слишком поздно. Глава Уиндфилдской школы, доктор Герберт Поулсон, показал под присягой, что ученикам было запрещено подходить к карьере, но он знал, что это правило часто нарушалось. Присяжные приняли вердикт о том, что это была гибель по неосторожности и что мальчик утонул по собственной вине. Помощник coronера особо отметил храбрость Эдварда Пиластера, попытавшегося спасти жизнь своего друга, и сказал о том, что мы поистине можем гордиться тем, как учебные заведения, подобные Уиндфилду, воспитывают в английских школьниках самые лучшие моральные качества.

Мики Миранда был всецело очарован матерью Эдварда.

Августа Пиластер была высокой, величественной женщиной тридцати с небольшим лет с черными волосами, черными бровями, высокими скулами, прямым носом и волевым подбородком, придававшими ее лицу надменное выражение. Ее нельзя было назвать «хорошенькой», да и особой красотой она не отличалась, но все же в этом гордом лице было нечто чарующее. Ради официального случая она облачилась в черное пальто и надела черную шляпу, делавшие ее еще более строгой. И все же Мики казалось, что эти строгие одежды скрывают роскошное тело, а надменные и властные манеры передают страстную натуру. Он с трудом отводил от нее взгляд.

Рядом с Августой сидел ее муж, Джозеф, отец Эдварда, – некрасивый человек лет сорока с кислой физиономией, с таким же носом, что и у Эдварда, и с волосами того же цвета, только начинавшими редеть; недостаток волос на голове, похоже, компенсировали пышные аристократические бакенбарды. Мики не мог понять, что же заставило великолепную женщину принять предложение такого неказистого мужчины. Скорее всего причиной тому – его богатство.

После судебных слушаний все они – мистер и миссис Пиластер, Эдвард, Мики и глава школы доктор Поулсон – возвращались в школу в экипаже, нанятом на железнодорожной станции. Мики с любопытством наблюдал, как директор оживает всякий раз, бросая взгляды на Августу Пиластер. «Старина Поул» то и дело интересовался, не утомило ли ее расследование, удобно ли ей сидеть, не нужно ли кучеру приказать ехать медленней, а под конец поездки даже выпрыгнул до того, как экипаж остановился, чтобы подать ей руку. Никогда еще его бульдожье лицо не выглядело таким подвижным.

Расследование прошло удачно. Мики с самым честным и простодушным видом изложил историю, которую они сочинили с Эдвардом, но внутри его мучил страх. Лицемерные англичане слишком большое значение придают правде, и если обнаружится, что он солгал, его ожидают большие неприятности. Но судей и заседателей настолько восхитила история о героизме школьника, что никто и не подумал в ней усомниться. Эдвард нервничал и заикался, но коронер счел, что мальчик волнуется из-за того, что не смог спасти жизнь Питеру, и настоятельно посоветовал ему не укорять себя.

Больше никого из школьников не допрашивали. Хью забрали из школы в тот же день, потому что скончался его отец. Тонио не допрашивали, потому что никто не знал, что он тоже был свидетелем происшествия, а сам он об этом не сказал, потому что его запугал Мики. Другой свидетель, неизвестный школьник, купавшийся у дальнего берега пруда, тоже не дал о себе знать.

Родители Питера Миддлтона были слишком убиты горем, чтобы присутствовать на заседании. Они послали своего адвоката, мужчину с заспанными глазами, единственной целью которого было уладить все как можно быстрее и без лишнего шума. Правда, на заседании присутствовал старший брат Питера, Дэвид, который начал было возмущаться, когда адвокат отказался задавать дополнительные вопросы Мики и Эдварду, но, к облегчению Мики, пожилой мужчина просто отмахнулся от излагаемых шепотом протестов. Мики был благодарен ему за лень: Эдвард точно не выдержал бы более подробного допроса и сдался бы.

В пыльной гостиной директора миссис Пиластер обняла Эдварда и поцеловала его в рану на лбу – туда, куда попал пущенный Тонио камень.

– Дорогой мой сынок, – вздохнула она.

Мики с Эдвардом не признались, что это Тонио кидал в Эдварда камень, потому что им пришлось бы объяснить причину. Вместо этого они рассказали, что Эдвард стукнулся головой, когда нырнул, чтобы спасти Питера.

Пока все пили чай, Мики наблюдал за Эдвардом, который вел себя не так, как обычно. Мать, сидя рядом с Эдвардом на диване, постоянно дотрагивалась до него, гладила и называла «Тедди». Вместо того чтобы возмущаться, как возмущаются почти все подростки от таких нежностей, Эдвард спокойно сидел и даже улыбался робкой улыбкой, которую Мики никогда раньше не видел. Она обожает своего сына до безумия, и это ему нравится, подумал Мики.

Через несколько минут, обменявшись с присутствующими ничего не значащими фразами, миссис Пиластер резко встала, застав этим врасплох мужчин, которые тоже поспешили подняться.

– Я уверена, вы не прочь покурить после чая, доктор Поулсон, – сказала она и, не дождавшись ответа, продолжила: – Мистер Пиластер составит вам компанию в саду. Тедди, дорогой, ступай с отцом, а я посижу немного в часовне, в тишине. Меня туда может проводить Мики.

– Разумеется-разумеется, как вам будет угодно, – залебезил директор школы, который из кожи вон лез, чтобы выполнить любую ее просьбу. – Миранда, проводи нашу гостью.

Мики это впечатлило. Как легко она заставила всех действовать так, как ей было нужно! Он открыл дверь, пропустил миссис Пиластер и последовал за ней.

В холле Мики вежливо поинтересовался:

– Не желаете взять зонтик, миссис Пиластер? Солнце сегодня жаркое.

– Нет, благодарю.

Они вышли наружу. У дома директора как бы невзначай прогуливалось много школьников. Мики понял, что до них дошла весть о поразительной матери Пиластера, и все поспешили хотя бы краем глаза посмотреть на нее. Довольный, что ему выпала такая честь, Мики гордо прошагал к школьной часовне.

– Мне подождать снаружи? – спросил он.

– Заходи. Я хочу поговорить с тобой.

Ему стало немного не по себе. Удовольствие от того, что он идет по школе в обществе потрясающей взрослой женщины, прошло, и он подумал: о чем же она хочет поговорить с ним наедине?

В часовне было пусто. Миссис Пиластер села на черную скамью и жестом пригласила Мики сесть рядом. Глядя прямо ему в глаза, она произнесла:

– А теперь говори правду.

Увидев проблеск удивления и страха в глазах подростка, Августа поняла, что была права. Но он тут же пришел в себя.

– Я уже рассказал все, что знаю.

Она покачала головой.

– Нет, не рассказал.

Он улыбнулся.

Улыбка застала ее врасплох. Она поймала его, она знала, что он должен защищаться; но

при этом он еще и улыбается? Немногие мужчины способны устоять перед ней, но этот юноша, похоже, исключительный образец.

– Тебе сколько лет? – спросила она.

– Шестнадцать.

Августа внимательно осмотрела его. Это был поразительной красоты юноша с кудрявыми темными волосами и гладкой кожей; при этом тяжелые веки и полные губы уже придавали ему выражение некоторой испорченности. Он напомнил ей графа Стрэнга, такого же милovidного и грациозного... Испытав чувство вины, она поспешила отмахнуться от этих мыслей.

– Питер Миддлтон вовсе не тонул в пруду, когда вы его увидели. Он спокойно плавал.

– Почему вы так говорите? – спросил Мики.

Августа почувствовала, что он боится, но сохраняет самообладание. Действительно, он уже зрел не по годам. Она вдруг поняла, что он, намеренно или нет, заставляет ее открыть свои карты.

– Ты забываешь, что там был и Хью Пиластер, мой племянник. На прошлой неделе его отец покончил с собой, как ты, вероятно, слышал, и поэтому сегодня его здесь не было. Но он рассказал все своей матери, сестре моего мужа.

– И что же он рассказал?

Августа нахмурилась.

– Он сказал, что Эдвард бросил одежду Питера в воду, – ответила она нехотя, до сих пор не понимая, что толкнуло Тедди на такой шаг.

– А потом?

Августа улыбнулась. Мальчишка явно взял ход беседы в свои руки. Получалось, что теперь он допрашивает ее, а не наоборот.

– Просто расскажи, что случилось.

– Хорошо, – кивнул он.

Августа одновременно испытала облегчение и разволновалась. Ей хотелось узнать правду, но она боялась, что правда окажется ужасной. Бедный Тедди, он и так едва не скончался в младенчестве, потому что случилось что-то не то с ее молоком, и пока врачи выяснили проблему и предложили нанять кормилицу, ребенок был уже на грани смерти. С тех пор он всегда был таким хрупким и ранимым, всегда нуждался в ее защите... Августа посмотрела на Мики.

– Эдвард не хотел сделать ничего плохого, – начал Мики. – Он просто дурачился. Он кинул одежду других учеников в пруд в шутку.

Августа кивнула. Ей это казалось понятным: мальчишки по-стоянно дразнят друг друга. Бедный Тедди, наверное, и ему от них до этого не раз доставалось, вот он и решил с ними расквитаться.

– А потом Хью толкнул Эдварда в пруд.

– От этого негодника всегда одни проблемы, – не сдержалась Августа. – Весь в своего отца.

«И скорее всего закончит он тоже как отец», – подумала она.

– Другие мальчишки засмеялись, а Эдвард навалился на Питера и погрузил его в воду с головой, чтобы отомстить за смех. Потом Хью убежал, а Тонио кинул камень в Эдварда.

Августа ужаснулась.

– Но он же мог потерять сознание и захлебнуться!

– Да, но все обошлось, Эдвард рассердился и поплыл за Тонио. Я следил за ними, а на Питера Миддлтона никто не смотрел. Тонио убежал от Эдварда, а потом мы заметили, что Питер притих и его совсем не слышно. Мы тогда еще не поняли, что произошло. Может, он слишком устал, когда боролся с Эдвардом, или ему не хватило воздуха, пока Эдвард держал его голову под водой. В общем, он лежал на воде лицом вниз. Мы вытащили его, но он уже не дышал.

«Вряд ли это вина Эдварда», – подумала Августа. Мальчики всегда грубы друг с другом. И все же она была благодарна, что эта история не всплыла во время расследования. Мики, хвала небесам, прикрыл Эдварда.

– А что другие мальчики? – спросила она. – Они ведь должны знать, что случилось на самом деле.

– Хью, к счастью, пришлось уехать из школы в тот же день.

– А другой – как ты его назвал, – Тонио?

– Антонио Сильва. Для краткости Тонио. Не беспокойтесь о нем. Он из моей страны и сделает все, что я ему прикажу.

– Почему ты так уверен?

– Он знает, что если из-за него у меня тут будут неприятности, то его родне дома не поздоровится.

В голосе мальчишки прозвучали такие холодные нотки, что Августа невольно поежилась.

– Вам холодно? – заботливо поинтересовался Мики.

Августа покачала головой.

– И больше никто этого не видел?

Мики нахмурился.

– Плавал в пруду еще один парень...

– Кто именно?

Мики пожал плечами.

– Я не разглядел его лица. Я же тогда не знал, что это будет важно.

– Он видел, что произошло?

– Не знаю. Я точно не помню, когда он ушел.

– Но когда вы вытащили тело из пруда, его уже не было?

– Не было.

– Хотелось бы узнать, кто это, – беспокойно сказала Августа.

– Возможно, он даже не был из школы. Может, пришел из города. В любом случае он не явился на разбирательство как свидетель, поэтому, я полагаю, нам он не опасен.

«Нам он не опасен». Августу поразил его рассудительный тон и то, что он считает ее соучастницей в чем-то недостойном, возможно, даже преступном. Такой поворот дел ей не нравился. Она начала эту беседу, не понимая, в какой окажется ловушке. Взглянув ему прямо в глаза, она спросила:

– Что ты хочешь?

Казалось, она впервые за все время его удивила.

– Что вы имеете в виду? – переспросил он озадаченно.

– Ты помог моему сыну и ради этого пошел на лжесвидетельство.

Ее прямота его смущала, это было заметно. Его смущение ей понравилось; это означало, что теперь она снова контролирует ситуацию.

– Не верю, что ты сделал это по доброте душевной, – продолжила она. Сдается мне, ты хочешь что-то взамен. Почему бы тебе прямо не сказать?

Она заметила, как его глаза скользнули по ее груди, и ей на мгновение показалось, что он готов сделать ей неприличное предложение.

– Я бы хотел провести лето с вами, – сказал Мики.

Этого она не ожидала.

– Почему?

– До моего дома плыть шесть недель. На каникулах мне придется остаться в школе, а это мне ужасно не нравится – тут одиноко и скучно. Мне бы хотелось провести лето вместе с Эдвардом.

Он вдруг снова превратился в обычного школьника. Она-то думала, что он попросит денег или, возможно, должность в банке Пиластеров. Но его просьба была такой ничтожной, почти детской. Хотя для него самого она, наверное, имела большое значение. В конце концов, ему всего шестнадцать лет.

– Хорошо, можешь погостить у нас, – ответила Августа.

Такая идея ей даже чем-то нравилась. Пусть этот юноша в каком-то смысле опасен, но он отличается хорошими манерами и внешней привлекательностью, будет неплохим гостем. И он может хорошо повлиять на Эдварда. Если Тедди и можно было в чем-то упрекнуть, так это в безволии и безынициативности. Мики казался его противоположностью – волевым и целе-устремленным. Вдруг Тедди хотя бы немного усвоит эти его качества?

Мики улыбнулся, обнажив ослепительно-белые зубы.

– Благодарю вас, – сказал он, не скрывая своего восторга.

Августе вдруг захотелось побыть совсем одной и поразмыслить над тем, что она только что узнала.

– А теперь оставь меня, – сказала она. – Я сама найду дорогу в дом директора.

Мики поднялся со скамьи.

– Еще раз позвольте высказать мою благодарность, – сказал он, протягивая руку.

Она взяла его за руку.

– И я благодарна тебе за то, что ты помог Эдварду.

Он склонился, словно намереваясь поцеловать руку, но, к ее изумлению, поцеловал прямо в губы. Все случилось так быстро, что она не успела уклониться и не нашла что сказать. Он тут же выпрямился, повернулся и вышел.

Немыслимо! Как он посмел поцеловать ее, да еще и в губы? Кем он себя возомнил? Первой мыслью было отменить приглашение на лето. Но этого уже сделать нельзя.

Почему нельзя? «Разве так сложно отменить приглашение, данное какому-то школьнику?» – спрашивала она себя. Он повел себя слишком дерзко и вызывающе и поэтому не может оставаться у них.

Но вместе с тем ее не покидало ощущение какой-то неловкости. Она вдруг поняла, что Мики не просто спас Тедди от позора. Все было гораздо хуже. Она вступила с Мики в преступный сговор и, как следствие, оказалась зависимой от него.

Августа долго сидела в прохладе часовни, разглядывая голые стены и с опасением размышляя о том, как ловкий юноша может воспользоваться своей властью.

Когда Мики Миранде исполнилось двадцать три года, его отец приехал в Лондон на закупку винтовок.

Сеньор Карлос Рауль Хавьер Миранда, известный под прозвищем Папа, был невысоким мужчиной с массивными плечами. Грубо высеченные черты его лица говорили о свойственной ему жестокости. В кожаных «чапаррахос» на ногах, в широкополой шляпе и сидя на скакуне, он казался воплощением мужественности и властности, но здесь, в Гайд-парке, во фраке и цилиндре, он выглядел нелепо, что еще сильнее выводило его из себя.

Они совсем не походили друг на друга. Мики был высоким стройным молодым человеком с приятными чертами лица и много добивался скорее улыбкой, а не угрозами. Он давно уже привык к изысканной лондонской жизни: красивая одежда, изящные манеры, льняные простыни и водопровод в домах. Больше всего его пугала перспектива вернуться в Кордову. Еще более ужасной была мысль о том, чтобы подчиняться старшему брату Пауло, казавшемуся точной копией отца. Если и возвращаться домой, то только в роли влиятельной персоны, важной сама по себе, а не в качестве младшего сына Папы Миранды. Тем временем нужно убедить отца, что он, Мики, окажется более полезным в Лондоне, чем в Кордове.

Они шли вдоль Саут-Кэрридж-Драйв. В субботний летний полдень парк был заполнен хорошо одетыми горожанами, прогуливающимися пешком, верхом на лошадях или в открытых экипажах. Все наслаждались приятной теплой погодой. Но Папе было не до удовольствий.

– Я должен раздобыть эти винтовки! – дважды пробормотал он себе под нос по-испански.

Мики ответил ему на том же языке.

– Можно было бы купить их и дома.

– Две тысячи? Да, можно было бы. Только как скрыть от всех такую крупную партию?

Значит, он хочет провернуть дело втайне, подумал Мики, не представляя, что затеял его отец. Две тысячи винтовок, да еще и патроны к ним, – на это уйдут едва ли не все наличные их семейства. Зачем отцу так вооружаться? Никаких военных действий в Кордове не велось со ставшего уже знаменитым «Марша пастухов», когда возглавляемые Папой отряды перешли через Анды и освободили провинцию Санта-Мария от испанцев. Так зачем же ему винтовки? Если собрать вместе всех пастухов, родственников и прихлебателей отца, то едва ли наберется тысяча. Папа, вероятно, решил собрать армию побольше. С кем он собирается воевать? Но отец не спешил делиться информацией, а Мики побаивался спрашивать.

Вместо этого он сказал:

– К тому же дома не найдешь таких качественных винтовок.

– Да, верно. Винтовка Уэстли-Ричардса – лучшая из тех, что я держал в руках.

Мики был рад помочь отцу с выбором оружия. Его всегда интересовали различные виды оружия, и он старался знакомиться со всеми последними достижениями в этой области. Папе нужны были короткоствольные винтовки, не слишком громоздкие, чтобы обращаться с ними в седле. Мики отвез отца на фабрику в Бирмингеме и показал ему заряжающийся с казенной части карабин Уэстли-Ричардса, прозванный обезьяньим хвостом по форме

спускового крючка.

– И там их изготавливают очень быстро, – добавил Мики.

– Я думал, что на такую партию уйдет полгода. А они готовы сделать ее за несколько дней!

– Они используют американские станки.

Когда-то винтовки и ружья по отдельности делали кузнецы, подгоняя различные части оружия методом проб и ошибок, и на изготовление двух тысяч винтовок у них бы действительно требовалось не менее полугода. Но современные станки были настолько точны, что любые детали подходили к любому оружию той же марки, и фабрика с хорошим оборудованием могла выпускать сотни одинаковых винтовок в день, как булавки.

– И еще машину, которая делает двести тысяч патронов в день! – воскликнул Папа, качая головой в изумлении.

Но тут же его настроение вновь переменилось, и он нахмурился.

– Как они вообще смеют требовать деньги до передачи винтовок?

Отец Мики не имел ни малейшего представления о международной торговле и считал, что производители оружия должны доставить винтовки в Кордову и получить деньги уже там. Но оказалось, что он должен заплатить бирмингемской фабрике еще до того, как партия выйдет из ее ворот.

– Мы решим этот вопрос, Папа, – поспешил успокоить его Мики. – Для того и существуют торговые банки.

– Повтори-ка еще раз. Хочу убедиться в том, что все понял, – попросил отец.

Мики был только рад объяснить что-нибудь Папе.

– Банк заплатит производителю в Бирмингеме. Я распорядюсь, чтобы партию товара отправили в Кордову, и застрахую ее. Когда она придет, банк примет от тебя платеж в своем отделении в Кордове.

– Но тогда ему придется доставлять серебро в Англию.

– Не обязательно. На эти деньги он может приобрести партию соленого мяса, направляющуюся из Кордовы в Лондон.

– Как банки вообще остаются в прибыли?

– Берут суммы от сделок. Получают от производителя винтовок скидку за крупную партию, возьмут комиссию за доставку и страховку, а также проценты за выданный кредит.

Папа кивнул. Он не хотел показывать виду, но объяснения его впечатлили, и Мики был этому рад.

Покинув парк, они направились по Кенсингтон-Гор к дому Джозефа и Августы Пиластер.

Все семь лет, прошедшие со дня гибели Питера Миддлтона, Мики проводил каникулы в семье Пиластеров. Закончив школу, они с Эдвардом год путешествовали по Европе, а потом три года жили вместе в Оксфорде, устраивая шумные пирушки и лишь иногда делая вид, что учатся.

Мики так больше ни разу и не поцеловал Августу, хотя ему этого очень хотелось. Как хотелось и не только поцеловать ее. Ему казалось, что она не стала бы возражать; под ее строгой внешностью и напускной важностью таилась страстная душа – он был в этом более чем уверен. Но он сдерживался из соображений благоразумия. Он достиг высокого положения, и одно из богатейших семейств Англии принимало его, почти как своего собственного сына; было бы глупо рисковать всем, ухаживая за женой Джозефа. Тем не

менее он не мог прогнать заманчивые мысли и втайне продолжал мечтать о ней.

Недавно родители Эдварда переехали в новый дом на Кенсингтон-Гор. На южной стороне улицы, некогда бывшей сельской дорогой, ведущей по полям от Мэйфера к деревушке Кенсингтон, выстроились великолепные особняки. На севере располагался Гайд-парк и сады Кенсингтонского дворца. Идеальное место для проживания богатого семейства банкиров.

Что касается архитектурного стиля, то Мики не был так уверен.

Да, он поражал, это несомненно. Дом из красного кирпича и белого камня с огромными окнами на первом и втором этажах. Над вторым этажом возвышался громадный треугольный фронтон с тремя рядами окон – сначала шесть, над ними четыре и под вершиной два. Там размещались гостевые спальни для родственников и гостей, а также комнаты прислуги. На ступенчатых выступах по бокам фронтона стояли статуи львов, драконов и обезьян. На самой вершине красовался корабль с наполненными ветром парусами. Вероятно, он символизировал собой невольничье судно, которое, согласно семейной легенде, заложило основы процветания Пиластеров.

– Уверен, что второго такого дома не сыщется во всем Лондоне, – сказал Мики, когда они с отцом остановились, чтобы получше разглядеть особняк.

– А я уверен, что хозяйка на это и надеялась, – сказал отец по-испански.

Мики кивнул. Папа еще не встречался с Августой, но уже верно оценил ее характер.

Подвальный этаж дома тоже отличался большими размерами. Между ним и воротами был перекинут мост, ведущий к центральному входу. Двери были открыты, и они вошли внутрь.

Августа как раз принимала гостей на фэйф-о-клок, главной целью которого было похвастаться домом. В огромном холле с дубовыми панелями толпились многочисленные гости и слуги. Мики с отцом передали шляпы лакею и прошли сквозь толпу к гостиной в задней части дома. Французские окна были распахнуты настежь, и гости выходили на украшенную флагами террасу над большим садом.

Мики намеренно выбрал это многолюдное мероприятие, чтобы представить отца, поскольку Папа приятными манерами не отличался и было бы неплохо знакомить его с Пиластерами постепенно. Даже по меркам Кордовы, он пренебрегал светскими условностями, а в Лондоне и вовсе вел себя как лев на поводке. В частности, он настаивал на том, чтобы постоянно носить под сюртуком пистолет.

Папа сразу же, без помощи Мики, узнал Августу. Она стояла в центре комнаты, облаченная в платье королевского голубого цвета с низким квадратным вырезом, обнажавшим ее полные плечи. Пока Папа пожимал ей руку, она осмотрела его своим гипнотическим взглядом и произнесла низким бархатным голосом:

– Сеньор Миранда, приятно наконец-то познакомиться с вами.

Пока она очаровывала Миранду-старшего, Мики внимательно следил за ней. С тех пор как он поцеловал ее в часовне Уинд-филдской школы, она почти не изменилась. Дополнительная пара морщин вокруг черных глаз только подчеркивала их выразительность; пара седых волос только усиливала темноту остальных, небольшая полнота сделала ее формы еще более соблазнительными.

– Мики часто рассказывал о том, какое у вас замечательное ранчо, – продолжала светскую беседу Августа.

– Вы обязательно должны когда-нибудь посетить нас, – сказал Папа, также понижая голос.

«Боже упаси», – подумал Мики. В Кордове Августа смотрелась бы совершенно не на своем месте, как фламинго в угольной шахте.

– Возможно, когда-нибудь к вам и приеду, – ответила Августа. – Это далеко?

– На новых быстрых кораблях не более месяца.

Он все еще держал ее за руку, как заметил Мики. И в голосе его появились слащавые нотки, отчего Мики испытал некоторую ревность. Если кто-то и должен флиртовать с Августой, то он, Мики, а вовсе не его отец.

– Я слышала, что Кордова чудесная страна, – сказала Августа.

Мики молился, чтобы Папа не выкинул чего-нибудь из ряда вон выходящего. Но тот умел выставить себя в выгодном свете, когда это ему бывало нужно, и теперь разыгрывал для Августы роль романтического южноамериканского гранда.

– Обещаю, что вас примут как настоящую королеву, которой вы, несомненно, и являетесь, – произнес он низким голосом.

Было совершенно ясно, что он старается подольститься. Но и Августа была ему под стать.

– Какое необычайно заманчивое предложение, – сказала она с беззастенчивым притворством, которого Папа не заметил.

Опустив руку, она, не медля ни секунды, обернулась и воскликнула:

– Ах, капитан Тиллотсон, как мило с вашей стороны, что вы пришли!

И тут же отошла, чтобы поприветствовать вновь прибывшего гостя.

Папа рассердился и не сразу пришел в себя. Постояв немного, он резко сказал:

– Отведи меня к главе банка.

– Да, конечно, – нервно ответил Мики.

Он огляделся в поисках Старого Сета. Сегодня здесь собралось все семейство Пиластеров, включая незамужних тетюшек, племянников и племянниц, троюродных братьев и родственников супругов. Мики разглядел в толпе членов парламента и представителей мелкой знати. Многие из гостей были деловыми знакомыми и, как догадывался Мики, конкурентами Пиластеров. Среди них возвышался высокий, словно вытянувшийся по струнке, Бен Гринборн, глава Банка Гринборнов – по уверению многих, самый богатый человек мира. Бен был отцом Соломона, того мальчика, которого Мики некогда называл Толстяком. После школы они не встречались: Толстяк не путешествовал по Европе и не учился в университете, а сразу занялся делами семейного предприятия.

Аристократы обычно считали вульгарными разговоры о деньгах, но собравшиеся не разделяли такого предубеждения, и Мики часто слышал в их речи слово «крах». Газеты тоже наперебой писали о финансовом крахе, разразившемся в Австрии. Многие акции значительно упали в цене, и учетная ставка повысилась, как утверждал Эдвард, который недавно стал работать в семейном банке. Некоторые были напуганы, но Пиластеры верили в то, что Лондон удержится и не рухнет в финансовую пропасть вслед за Веной.

Мики вывел отца через открытое французское окно на мощеную террасу, где в тени полосатых навесов были расставлены скамьи. Там они увидели Старого Сета, который, несмотря на теплую погоду, сидел с накинутым на колени пледом. Он ослаб от какой-то неизвестной болезни и выглядел хрупким, как скорлупа, хотя вытянутый пиластерский нос с горбинкой до сих пор придавал ему внушительный вид.

К старику подошла одна из гостей.

– Как жаль, что вы сегодня плохо себя чувствуете и не можете посетить королевский

прием.

Мики мог бы многое рассказать этой женщине о том, как сильно она ошибается, обращаясь к старшему Пиластеру с таким фальшивым проявлением сочувствия.

– Напротив, я весьма рад такому предлогу, – сердито фыркнул Сет. – Не вижу причин кланяться перед людьми, не заработавшими в жизни ни гроша.

– Но там будет принц Уэльский – такая честь!

Сет не терпел, когда ему возражали.

– Молодая дама, имя Пиластеров служит гарантией честности и добропорядочности в тех уголках мира, где даже слыхом не слыхивали о принце Уэльском.

– Но мистер Пиластер, послушать вас, так можно подумать, что вы с неодобрением относитесь к королевскому семейству, – не унималась дама, продолжая обращаться к старику в неподобающе игривом тоне.

Сет уже лет семьдесят ни с кем не шутил.

– В Библии сказано: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». Это сказал святой апостол Павел во втором своем послании к фессалоникийцам, глава третья, стих десятый, и при этом, что примечательно, он не упомянул ни о каком исключении относительно членов королевских семейств.

Женщина в смущении удалилась. Подавив улыбку, Мики обратился к нему:

– Мистер Пиластер, разрешите представить вам моего отца, сеньора Карлоса Миранду, приехавшего из Кордовы с визитом.

Сет пожал руку Папе.

– Из Кордовы? У моего банка есть отделение в вашей столице, Пальме.

– Я редко бываю по делам в столице, – сказал Папа. – У меня ранчо в провинции Санта-Мария.

– Значит, вы производите мясо.

– Совершенно верно.

– Советую вам обратить внимание на холодильные установки.

Папа удивленно посмотрел на Мики. Тот поспешил объяснить:

– Недавно изобрели машину, которая сохраняет мясо холодным. Если удастся придумать, как разместить ее на корабле, то можно отправлять свежее мясо в любую страну мира, не засаливая его.

Папа нахмурился.

– Для нас это плохо. У меня большой завод по засолке.

– Вот мой вам совет – снесите этот завод. Займитесь холодильными установками.

Папе не нравилось, когда посторонние давали ему советы, и Мики насторожился. Уголкем глаза он заметил Эдварда.

– Папа, я хочу познакомить тебя с моим лучшим другом.

Под этим предлогом ему удалось отвести Папу от Сета.

– Позволь мне представить Эдварда Пиластера.

Папа окинул Эдварда холодным изучающим взглядом. Эдвард не отличался изящной наружностью – он пошел в своего отца, а не в мать – и походил на крепкого деревенского увальня с массивными плечами и румянцем на щеках. Поздние пирушки и огромное количество выпиваемого вина не сказывались на его внешнем виде – по крайней мере, пока что. Папа пожал ему руку и сказал:

– Я слыхал, вы уже давно приятели.

– Закадычные друзья, – сказал Эдвард.

Папа нахмурился, не поняв, что имеет в виду его собеседник.

– Мы можем обсудить с тобой одно дело? – спросил Мики.

Они сошли с террасы на только что уложенный газон, обрамленный невысокими кустиками со следами земли.

– Отец хочет сделать здесь кое-какие крупные покупки, и нам необходимо договориться об оплате и доставке, – продолжил Мики. – Это может стать твоим первым большим делом в семейном банке.

Эдвард весь обратился в слух.

– Буду рад вам помочь, – сказал он Папе. – Не желаете ли посетить банк завтра утром, чтобы совершить все необходимые операции?

– Да, мы придем, – согласился Папа.

– Хочу спросить тебя еще об одном, – сказал Мики. – Что, если корабль потонет? Кто окажется в убытке – мы или банк?

– Никто, – с самодовольной улыбкой ответил Эдвард, радуясь случаю блеснуть своими не такими уж и обширными познаниями. – Груз будет застрахован в компании Ллойда. Мы просто получим страховую сумму и отправим вам новую партию. Вам не нужно платить до получения товара. А что за товар, кстати говоря?

– Винтовки.

Лицо Эдварда вытянулось.

– Ах, вот как... Тогда, боюсь, ничего не получится.

– Почему? – с удивлением спросил Мики.

– Из-за Старого Сета. Он же методист, как ты знаешь. Вообще-то вся наша семья – методисты, но он самый религиозный. Он ни за что не даст согласия на торговлю оружием, а ведь он старший партнер, и такова политика банка.

– Вот черт! – выругался Мики и бросил опасливый взгляд на отца.

Тот, к счастью, не понял всех подробностей их беседы. Мики почувствовал, как в животе у него холодеет. Неужели весь его план обречен на провал только из-за каких-то дурацких религиозных предрассудков Старого Сета? Старый лицемер одной ногой уже в могиле, зачем ему вмешиваться?

– Он должен уйти в отставку, – сказал Эдвард. – Но мне кажется, что его место займет дядюшка Сэмюэл, а он придерживается тех же взглядов.

Еще хуже. Сэмюэл был сыном Сета, холостяком пятидесяти трех лет, совершенно здоровым.

– Тогда придется обратиться в другой торговый банк, – сказал Мики.

– Да, это несложно, если только вы сможете предоставить пару солидных рекомендаций, – сказал Эдвард.

– Рекомендаций? Зачем?

– Ну, любой банк же всегда рискует тем, что покупатель откажется от сделки и оставит ему партию невостребованного товара на другом конце земного шара. Банкирам необходимы какие-то гарантии в том, что они имеют дело с уважаемым предпринимателем.

Эдвард понимал, что в Южной Америке еще не существовало самого понятия «уважаемый предприниматель». Папа был «каудильо» – провинциальным землевладельцем, в распоряжении которого имелись сотня тысяча акров степной земли и несколько сотен пастухов, выполнявших заодно и роль его личной армии. Англичане не

видали ничего похожего со времен Средневековья. Это все равно что требовать рекомендаций у Вильгельма Завоевателя.

Внешне Мики постарался не показать своего разочарования.

– Конечно, мы что-нибудь придумаем, – сказал он, но в действительности пришел в отчаяние.

Если он хочет остаться в Лондоне, ему необходимо во что бы то ни стало повернуть эту сделку.

Мики с отцом повернулись и пошли обратно к многолюдной террасе. Папа еще не понял, что они столкнулись с серьезной трудностью, но Мики решил объяснить ему это позднее. Тогда-то его ожидает настоящая головомойка – Папа не терпел, когда у него что-то не получалось, и легко впадал в гнев.

На террасу вышла Августа.

– Тедди, дорогой, найди, пожалуйста Хастеда, – обратилась она к Эдварду. – Лимонада почти не осталось, а этот негодник куда-то запропастился.

Хастедом звали ее вездесущего валлийца-дворецкого.

Когда Эдвард ушел, Августа благосклонно улыбнулась Папе.

– Не скучаете ли вы на нашей небольшой вечеринке, сеньор Миранда?

– Нет, благодарю вас, – ответил Папа.

– Вы должны отведать чаю или бокал лимонада.

Насколько знал Мики, отец предпочел бы текилу, но у методистов алкогольные напитки не подавались.

Августа перевела взгляд на Мики. Как всегда, она без труда угадала настроение собеседника.

– Я вижу, что что-то тебя беспокоит. В чем дело?

Мики решил, что не стоит скрывать от нее причину своего расстройства.

– Я надеялся, что Папа сможет помочь Эдварду заключить выгодную сделку для банка, но она связана с поставкой оружия, а Эдвард сказал, что дядюшка Сет не намерен иметь никаких дел с оружием.

– Сету недолго осталось; скоро он уже не будет старшим партнером, – сказала Августа.

– Что толку? Его место займет Сэмюэл, а он настроен так же, как и его отец.

– Сэмюэл? – переспросила Августа с легким недовольством в голосе. – А кто сказал, что именно он будет следующим старшим партнером?

II

Хью Пиластер повязал вокруг шеи новый галстук небесно-голубого цвета, слегка расправил его и заколол узел булавкой. Конечно, лучше было бы облачиться в новый сюртук, но он получал всего шестьдесят девять фунтов в год, поэтому мог оживить свой старый гардероб всего лишь новым галстуком. Такой широкий галстук только что вошел в моду, а голубой цвет был довольно дерзким выбором; но, посмотрев на свое отражении в зеркале гостиной тетки Августы, Хью решил, что голубой галстук и синий сюртук неплохо сочетаются с его голубыми глазами и черными волосами. Оставалось надеяться, что щегольский галстук придаст ему молодеватый вид. Возможно, так подумает и Флоренс Столуорти. С тех пор как Хью с ней познакомился, он стал больше внимания уделять одежде.

Жить в одном доме с теткой Августой и испытывать при этом недостаток средств было

немного странно, но согласно установленной в Банке Пиластеров традиции любому служащему платили ровно столько, сколько он зарабатывал, вне зависимости от родственных связей. Другая традиция требовала начинать карьеру с самого низа. В школе Хью учился замечательно и, пожалуй, стал бы старостой, если бы так часто не попадал в неприятности; но в банке его образование ничего не значило, и ему пришлось начинать учеником счетовода, получая соответствующее жалованье. Дядя с теткой никогда не предлагали ему денежную помощь, а раз так, то должны были и смириться с тем, что их племянник выглядит слегка потрепанно.

Естественно, Хью не было никакого дела до того, что скажут о его наряде родственники. Сейчас для него имело значение лишь мнение Флоренс Столуорти, симпатичной бледной девушки, дочери графа Столуорти. Главнее всего было то, что и она испытывала симпатию к Хью Пиластеру. Сказать по правде, Хью готов был попасть под очарование любой девушки, которая с ним заговорит. И это немало беспокоило его, ведь получалось, что чувства его к Флоренс неглубоки, но он не мог ничего поделать с собой. У него пересыхало горло всякий раз, когда до него дотрагивалась какая-нибудь девушка. Он сходил с ума от любопытства, представляя, что скрывается у них под слоями юбок и накидок. Временами его охватывало безумное желание, похожее на боль от физической раны. Ему уже исполнилось двадцать лет, но он до сих пор ощущал себя как пятнадцатилетний и за все это время не поцеловал ни одной женщины, кроме своей матери.

Вечеринка, вроде той, которую устроила Августа, представляла для него настоящую пытку. Все старались так или иначе показать свой интерес, проявить благожелательность, поговорить о каких-то милых пустяках. Девушки улыбались ему, и некоторые даже исподволь флиртовали. В холле и гостиной было так тесно от собравшихся, что время от времени они неминуемо задевали Хью за руку или даже прижимались к нему грудью, стараясь протиснуться мимо. Хью боялся, что впереди у него не одна беспокойная ночь.

Присутствовало здесь и много его родственников, что вполне понятно, ведь его отец Тобиас был братом Джозефа, отца Эдварда. Но Тобиас в свое время забрал свою часть капитала из семейного предприятия, обанкротился и покончил жизнь самоубийством. Вот почему Хью пришлось оставить дорогую Уиндфилдскую школу и перейти на дневное обучение в Фолкстонскую академию для сыновей джентльменов. По этой же причине он и начал работать в девятнадцать лет, вместо того чтобы путешествовать по Европе, а потом несколько лет просиживать в университете. Поэтому-то он и жил в доме, тетки, и поэтому у него не было денег на модную одежду. Да, он был родственником, но родственником бедным, неприятной обузой для семейства, для которого вся гордость, уверенность и положение в обществе основывались на богатстве.

Никому из них не приходило в голову помочь ему, предоставив деньги. Бедность в их семействе считалась наказанием за небрежение делами; если ты помогаешь бедняку деньгами, то тем самым потакаешь его порокам – так полагали родственники Хью. «Может, теперь и кровати с перинами расставлять в тюремных камерах?» – повторяли они, когда кто-нибудь просил их помочь менее удачливым.

Его отец стал жертвой финансового кризиса, но дела это не меняло. В пятницу 11 мая 1866 года, которая запомнилась банкирам как «Черная пятница», он потерпел неудачу. В этот день обанкротились торговцы векселями «Оверенд энд Герни Лимитед», задолжавшие пять миллионов фунтов, и повлекли за собой на дно многие фирмы, включая Лондонский акционерный коммерческий банк и строительную компанию «Сэр Сэмюэл Пето» вместе с

компанией «Тобиас Пиластер и Ко». Но в деловом мире, согласно философии Пиластеров, никакие оправдания не принимались. Вот и сейчас шел очередной финансовый кризис, но Пиластеры защищали себя всеми средствами, отказывались от слабых клиентов, ужесточали условия кредита и безжалостно отвергали новые предложения партнеров, кроме самых надежных и проверенных. Выживание для них было наивысшим долгом банкира.

«Ну что ж, я тоже Пиластер, – думал Хью. – Пусть у меня и не пиластерский нос, но я многое знаю о том, что значит выживание». Всякий раз, как он вспоминал о бесславной кончине своего отца, внутри его закипала кровь, и он еще более укреплялся в своем стремлении стать самым богатым и уважаемым представителем этого семейства. Пока его двоюродный брат Эдвард корпел над латынью и греческим, Хью в более дешевой школе занимался арифметикой и практическими науками. В университет он не пошел, что дало ему дополнительное время для знакомства с деловым миром. О другой карьере – о том, чтобы стать членом парламента или священником, – он и не мечтал. Финансы у него были в крови. Он мог назвать текущую процентную ставку Банка Англии быстрее, чем сказать, какая на улице стоит погода. Он поклялся никогда не превращаться в самодовольного лицемера, какими были его старшие родственники, но вместе с тем во что бы то ни стало решил стать выдающимся банкиром.

Правда, сейчас, мысли его гораздо чаще были заняты девушками, чем делами.

Он вышел из гостиной на террасу и столкнулся с Августой, сопровождавшей одну из гостей.

– Хью, дорогой, вот твоя подруга, мисс Бодвин.

Хью едва подавил в себе стон раздражения. Рейчел Бодвин была высоко образованной девушкой с радикальными взглядами. Особой привлекательностью она не отличалась – тусклые каштановые волосы и слишком близко посаженные светлые глаза, – но с ней иногда было интересно вести интеллектуальную беседу, и в первое время, устроившись на службу в лондонский банк, Хью часто с ней встречался. Возможно, они бы и дальше оставались приятелями, но Августа решила во что бы то ни стало женить Хью на Рейчел и тем самым испортила их отношения. До этого они всегда оживленно и увлеченно спорили о разводах, религии, бедности и праве голоса для женщин, но после того как Августа принялась сводить их при каждом удобном случае, ограничивались пустыми, ничего не значащими фразами.

– Хорошо выглядите, мисс Бодвин, – произнес Хью машинально.

– Вы очень любезны, – ответила Рейчел скучающим тоном.

Августа собиралась было отойти от них, как заметила новый галстук Хью.

– Боже милосердный! – воскликнула она. – Это еще что такое? Ты выглядишь как владелец таверны!

Хью залился краской. Если бы ему на ум пришло остроумное резкое замечание, он бы немедля выпалил его, но ничего удачного не придумывалось, и он только пробормотал:

– Это новый фасон, называется «аскот».

– Завтра же отдашь его нашему чистильщику обуви, – сухо сказала Августа и отвернулась.

В груди Хью запылало возмущение от того, что ему приходится делить кров с такой властной родственницей.

– Женщинам не следует обсуждать мужской гардероб. Это дурные манеры для дам.

– Я думаю, что женщины вправе высказываться по любому интересующему их поводу, поэтому я не постесняюсь сказать, что ваш галстук мне нравится и что он подходит к вашим

глазам.

Хью улыбнулся и почувствовал, как его гнев спадает. В конце концов, Рейчел мила. Но Августа хочет, чтобы он женился на ней не из-за этого. Отец Рейчел был юристом, специалистом по торговым соглашениям, и жил на одни лишь гонорары от своей профессиональной практики. На социальной лестнице Бодвины стояли несколькими ступенями ниже Пиластеров и ни за что бы не получили приглашения на этот вечер, если бы мистер Бодвин не оказал банку кое-какие услуги. Заключив брак с особой такого невысокого положения, Хью подтвердил бы, что недостоин звания настоящего Пиластера, а именно этого Августа и добивалась.

При этом Хью не настолько уж отвергал возможность такого брака. Августа дала понять, что в том случае, если он согласится с ее выбором, стоит ожидать щедрого подарка на свадьбу. Его же привлекала не столько перспектива получить щедрый подарок, сколько возможность оказаться с одной кровати с женщиной, приподнять ее ночное платье, не стесняясь посмотреть на икры, колени, бедра и...

– Почему вы так странно на меня смотрите? – заподозрив что-то, спросила Рейчел. – Я всего лишь сказала, что мне нравится ваш галстук.

Хью снова покраснел. Не могла же она догадаться, какие мысли крутятся у него в голове? Иногда они бывали настолько физиологичны и грубы, что он сам их стыдился.

– Прощу прощения, – пробормотал он.

– Как много здесь Пиластеров, – продолжила Рейчел, осматриваясь по сторонам. – И как вы со всеми ними уживаетесь?

Хью тоже огляделся и увидел, как в гостиную входит Флоренс Столуорти, необычайно прелестная девушка, со спадающими на нежные плечи кудрями, в украшенном шелковыми лентами розовом платье и со страусовым пером на шляпке. Встретив взгляд Хью, она улыбнулась ему через всю залу.

– Как я вижу, вы увлечены кем-то другим, – сказала Рейчел со свойственной ей прямоотой.

– Мне очень жаль, – сказал Хью.

Рейчел дотронулась до его руки.

– Хью, дорогой, послушайте. Вы мне нравитесь. Вы один из немногих людей в Лондоне, про которых нельзя сказать, что они невероятно скучны. Но я не люблю вас, и я никогда не выйду за вас замуж, как бы ваша тетушка ни старалась свести нас.

Хью не знал, что и ответить.

– Я... никогда... – начал было он.

Но она не дала ему закончить.

– И я понимаю, что вы ко мне испытываете примерно те же чувства, поэтому не делайте вид, что убиты горем.

После неловкого мгновения Хью усмехнулся. Такая прямота ему нравилась. Но она права: испытывать симпатию – не значит любить. Пусть он и не понимает до конца, что такое любовь, но она, по всей видимости, это знает хорошо.

– Значит ли это, что мы можем продолжить наши споры об эмансипации? – спросил он бодрым тоном.

– Да, но не сегодня. Сегодня я хочу поговорить с вашим бывшим школьным приятелем, сеньором Мирандой.

Хью нахмурился.

– Вряд ли Мики может правильно написать слово «эмансипация», не говоря уже о том, чтобы объяснить его значение.

– Тем не менее половина выезжающих в свет девушек в Лондоне видят его в своих мечтах.

– Не могу понять почему.

– Считайте, что это Флоренс Столуорти мужского пола, – сказала Рейчел и с этими словами оставила его.

Хью нахмурился. Мики относился к нему, как и все остальные, то есть как к бедному родственнику, поэтому Хью было трудно думать о нем беспристрастно. Мики всегда был элегантен и одевался с иголки. Он напоминал Хью молодого гибкого кота с лоснящейся шерстью. По мнению многих мужчин, в этом было что-то недостойное настоящего мужчины, но женщины не возражали.

Проследив глазами за Рейчел, Хью увидел, что она пересекла помещение и подошла к Мики, стоявшему вместе с отцом и разговаривавшему с сестрой Эдварда Клементиной, тетей Мадлен и молодой тетей Беатрис. Мики тут же повернулся к Рейчел и сказал что-то, отчего та засмеялась. Хью в очередной раз отметил, что Мики всегда разговаривает сразу с тремя-четырьмя женщинами.

В то же время Хью не понравилось сравнение Флоренс с Мики. Да, она была привлекательной, но милой и доброй, в отличие от Мики, который сразу производил впечатление негодяя.

Сгорая от смущения, Хью подошел к Флоренс.

– Леди Флоренс, как вы поживаете?

Она одарила его своей ослепительной улыбкой.

– Какой необычный дом!

– Вам нравится?

– Точно сказать не могу, надо подумать.

– То же самое говорят многие.

Она засмеялась, как будто он сказал что-то очень остроумное, и он почувствовал себя польщенным.

– Здесь все такое современное, – продолжил он. – Пять ванных комнат! И большой нагревательный котел в подвале, от которого идут трубы для обогрева.

– Мне кажется, огромный корабль на крыше – это уже чересчур.

Хью понизил голос.

– Мне тоже так кажется. Он напоминает мне бычью голову над входом в мясную лавку.

Она снова расхохоталась. Хью было приятно, что он ее развеселил. Он решил отвести ее в сторону.

– Не желаете полюбоваться садом?

– С удовольствием.

В саду не было ничего примечательного, поскольку растения в нем только что посадили, но они шли туда не ради растений. Хью проводил Флоренс до террасы, но там их остановила Августа, посмотревшая на него с упреком.

– Леди Флоренс, как мило, что вы пришли. Эдвард покажет вам сад.

Она схватила за локоть Эдварда и едва ли не силой отвела их с Флоренс в сторону. Хью едва не заскрежетал зубами от негодования и поклялся, что так это не оставит.

– Хью, дорогой, я знаю, что ты хочешь поговорить с Рейчел.

Взяв за руку Хью, она отвела его обратно в гостиную, и ему не оставалось ничего другого, как подчиниться ей. Не вырывать же руку и не устраивать сцену прямо на глазах гостей! Рейчел по-прежнему стояла с Мики и его отцом.

– Мики, я хочу познакомить вашего отца с моим деверем, мистером Сэмюэлом Пиластером.

Она отвела Мики и его отца, вновь оставляя Хью с Рейчел.

– С ней не поспоришь, – усмехнулась Рейчел.

– Да уж. Все равно что спорить с несущимся во весь опор паровозом, – сердито согласился Хью.

Через окно он увидел, как пышное платье Флоренс мелькнуло рядом с Эдвардом.

Рейчел проследила за его взглядом.

– Ну что ж. Идите, догоняйте ее.

– Спасибо, – ответил он, тоже усмехаясь.

Пока Хью возвращался в сад, в голову ему пришла идея. Почему бы не сыграть с Августой в ее игру и не отвести Флоренс от Эдварда? Августа придет в ярость, но разве несколько минут, проведенных наедине с Флоренс, этого не стоят? «К черту», – сказал он себе и обратился к Эдварду:

– Меня послала твоя мать. Она хочет поговорить с тобой. Ее можно найти в холле.

Эдвард не задавал лишних вопросов, он привык к неожиданным сменам в настроении своей матери.

– Извините меня, леди Флоренс, – сказал он и направился в дом.

– Она действительно его позвала? – спросила Флоренс.

– Нет.

– Ах вы негодник! – воскликнула она, но улыбаясь.

Он жадно всматривался в ее глаза, в которых отражалось одобрение. Да, позже ему придется расплатиться за свою выходку, но ради этой улыбки он пошел бы и на большее.

– Ну так что, посмотрим сад? – предложил он.

III

Папа Миранда Августу позабавил. Какой нелепый мужлан! И как он отличается от своего элегантного сына! Мики Миранда, несмотря на юный возраст, по-прежнему очень нравился Августе, и рядом с ним она ощущала себя настоящей женщиной. Он всегда смотрел на нее как на самую большую драгоценность в мире. Иногда ей хотелось, чтобы дело этим не ограничивалось, но, разумеется, такие мысли были глупостью. Тем не менее они посещали ее вновь и вновь.

Разговор о Сете ее встревожил. Мики говорил о том, что после отставки или смерти Старого Сета место старшего партнера Банка Пиластеров займет Сэмюэл, как о само собой разумеющемся. Самому Мики такое предположение в голову не пришло бы, значит, так считали родственники. Августа же видела старшим партнером своего мужа, Джозефа, племянника Сета.

Посмотрев в окно гостиной, она увидела на террасе четырех партнеров Банка Пиластеров. Трое принадлежали к семейству Пиластеров: Сет, Сэмюэл и Джозеф, с типичными для методистов библейскими именами. Старый Сет сидел в кресле, накиннув на колени плед, и казался пережившим свой век инвалидом. Рядом с ним стоял его сын Сэмюэл,

не отличавшийся властным видом своего отца. Да, у него был тот же похожий на клюв нос, но под ним располагался довольно безвольный рот с пухлыми губами и плохими зубами. Муж Августы, Джозеф, что-то объяснял им, подтверждая свои слова энергичными взмахами руки, как бывало всегда, когда он проявлял нетерпение. У него тоже был нос Пиластеров, но другие черты лица не соответствовали ему, и к тому же он уже терял волосы. Четвертый партнер стоял чуть в стороне, скрестив руки перед собой. Это был майор Джордж Хартсхорн, муж сестры Джозефа, Мадлен. На лбу бывшего военного был отчетливо заметен шрам, полученный им двадцать лет назад во время Крымской войны. При этом ни с каким героическим поступком этот след связан не был: майор получил этот шрам, упав с лошади, испуганной свистком парового двигателя, и ударившись о колесо походной кухни. После отставки он стал служащим банка и женился на Мадлен. Человеком он был покладистым, но в делах банка особенно не разбирался, да и к тому же старшим партнером никогда еще не становился человек, не носящий фамилию Пиластер. Так что единственными серьезными кандидатами оставались Сэмюэл и Джозеф.

Официально решение о том, кто станет старшим партнером, принималось на голосовании. По традиции для этого требовалось согласие всего семейства. Но Августа решила настоять на своем, чего бы ей это ни стоило.

Старший партнер Банка Пиластеров – это один из самых влиятельных людей мира. Его согласие выдать ссуду может удержать на троне монарха, его отказ может стать причиной революции. Вместе с немногочисленными другими банкирами – Дж. П. Морганом, Ротшильдами, Беном Гринборном – он держит в своих руках благосостояние наций. Его благорасположения добиваются главы государств, с ним советуются премьер-министры, его посещают с визитами дипломаты, и все они, разумеется, любезничают с его супругой.

Джозеф и сам хотел стать старшим партнером, но ему недоставало цепкой хватки. Августа с ужасом думала о том, что от них ускользает такой замечательный шанс. Если пустить все дело на самотек, то Джозеф, того и гляди, скажет, что согласен с любым решением семейства. Ему и в голову не придет, что нужно упорно добиваться своего. Например, он никогда бы не подумал, что соперника можно опорочить.

За него эту задачу придется выполнять ей, Августе.

Распознать главную слабость Сэмюэла не трудно. Будучи холостяком в пятьдесят три года, он живет под одной крышей с неким молодым человеком, которого, нисколько не смущаясь, называет своим «секретарем». До их пор семейство не обращало внимание на личную жизнь Сэмюэла, но Августа это изменит.

С Сэмюэлом нужно обращаться осторожно. Он щепетилен, чрезмерно требователен и способен устроить скандал и сменить весь костюм из-за упавшей на брюки капли вина. Сталкиваться с ним лоб в лоб рискованно.

Никаких угрызений совести Августа не испытывала. Сэмюэл не понравился ей с момента первого знакомства. Он всегда держался так, как будто находил ее смешной и не относился к ней серьезно, что оскорбляло ее до глубины души.

Перекидываясь дежурными фразами с гостями, Августа также задумалась о нежелании Хью ухаживать за девушкой, которая казалась ей идеальной парой для племянника. Эта ветвь семейства всегда доставляла беспокойство, но сейчас не стоит отвлекаться на нее ради более серьезной угрозы со стороны Сэмюэла.

В холле Августа увидела свою золовку, Мадлен Хартсхорн. Бедняжка, ее так портит пиластерский нос, который был бы украшением для мужчины, но на лице женщины

смотрится как уродливый клюв!

Некогда Мадлен и Августа соперничали за влияние на семейство. В первые годы после замужества Августы Мадлен отказывалась признавать ее главенство, несмотря на то что ей самой недоставало магнетизма и энергии Августы, распорядившейся на бракосочетаниях и похоронах, решавшей семейные споры и оказывавшей поддержку больным, беременным и осиротевшим. Поведение Мадлен едва не привело к расколу в семействе. Потом она сама вложила в руки Августы оружие против себя. Однажды Августа зашла в лавку дорогих серебряных изделий на Бонд-стрит и увидела, как в заднюю дверь только что вышла Мадлен. Августа задержалась, делая вид, что разглядывает подставку для тостов, и заметила, как в ту же дверь прошел молодой человек приятной наружности. Она слышала о том, что комнаты на втором этаже лавки иногда используются для романтических свиданий, и была почти уверена, что Мадлен завела интригу на стороне. Пять фунтов развязали язык владельца лавки, некоего мистера Бакстера, и он сообщил имя молодого человека – виконт Тремэн.

Августа была потрясена. Первой мыслью было то, что сама она, как и Мадлен с виконтом Тремэном, могла бы встречаться здесь с Мики Мирандой. Но, естественно, это исключалось. Кроме того, если Мадлен не скрылась от посторонних глаз, то и ее, Августу, без труда могли бы вывести на чистую воду.

Для Мадлен это могло бы оказаться полным крахом. Мужчину, вовлеченного в незаконную любовную связь, считают романтиком; к женщине же относятся как к продажной. Если о ее тайне узнают все, то общество от нее отвернется. Сначала Августа хотела шантажировать Мадлен, чтобы держать ее на коротком поводке с помощью страха разоблачения, но в таком случае Мадлен еще больше озлобится. Глупо раздражать сверх меры своих врагов. Должен же быть какой-нибудь способ воспользоваться этим открытием и одновременно привлечь Мадлен на свою сторону. После долгих размышлений Августа разработала план. Вместо того чтобы угрожать Мадлен, она сделала вид, что поддерживает ее.

– Хочу дать вам один совет, дорогая, – прошептала она при следующей встрече. – Мистеру Бакстеру доверять не следует. Попросите своего виконта найти вам более надежное место для встреч.

Мадлен умоляла ее сохранить все в тайне и рассыпалась в благодарностях, когда Августа пообещала вечно хранить молчание. С тех пор между ними уже не было соперничества.

Теперь же Августа взяла за локоть Мадлен и сказала:

– Поднимемся ко мне в спальню. Надеюсь, она вам понравится.

На втором этаже дома располагались ее спальня с гардеробной, спальня Джозефа с гардеробной и кабинет. Проведя Мадлен в свою спальню, Августа закрыла за собой дверь и стала ожидать слов восхищения.

Эта комната была отделана в только что вошедшем в моду японском стиле, со стульями с узорными спинками, обоями с павлинами и фарфоровыми безделушками на каминной доске. Перед гардеробом стояла огромных размеров ширма с японскими мотивами, а диван у выступающего окна частично скрывали занавески с драконами.

– Августа, дорогая, как восхитительно! – воскликнула Мадлен.

– Благодарю, – ответила Августа, довольная произведенным эффектом. – Правда, я хотела материал для занавесок получше, но в «Либерти» его уже весь продали. Посмотрим комнату Джозефа.

Через общую дверь Августа провела Мадлен в соседнюю комнату. Спальня Джозефа

была обставлена в более скромном варианте того же стиля с обоями под кожу и парчовыми шторами. Особенно Августа гордилась шкафчиком-витриной из лакированного дерева, в котором была выставлена коллекция табакерок Джозефа.

– Джозеф такой оригинал, – сказала Мадлен, рассматривая табакерки.

Августа улыбнулась. На самом деле ее муж никакой не оригинал, а скучный банкир-методист, для которого необычно даже собирать коллекцию безделушек, и все семейство за это считало его слегка эксцентричным.

– Он шутит, что это его «инвестиции», – сказала она.

Сама она думала, что на роль инвестиций гораздо лучше годилось бы кольцо с бриллиантами, но Джозеф никогда не дарил ей ничего подобного, потому что методисты считали драгоценности ненужной роскошью.

– Должно же быть у мужчины какое-то увлечение, отвлекающее его от недостойных занятий, – сказала Мадлен.

«То есть от публичных домов», – подумала Августа. Этот легкий намек на мужские слабости напомнил Августе, зачем она позвала наверх свою золовку. «Только не переусердствуй, помягче», – повторяла она себе.

– Мадлен, дорогуша, как ты думаешь, как *нам* быть с кузенком Сэмюэлом и его так называемым секретарем?

Мадлен выглядела удивленной.

– А что, нам нужно что-то предпринимать?

– Если Сэмюэл собирается стать старшим партнером, то мы просто обязаны вмешаться.

– Почему?

– Дорогуша, старшему партнеру Банка Пиластеров приходится встречаться с послами, главами государств, даже членами королевских семейств, поэтому его личная жизнь должна быть вне всяких подозрений.

Мадлен покраснела – до нее наконец дошло.

– Ты же не хочешь сказать, что Сэмюэл каким-то образом... *порочен*?

Именно это и хотела сказать Августа, только не напрямую, чтобы Мадлен не встала на защиту своего двоюродного брата.

– Надеюсь, я никогда не узнаю этого наверняка, – сказала она уклончиво. – Но сейчас важнее то, что подумают другие люди.

Мадлен все еще сомневалась.

– А ты уверена, что люди действительно подумают... такое?

Чрезмерная скромность Мадлен раздражала Августу, но она заставила себя сдержаться.

– Дорогая, мы обе замужние женщины, и мы знаем, каковы мужчины. У них животные аппетиты. Общественное мнение таково, что одинокий мужчина пятидесяти трех лет, проживающий под одной крышей с симпатичным юношей, неизбежно порождает подозрения, и один господь ведает, насколько будут правы злые языки, распространяющие слухи...

Мадлен нахмурилась, на ее лице отразилось беспокойство. Но не успела она ничего сказать, как раздался стук в дверь и в комнату вошел Эдвард.

– Мама, в чем дело?

Августа рассердилась на него за то, что он прервал такую деликатную беседу. Почему он так бесцеремонно вторгается в ее спальню?

– Что ты хочешь?

– Ты посылая за мной.

– Вовсе нет. Я сказала, чтобы ты показал леди Флоренс сад.

Эдвард, казалось, обиделся.

– А Хью сказал, что ты хочешь меня увидеть!

Августа поняла, кто тут виноват.

– Хью сказал? И, я полагаю, сейчас он сам показывает сад леди Флоренс?

Эдвард тоже понял, что его провели.

– Наверное, так и есть, – сказал он с досадой в голосе. – Не сердись на меня, мама, пожалуйста.

От его искренней просьбы сердце Августы смягчилось.

– Не обижайся, Тедди, дорогой! Хью такой хитрец!

«Но если он думает, что может провести тетушку Августу, то он еще и большой глупец», – подумала она про себя.

Сначала появление Эдварда ее рассердило, но, подумав, она решила, что это и к лучшему. Она достаточно сказала Мадлен про кузена Сэмюэла, чтобы зародить сомнения. Любые другие намеки и предложения показались бы слишком грубыми. Пусть она пока сама подумает, что к чему.

– А теперь нужно вернуться к гостям, – сказала она и вывела золовку и сына из комнаты.

Они спустились вниз. Гости проводили время неплохо, судя по оживленной какофонии разговоров, смеха и звона серебряных ложек по чашкам из костяного фарфора. Августу заглянула в гостиную, где слуги расставляли по столам салат из омаров, фруктовые пирожные и напитки со льдом. Потом она прошла по холлу, обменявшись парой слов с гостями, попавшимися на пути, но размышляя только об одной гостье – о леди Столуорти, матери Флоренс.

А ведь если ничего не предпринять, то Хью, не дай бог, действительно может жениться на Флоренс! Он уже и без того слишком хорошо освоился в банке, обладая смышленностью уличного торговца и приятными манерами карточного шулера. Даже Джозеф отзывался о нем с одобрением, забывая о той угрозе, какую племянник представляет для его собственного сына. Брак с дочерью графа только повысит социальный статус Хью, и тогда он станет серьезным соперником для Эдварда. Бедный Тедди! В отличие от Хью у него нет ни особого очарования, ни таланта счетовода, поэтому она, Августа, просто обязана помочь своему сыну.

Леди Столуорти стояла у эркера гостиной. Это была женщина средних лет приятной наружности в розовом платье и соломенной шляпе с шелковыми цветами. Августе стало немного любопытно, как та относится к тому, что Хью ухаживает за Флоренс. Хью не такой уж подходящий претендент на руку ее дочери, но и выскочкой он тоже не кажется. Флоренс – младшая из трех дочерей графа, две другие уже заключили выгодный брак, поэтому леди Столуорти может проявить снисходительность. Нужно этому помешать. Но как?

Подойдя поближе, Августа обратила внимание на то, что леди Столуорти с умилением смотрит на Хью и Флоренс, прогуливающихся по саду. Хью что-то объяснял, а глаза Флоренс сверкали от удовольствия, и вся она жадно внимала каждому его слову.

– Счастливая пора беззаботной юности, – вздохнула Августа.

– Хью кажется таким милым мальчиком, – сказала леди Столуорти.

Августа бросила на нее пристальный взгляд. На лице леди Столуорти застыла мечтательная улыбка. Наверное, она вспоминала собственную юность. «Ну что ж, пора тебе спуститься с небес на землю», – решила Августа.

– Да, жаль только, что беззаботные дни юности так скоротечны, – сказала она.

– Но пока молодость не прошла, это настоящее блаженство.

Настал момент добавить немного яда.

– Хью, как вы, вероятно, знаете, рано остался без отца. Его мать скромно живет в Фолкстоне, так что мы с Джозефом просто обязаны были позаботиться и окружить его родительской заботой.

Августа немного помолчала, словно вспоминая те дни, и продолжила:

– Вряд ли стоит напоминать вам о том, что союз с вашим семейством для Хью будет невероятно высокой честью, – добавила она.

– Как любезно с вашей стороны! – отозвалась леди Столуорти, как будто Августа сделала ей большой комплимент. – Но, разумеется, семейство Пиластеров весьма уважаемо и само по себе.

– Благодарю вас. Хью отличается большим усердием, и если будет продолжать в том же духе, то сможет обеспечить своей супруге достойную жизнь.

На лице леди Столуорти отразилось смущение.

– Неужели его отец ничего ему не оставил?

– Ничего.

Нужно было дать ей знать, что Хью после женитьбы ничего не получит от своих родственников, поэтому Августа продолжила:

– Сейчас он делает карьеру в банке и живет на одно жалованье.

– Ах вот как, – сказала леди Столуорти с легким разочарованием в голосе. – Хорошо, что у Флоренс есть свой небольшой капитал.

Сердце у Августы замерло. Значит, у Флоренс есть свои деньги. Это плохо. Интересно, насколько велик этот капитал? Столуорти не так богаты, как Пиластеры – как и большинство других семейств, – но средства на безбедное существование у них имеются. Разведка закончена, нужно переходить в наступление.

– Надеюсь, Флоренс окажет благотворное влияние на Хью, и вместе с ней он, пожалуй, станет более... рассудительным.

– Да... – неопределенно протянула леди Столуорти и нахмурилась. – Рассудительным?

Августа помедлила. Она ступила на опасную почву, но тут без риска не обойтись.

– Я никогда не доверяла слухам, и вы, надеюсь, тоже. Тобиасу сильно не везло в жизни, это факт, но совершенно нет никаких признаков, что Хью унаследовал его слабости.

– Это хорошо, – сказала леди Столуорти, но было заметно, что она обеспокоена.

– Так или иначе, но мы с Джозефом будем рады видеть его рядом с такой благоразумной девушкой, как Флоренс. Мне кажется, что ему недостает твердой руки...

Августа замолчала, словно не желая продолжать.

– Я... я не припоминаю, что за слабости были у его отца, – произнесла леди Столуорти.

– В любом случае это беспочвенные слухи.

– Но вы могли бы поделиться ими? Строго между нами, разумеется.

– Пожалуй, не стоит ворошить прошлое.

– Но ведь речь идет о судьбе нашей дочери. Вы должны это понять.

– Азартные игры, – сказала Августа, понизив голос.

Она не хотела, чтобы ее услышали, иначе многие могли бы обвинить ее во лжи.

– Именно из-за них он и покончил с собой. Неоплаченные долги, подмокшая репутация...

– Я думала, он обанкротился.

– И это тоже.

– Какая трагедия.

– Джозефу пришлось пару раз расплатиться и по долгам Хью, но у них состоялся очень серьезный разговор, и мы более чем уверены, что такого больше не повторится.

– Это внушает доверие, – сказала леди Столуорти, но ее лицо говорило об обратном.

Августа почувствовала, что сказала достаточно. С каждым словом усиливалась опасность разоблачения, и ее охотное согласие на брак казалось все более подозрительным. Она снова посмотрела в окно. Флоренс смеялась словам Хью, закидывая голову и обнажая зубы, что казалось даже немного непристойным. Хью же буквально пожирал ее глазами. Любой бы, взглянув на них, понял, что их притягивает друг к другу.

– Сдается мне, недолго осталось до окончательного объяснения, – сказала Августа.

– А мне кажется, они уже достаточно поговорили на сегодня, – с волнением в голосе сказала леди Столуорти. – Думаю, мне пора вмешаться. Прошу прощения.

– Разумеется.

Леди Столуорти быстро направилась в сад.

Августа вздохнула с облегчением. Еще один важный разговор позади. Теперь леди Столуорти подозревает Хью в мотовстве, а если мать начала в чем-то подозревать ухажера ее дочери, то недалеко и до открытой неприязни.

Осмотревшись по сторонам, она увидела еще одну свою золовку, Беатрис Пиластер. У Джозефа было два брата: Тобиас, отец Хью, и Уильям, которого все называли Молодым Уильямом, потому что он родился на двадцать три года позже Джозефа. Сейчас, в возрасте двадцати пяти лет, Уильям еще не был партнером банка. Беатрис, его жена, походила на большого неуклюжего щенка, виляющего хвостом и отчаянно пытающегося всем угодить. Августа решила и с ней поговорить о Сэмюэле и его секретаре. Подойдя к ней, она спросила:

– Беатрис, дорогая, не желаете посмотреть мою спальню?

IV

Мики с отцом покинули ужин и отправились обратно в Камбервелл, где снимали жилье. Их путь пролегал преимущественно через парки – сначала Гайд-парк, затем Грин-парк и Сент-Джеймс-парк, – пока они не вышли к реке. Дойдя до середины Вестминстерского моста, они остановились передохнуть и полюбоваться видом.

На северном берегу реки располагался крупнейший город мира. Дальше по течению красовалось здание парламента, современная постройка в стиле примыкавшего к нему Вестминстерского аббатства тринадцатого века. Чуть ближе виднелись сады Уайтхолла, дворец герцога Баклю и огромное кирпичное здание нового железнодорожного вокзала Чаринг-Кросс.

Корабельные доки отсюда видны не были, а большие корабли приставали еще дальше, ближе к устью реки, но все водное пространство, озаренное лучами вечернего солнца, было усеяно лодками, баржами и прогулочными яхтами.

Южный берег, где располагались ламбетские гончарные мастерские, казался совсем другой страной – болотистой равниной, испещренной фабриками и заводами, в которых серолицые мужчины и неряшливые женщины в этот поздний час все еще варили кости, рылись в кучах мусора, поддерживали огонь в печах и заливали расплавленный металл в

формы, изготавливая канализационные и дымовые трубы для быстро растущего города. Ядовитый запах от этих мастерских доходил даже до моста, хотя до них отсюда было не менее четверти мили. Приземистые дома, в которых ютились рабочие, сгрудились вокруг Ламбетского дворца, резиденции архиепископа Кентерберийского, словно обломки кораблекрушения, вынесенные на илистый берег приливом. Несмотря на архиепископский дворец, этот район назывался дьявольским акром в основном из-за постоянного дыма, снующих туда-сюда рабочих и ужасного запаха, напоминавшего о преисподней.

Жилье Мики находилось в Камбервелле, относительно respectable районе за мастерскими; но они с отцом задержались на мосту, не желая сразу углубляться в «дьявольский акр». Мики все еще проклинал про себя лицемерного методиста Сета Пиластера за то, что тот расстроил его планы.

– Не беспокойся, Папа. Мы обязательно придумаем, как раздобыть винтовки, – сказал он вслух.

Отец пожал плечами.

– А кто нам мешает? – спросил он.

Вопрос был простым, но в семействе Миранда ему придавали особое значение. Всякий раз, сталкиваясь с проблемой, представители семейства Миранда задавали вопрос: «Кто нам мешает?» – но на самом деле это означало: «Кого нам убить, чтобы побыстрее повернуть дело?» Он лишней раз напомнил Мики о том, какие варварские нравы царят в провинции Санта-Мария; напомнил о всех жутких легендах, которые он предпочел бы забыть; напомнил историю о том, как Папа наказал свою любовницу за неверность, засунув ей винтовку в причинное место и нажав на спусковой крючок. Однажды рядом с его лавкой в главном городе провинции открыли свою лавку какие-то евреи, и Папа сжег их живьем, заперев в лавке. В другой раз во время карнавала один карлик переоделся Папой и подражал его походке – так Папа просто спокойно подошел к карлику, вынул пистолет и выстрелил прямо в голову.

Это было жестоко, даже по меркам Кордовы, но безрассудная жестокость заставляла всех его бояться и относиться к нему с уважением. Здесь же, в Англии, его бы просто бросили за решетку.

– Я думаю, что пока не нужно идти на какие-то уж совсем решительные меры, – произнес Мики, стараясь не выдать своего волнения.

– Я и не тороплюсь, – сказал Папа. – У нас дома начинается зима и никаких перестрелок до лета не будет.

Он строго посмотрел на Мики и добавил:

– Но я хотел бы получить винтовки до конца октября.

У Мики едва не подкосились колени. Чтобы не упасть, он прислонился к каменному парапету.

– Я прослежу за этим, Папа, не волнуйся, – выдавил он через силу.

Отец кивнул, как будто и не сомневался в этом. Они еще немного помолчали. Потом как бы между прочим отец произнес:

– Я хочу, чтобы ты пока оставался в Лондоне.

Мики ощутил, как его плечи невольно выпрямились от облегчения. На это он и надеялся.

– Неплохая мысль, по-моему, – сказал он, стараясь скрыть волнение.

А затем отец добил его последним ударом:

– Только содержать тебя я больше не собираюсь.

– Что?

– Семья не может посылать тебе столько денег. Содержи себя сам.

Мики охватил ужас. Скупость Папы вошла в легенды, как и его жестокость, но к этому он готов не был. Семейство Миранда считалось богатым. Папа владел несколькими тысячами голов скота, монополизировал всю торговлю лошадьми на огромной территории, отдавал землю внаем мелким фермерам и владел почти всеми лавками в провинции Санта-Мария.

Да, действительно, на эти деньги в Лондоне не так уж много и купишь. В Кордове на серебряный доллар можно наесться до отвала, взять бутылку рома и снять шляпу на ночь; здесь же этого едва хватало на дешевую закуску и кружку слабого пива. Когда Мики приехал учиться в Уиндфилдскую школу, это стало для него неприятным открытием. Ему удавалось держаться на плаву, играя в карты, но и тогда приходилось во всем себе отказывать, пока он не сдружился с Эдвардом. Даже сейчас Эдвард оплачивал большую часть всех их совместных развлечений: оперу, скачки, охоту и проституток. Вместе с тем Мики требовалась определенная сумма для оплаты жилья, услуг парикмахера и портного, членства в клубах для джентльменов – необходимого элемента лондонской жизни, – а также для чаевых слугам. Как, по мнению Папы, он будет добывать себе эти деньги? Никто в семействе Миранда никогда еще не занимался постоянной работой и не жил на жалованье.

Мики собирался было задать этот вопрос вслух, как Папа переменял тему:

– Я скажу тебе теперь, зачем мне винтовки. Мы собираемся захватить пустыню.

Мики не понял его. Семейству Миранда принадлежали огромные владения в провинции Санта-Мария. К этой земле примыкал небольшой участок семейства Делабарка. К северу располагалась пустынная территория, претендовать на которую до сих пор не приходило в голову ни Папе, ни его соседу.

– И зачем же нам пустыня? – спросил Мики.

– Под потрескавшейся пыльной землей там залегают минералы под названием «нитрат». Его используют как удобрение, которое гораздо лучше навоза. Его можно отправлять на кораблях во все страны мира за большие деньги. Ты мне нужен в Лондоне, чтобы распоряжаться его продажей.

– Откуда известно, что он там есть?

– Делабарка начали уже его добывать. Скоро разбогатеют на нем.

Мики охватило беспокойство. От этого зависело будущее его семейства. Не скорое будущее, конечно; сначала ему нужно решить вопрос, как он будет жить сам без содержания. Но в перспективе...

– Нужно действовать быстро, – сказал отец. – Богатство – это власть, а семья Делабарка скоро будет сильнее нас. Пока этого не произошло, нужно их уничтожить.

Глава вторая. Июнь

I

Уайтхэвен-Хаус
Кенсингтон-Гор
Юго-западный Лондон
2 июня 1873 года

Дорогая Флоренс!

Куда вы исчезли? Я надеялся встретиться с вами на балу у миссис Брайдуэлл, затем у Ричмонда, а в субботу у Манкастеров... но вас нигде не было! Напишите мне хотя бы строчку и сообщите, что живы.

С нежностью,
Ваш Хью Пиластер

23, Парк-Лейн
Западный Лондон.
3 июня 1873 года

Хью Пиластеру, эсквайру
Сэр,

буду премного вам признателен, если вы в дальнейшем откажетесь от каких бы то ни было попыток общения с моей дочерью.

Столуорти

Уайтхэвен-Хаус
Кенсингтон-Гор
Юго-западный Лондон
6 июня 1873 года
Дорогая Флоренс!

Наконец-то я нашел человека, которому можно доверять и который обещал передать вам это послание. Почему вы от меня скрываетесь? Неужели я чем-то обидел ваших родителей? Или, упаси боже, обидел вас? Ваша кузена Джейн передаст мне ваш ответ. Напишите же его как можно скорее, умоляю!

С выражением искренней преданности,
Хью

Поместье Столуорти
Столуорти
Бекингемшир
7 июня 1873 года
Дорогой Хью!

Мне запрещено видеться с вами, поскольку вы азартный игрок, каким был ваш отец.

Мне очень жаль, но я должна верить своим родителям, поскольку они желают мне только всего самого лучшего.

С искренними сожалениями,
Флоренс

Уайтхэвен-Хаус
Кенсингтон-Гор
Юго-западный Лондон
8 июня 1873 года

Дорогая мама!

Одна молодая дама только что отказала мне в общении на том основании, что мой отец был азартным игроком. Неужели это правда? Пожалуйста, ответь немедленно. Я должен знать!

Твой любящий сын,
Хью

2, Веллингтон-Виллас
Фолкстон
Кент

9 июля 1873 года

Дорогой мой сын!

Я ни разу в жизни не слышала о том, что твой отец увлекался азартными играми. Не могу представить, кто мог бы пустить о нем такие дурные слухи. Он потерял свои деньги из-за финансового кризиса, как ты, вероятно, и без того знал. Никаких других причин не было.

Надеюсь, с тобой все хорошо, что ты счастлив и что твоя избранница согласится с тобой встречаться. Твоя сестра Дороти посылает ей наилучшие пожелания и желает любви, как и я.

Твоя мать

Уайтхэвен-Хаус
Кенсингтон-Гор
Юго-западный Лондон
10 июня 1873 года

Дорогая Флоренс!

Я полагаю, что некто сообщил вам ложные сведения о моем отце. Он потерял свой капитал вследствие банкротства, это верно. Но это не была его вина: разорилась одна крупная фирма под названием «Оверенд и Герни», задолжавшая многим пять миллионов фунтов, и многие их кредиторы также разорились. В тот же день он покончил с собой. Но он никогда не играл в азартные игры, как не играю в них и я.

Объясните, пожалуйста, это вашему отцу, благородному графу. Я уверен, он все поймет и недоразумение будет улажено.

Искренне ваш,
Хью

Поместье Столуорти

Столуорти
Бекингемшир
11 июня 1873 года
Хью!

Не стоит пытаться переубедить меня, говоря неправду. Теперь я окончательно поняла, что мои родители желают мне блага и что я должна забыть о вас.

Флоренс
Уайтхэвен-Хаус
Кенсингтон-Гор
Юго-западный Лондон
12 июня 1873 года

Дорогая Флоренс!

Вы должны поверить мне! Вполне вероятно, я сообщил не все о своем отце (хотя я не допускаю мысли о том, чтобы сомневаться в словах своей матери), но что касается лично меня, то все, что я вам поведал, – истинная правда! Когда мне было четырнадцать лет, я поставил шиллинг на скачках в Дерби и проиграл и, заверяю вас, с тех пор никогда и ни на что не ставил денег. Я могу поклясться вам в этом при личной встрече.

С надеждами на лучшее,
Хью

«Фолджемб, Мерриуэзер, адвокаты»

Грейс-инн
Лондон
13 июня 1873 года

Хью Пиластеру, эсквайру

Сэр,

по поручению нашего клиента графа Столуорти мы требуем, чтобы вы прекратили всяческое общение с его дочерью. Имейте в виду, что благородный граф готов предпринять все необходимые действия, в том числе и добиться судебного постановления Верховного суда, чтобы настоять на своем решении, если вы немедленно не подчинитесь его требованию.

От имени господ Фолджемба и Мерриуэзера
Альберт К. Мерриуэзер

Хью,

она показала ваше последнее письмо моей тетушке, своей матери. Они увезли ее в Париж до конца лондонского сезона, а после собираются уехать в Йоркшир. Боюсь, что ваше дело безнадежно – она уже не интересуется вами. Сожалею,

Джейн

еще его не посещал. Пусть это заведение и не бордель, но репутация его была не так уж и высока. Тем не менее, когда через несколько дней после окончательного отказа со стороны Флоренс Эдвард предложил Хью повеселиться вместе с ним и Мики, Хью не стал отказываться.

Со своим двоюродным братом Хью общался редко. Эдвард всегда был задирой и лентяем, старавшимся спихнуть все свои дела на других; Хью же в их семействе считался белой вороной, пошедшей по стопам своего отца. У них было мало общего. Но, несмотря на это, Хью решил развлечься. Тысячи представителей среднего и высшего класса Англии ежедневно развлекались, посещая такие заведения и пользуясь услугами женщин сомнительного поведения. Возможно, думал Хью, они правы, довольствуясь тем, что им доступно, и не пытаясь найти «истинную любовь».

Сказать по правде, он даже сам не мог понять, действительно ли он любил Флоренс. Да, он рассердился, когда ее родители упрекнули его в недостойном поведении, без всяких оснований оскорбив память его отца. Но сердце его не было «разбито», как писали в романах, и осознать это ему было немного неприятно. Он часто вспоминал о Флоренс, но продолжал крепко спать по ночам, сохранил хороший аппетит и без труда мог сосредоточиться на своей работе. Неужели это означает, что он ее не любит? Чем же тогда любовь отличается от нежности, какую он испытывает к своей сестре Дороти, или от симпатии, которую испытывает к Рейчел Бодвин? Какое-то время он почти в шутку размышлял – каково было бы взять в жены Рейчел. И что же такое настоящая любовь? Возможно, он просто слишком молод, чтобы это понять. Или же до сих пор не испытал любви и потому не умеет ее распознавать.

«Аргайл-румз» располагался рядом с церковью на Грейт-Уиндмилл-стрит, неподалеку от площади Пиккадилли. Эдвард заплатил по шиллингу за каждого из них, и они прошли внутрь. Все трое были облачены в вечерние костюмы: черные фраки с шелковыми отворотами, черные брюки, черные жилеты с глубоким вырезом и белые галстуки-бабочки. Эдвард щеголял в только что купленном дорогом и новом костюме, костюм Мики был подешевле, но модного покроя; Хью же надел то, что досталось ему от отца.

Танцевальный зал освещали газовые лампы, отражавшиеся в бесчисленных гигантских зеркалах с позолоченными рамами. Площадка для танцев уже была заполнена парочками, а за резной решеткой искусной работы сидели музыканты, энергично игравшие польку. Некоторые посетители тоже красовались в вечерних фраках, что говорило о том, что это представители высшего общества, но большинство были в обычных дневных костюмах конторских служащих и средних предпринимателей.

Над танцевальным залом шла затененная галерея. Показав на нее, Эдвард сказал Хью:

– Если заведешь знакомство с какой-нибудь куколкой, заплатишь шиллинг, и тебя проведут туда. Плюшевые диваны, приглушенный свет и ничего не замечающие официанты.

У Хью закружилась голова, но не от яркого света, а от возможностей. Столько девушек вокруг, и у всех только одна цель – пофлиртовать! Некоторые пришли в сопровождении знакомых, но большинство сами по себе, желая потанцевать с абсолютно незнакомыми им мужчинами. И все одеты с иголочки, в вечерних платьях с турнюрами и низкими вырезами и в элегантных шляпках на голове. Правда, на площадку для танцев они выходили, скромно накинув на плечи плащи. Мики с Эдвардом уверяли его, что это не проститутки, а самые обычные девушки, продавщицы из лавок, горничные и портнихи.

– А как с ними знакомятся? – спросил Хью. – Не подходить же к ним напрямую, как к

тем, что стоят на улице.

Эдвард указал на высокого мужчину благородной внешности во фраке с белым галстуком, на груди которого было приколото нечто вроде банта.

– Это распорядитель бала. Дашь ему на чай, и он познакомит тебя с кем захочешь.

«Странная смесь фривольности и респектабельности», – по-думал Хью. Необычная атмосфера его возбуждала.

Полька закончилась, и некоторые танцоры вернулись к своим столикам. Оглядев столики, Эдвард воскликнул:

– Разрази меня гром! Это же Толстяк Гринборн!

Хью посмотрел в том же направлении и увидел своего товарища по школе, ставшего еще толще, с выпирающим из-под белого жилета круглым брюхом. Рядом с ним сидела на удивление красивая девушка.

– Может, присоединиться к ним? – вполголоса спросил Майкл.

Хью хотелось рассмотреть девушку поближе, и он охотно согласился. Все трое прошли между столами.

– Вечер добрый, Толстяк! – весело поприветствовал знакомого Эдвард.

– И вам тоже здарсьте, – ответил Гринборн. – Правда, сейчас меня называют Солли.

Хью то и дело встречал Солли в Сити, финансовом центре Лондона. Солли уже несколько лет работал в главной конторе банка своего семейства, располагавшейся всего лишь за углом от Банка Пиластеров. Эдвард же в отличие от Хью проработал в Сити всего несколько недель, и потому до сих пор не встречался с Солли.

– Мы подумали, не подсесть ли к тебе, – беззаботно сказал Эдвард и внимательно посмотрел на девушку.

Солли повернулся к своей спутнице.

– Мисс Робинсон, позвольте представить вам моих школьных друзей: Эдвард Пиластер, Хью Пиластер и Мики Миранда.

Реакция мисс Робинсон была неожиданной. Она сильно побледнела, несмотря на яркие румяна, и спросила:

– Пиластеры? Уж не родственники ли Тобиаса Пиластера?

– Моего отца звали Тобиас Пиластер, – ответил Хью. – Откуда вам известно это имя?

Девушка быстро пришла в себя.

– Мой отец работал на предприятии «Тобиас Пиластер и Ко». В детстве я всегда думала: кто же такой «Ко»?

Все рассмеялись, неловкое напряжение спало.

– Так что, присядете? – спросила мисс Робинсон.

На столе стояла бутылка шампанского. Солли налил немного в бокал мисс Робинсон и приказал официанту принести еще бокалы.

– Ну, за воссоединение старых друзей по Уиндфилду! Кстати, знаете, кто еще здесь? Тонио Сильва!

– Где? – быстро спросил Мики.

По всей видимости, ему было неприятно узнать, что Тонио находится рядом, и Хью удивился почему. Насколько он помнил, в школе Тонио всегда побаивался Мики.

– На танцевальной площадке, – ответил Солли. – Танцует с подружкой мисс Робинсон, мисс Эйприл Тилсли.

– Можете звать меня Мэйзи, – сказала мисс Робинсон. – Я не такая уж любительница

церемоний.

С этими словами она озорно посмотрела на Солли.

Официант принес тарелку с омарами и поставил перед Солли. Солли заправил салфетку за воротник и принялся за еду.

– А я думал, вам, евреям, нельзя есть раков и моллюсков, – сказал Мики с некоторым ехидством в голосе.

Солли, как всегда, был невосприимчив к подобным насмешкам.

– Я употребляю кошерное только дома.

Мэйзи Робинсон с неодобрением посмотрела на Мики.

– Мы, евреи, едим что хотим, – сказала она и взяла кусок с тарелки Солли.

Хью удивился тому, что она еврейка; до этого он думал, что у всех евреев должна быть смуглая кожа. Он изучил ее внимательнее. Девушка была невысокой, и к тому же около фута роста приходилось на большой шиньон из рыжеватых волос, поверх которого красовалась огромная шляпа с искусственными листьями и фруктами. Из-под шляпы выглядывало дерзкое лицо с ехидным огоньком в глазах. Смелый вырез ее платья обнажал довольно пышные груди в веснушках. Считалось, что в веснушках ничего привлекательного нет, но Хью почему-то никак не мог отвести глаз от этого выреза.

Он постарался отвлечься, посмотрев на своих товарищей по школе, которые за последние семь лет немало изменились. Солли Гринборн в свои двадцать с небольшим еще больше потолстел, но, несмотря на сохранившуюся детскую улыбку, выглядел теперь вполне солидным мужчиной. Возможно, дело было в богатстве, хотя Эдвард тоже не бедствовал, но таким внушающим доверие видом похвастаться не мог. Солли уже успел заслужить уважение в Сити. Конечно, заслужить уважение не так уж и трудно, если ты наследник Банка Гринборнов, но, будь на его месте более легкомысленный молодой человек, ничто не спасло бы его от осуждения и насмешек со стороны других банкиров и финансистов.

Эдвард тоже повзрослел, но в отличие от Солли, не стал выглядеть более солидно. Он по-прежнему, словно подросток, ставил превыше всего удовольствия. Он не был глупым, но с трудом сосредотачивался на делах, мечтая все время о танцах, выпивке и азартных играх.

Мики же превратился в красавца-соблазнителя с темными глазами, черными бровями и длинноватыми кудрями. Его вечерний костюм, несмотря на соответствие принятым нормам, казался слегка франтоватым: бархатные отвороты и воротник, сорочка с оборками. На него уже бросали многозначительные взгляды сидевшие за соседними столиками девушки. Но Мэйзи Робинсон, на взгляд Хью, относилась к нему с неодобрением, и дело тут, похоже, было не только во фразе о евреях. В Мики чувствовалось что-то зловещее. Он казался слишком самоуверенным и сосредоточенным, словно строившим какие-то коварные планы. Он редко говорил напрямую, редко высказывал сомнения или демонстрировал нерешительность, никогда не говорил о своих чувствах и не показывал душу – если она вообще у него была. Хью никогда ему не доверял.

Очередной танец закончился, и к столику подошли Тонио Сильва с мисс Эйприл Тилсли. После школе Хью несколько раз виделся с Тонио, но даже если бы не встречал его все эти годы, то все равно бы узнал по морковно-рыжим волосам. До 1866 года, когда в школу приехала мать Хью со страшным известием о смерти отца, они с Тонио были лучшими друзьями, оба считались самыми несносными учениками четвертого класса, чаще других попадающими в разные переделки, но постоянно жизнерадостными и веселыми, несмотря на регулярные порки.

Хью часто думал о том, что же на самом деле произошло в заброшенном карьере в тот злополучный день. Он не поверил ни единому слову газетной истории о том, как Эдвард попытался спасти тонущего Питера Миддлтона. Эдварду просто не хватило бы смелости для этого. Но Тонио молчал, а другой свидетель, Альберт Кэммел, уехал в Капскую колонию.

Пока Тонио с Мики пожимали руки, Хью рассматривал лицо Тонио. Он, по всей видимости, до сих пор относился к своему соотечественнику с каким-то странным опасением.

– Ты как, Миранда? – спросил он обычным дружеским тоном, но при этом на его лице отразилась смесь страха и восхищения.

С таким выражением здоровался бы завсегдатай кулачных боев с победителем, славившимся своим непредсказуемым нравом.

Спутница Тонио, Эйприл, выглядела чуть старше своей по-други Мэйзи. Слишком пристальный взгляд и напряженные морщинки вокруг глаз делали ее менее привлекательной; но Тонио, по всей видимости, неплохо проводил с ней время, постоянно дотрагиваясь до ее руки и шепча на ухо какие-то шутки, отчего она то и дело смеялась.

Хью повернулся к Мэйзи. Она оживленно рассказывала о чем-то переливчатым голоском, в котором чувствовались нотки акцента северо-востока Англии, где когда-то располагались склады Тобиаса Пиластера. Она то морщила нос, то надувала губы, то закатывала глаза, и все эти ее гримасы казались такими забавными и восхитительными. Хью особенно понравились ее длинные ресницы и веснушки на носу. Общепринятой красотой она не отличалась, но, вне всякого сомнения, была самой симпатичной девушкой во всем заведении.

Хью никак не мог отогнать мысли о том, что здесь, в «Аргайл-румз», Мэйзи может запросто целоваться, обниматься, а то еще и отправиться куда-нибудь наедине с любым мужчиной, сидящим за этим столом. Хью всегда воображал себе физическую близость почти с любой девушкой, с которой ему доводилось встретиться (и он стыдился этих мыслей), но до сих пор такая близость представлялась ему результатом ухаживаний, помолвки и бракосочетания. А Мэйзи запросто могла пойти на такую близость уже сегодня ночью!

Она в очередной раз закатила глаза, и у Хью возникло неловкое ощущение, которое он иногда испытывал в компании Рейчел Бодвин, – ощущение, что она догадывается, о чем он думает. Он поспешно принялся перебирать в голове темы для отвлекающего разговора и наконец выпалил:

– Вы всегда жили в Лондоне, мисс Робинсон?

– Я здесь только три дня, – ответила она.

«Наконец-то мы разговариваем», – подумал Хью, пусть даже эти фразы и были ужасно банальными.

– Как любопытно! – воскликнул он. – И где же вы проживали раньше?

– В разных местах, – ответила она уклончиво. – Я часто переезжала.

И она снова повернулась к Солли.

– Ах, вот как, – сказал Хью.

Похоже, их беседа закончилась, и это его расстроило. Мэйзи держала себя так, как будто обижалась на него за что-то.

Но Эйприл поспешила объяснить слова своей подруги:

– Мэйзи ездила вместе с цирком.

– Как неожиданно! И чем же она занималась?

– Ездил на лошадах, – обернулась Мэйзи. – Выполняла разные трюки, вставала в седле, прыгала с лошади на лошадь.

– В трико, конечно же, – добавила Эйприл.

Образ Мэйзи в плотно обтягивающих трико казался невероятно возбуждающим. Хью скрестил ноги и сказал:

– А как случилось, что вы стали заниматься такой... работой?

Мэйзи немного помедлила, потом на ее лице отразилась решительность. Она развернулась вместе со стулом и посмотрела прямо в глаза Хью. В ее глазах снова полыхнул дерзкий огонек.

– Случилось это вот как. Мой отец работал на «Тобиас Пиластер и Ко». Однажды ваш отец обманул моего и не выплатил ему недельное жалованье. В то время как раз сильно болела моя мать. Без этих денег пришлось бы умереть с голоду мне или ей. Поэтому я сбежала из дома, когда мне было одиннадцать лет.

Хью почувствовал, как его лицо заливают краской.

– Не думаю, что мой отец сознательно кого-то обманывал и не платил. Если вам было всего одиннадцать лет, то вы, пожалуй, что-то не так поняли.

– Зато я хорошо понимала, что такое холод и голод.

– Возможно, в чем-то ошибался ваш отец, – настаивал Хью на своем, хотя прекрасно понимал, что поступает невежливо. – Не следовало ему заводить детей, если он не мог их прокормить.

– Он мог их прокормить! – вспыхнула Мэйзи. – Он работал, как раб. А вы украли его деньги!

– Мой отец обанкротился, но он никогда ничего не крал.

– Если он разорился и не заплатил рабочим, то это одно и то же.

– Это не одно и то же, а вы дерзите и ведете себя непочтительно, делая вид, что не понимаете.

Другие почувствовали, что Хью зашел слишком далеко. Одновременно заговорили несколько человек:

– Давайте не будем спорить о том, что случилось так давно, – предложил Тонио.

Хью и сам знал, что должен остановиться, но никак не мог подавить в себе гнев.

– С тринадцати лет мне приходится выслушивать упреки со стороны других Пиластеров, обвиняющих моего отца во всех грехах, но я не потерплю этого от какой-то циркачки.

Мэйзи вскочила, глаза ее сверкали, как изумруды. На мгновение Хью показалось, что она его ударит. Но она только выпалила:

– Потанцуй со мной, Солли. Надеюсь, твой знакомый грубиян уйдет, когда мы вернемся к столу.

III

Из-за ссоры Хью с Мэйзи компания распалась. Солли с Мэйзи остались танцевать, а остальные решили отправиться на крысиные бои. Эта забава считалась незаконной, но минутах в пяти ходьбы от площади Пиккадилли располагалось с полдюжины таких заведений, и Мики Миранда все их знал.

Когда они дошли до лондонского района, известного под названием «Вавилон», уже совсем стемнело. Здесь, в отдалении от особняков Мэйфера, но в удобной близости от

джентльменских клубов Сент-Джеймса, извивались улочки, на которых друг за другом сплошь выстроились игорные дома, курильни опиума, места проведения кулачных боев. Здесь вовсю торговали порнографией, и здесь же без труда можно было снять проститутку на любой вкус.

Ночь выдалась жаркой и душной, в воздухе стоял удушающий запах дешевой стряпни, пива и сточных вод. Компания во главе с Мики медленно шла по центру весьма оживленной улочки. В первую же минуту к Хью подошел старик в поношенном цилиндре и предложил купить сборник непристойных стихов; подмигнул молодой человек с неестественно румяными щеками; хорошо одетая женщина распахнула жакет и показала две ослепительно-белые груди, и еще одна старуха предложила заплатить за ночь наедине с девочкой лет десяти с ангельским личиком. Их окружали пивные заведения, бордели и дома с дешевыми меблированными комнатами; стены всех строений были грязно-серого цвета, а через засаленные окна то и дело мелькали тусклые лампы, в отблесках которых можно было разглядеть предававшихся кутежу и разврату людей. По улице прохаживались похожие на Мики хлыщи во фраках, служащие и лавочники в котелках, фермеры с выпученными глазами, солдаты в расстегнутых мундирах, моряки с набитыми только что полученным жалованьем карманами и, на удивление, немало внешне благопристойных пар – представителей среднего класса, гуляющих под ручку.

Мики чувствовал себя в своей стихии. Впервые за несколько недель он вырвался из-под надзора Папы на целый вечер. Они с отцом все ждали, когда же отдаст богу душу Сет Пиластер, чтобы заключить сделку о поставках винтовок, но старик не спешил отправляться на тот свет и цеплялся за жизнь, словно морской моллюск к скале. В том, чтобы ходить по мюзик-холлам и борделям вместе с Папой, не было никакого удовольствия; кроме того, отец обращался с ним как со слугой и иногда приказывал ждать снаружи, пока развлекался с очередной шлюхой. Сегодня наконец-то можно было вздохнуть полной грудью.

Мики был рад, что повстречал Солли Гринборна. Гринборны были богаче даже Пиластеров, так что Солли, возможно, когда-нибудь окажется полезным.

Но встреча с Тонио Сильвой его раздосадовала. Тонио слишком много знал о смерти Питера Миддлтона семь лет тому назад. Тогда он сильно боялся Мики; было видно, что он опасается его до сих пор, но это не то же самое, что испытывать смертельный страх. Он беспокоил Мики, но пока что было непонятно, как с ним быть.

С Уиндмилл-стрит Мики свернул в узкий переулок. Из-за кучи отбросов сверкнули глаза одичавшей кошки. Окинув взглядом своих спутников и проверив, все ли на месте, он вошел в тускло освещенный паб, прошел через весь зал и вышел в заднюю дверь. В углу дворика, в лучах лунного света, перед клиентом стояла на коленях проститутка. Мики пересек двор и распахнул дверь похожего на конюшню строения.

Стоявший за дверью мужчина с грязным лицом потребовал с каждого по четыре пенса за вход. Эдвард заплатил за всех, и они прошли внутрь.

В ярко освещенном зале плавали клубы дыма и витал запах крови и экскрементов. Вокруг круглой ямы стояли человек сорок-пятьдесят мужчин и несколько женщин. Тут были представители разных классов – некоторые в грубых шерстяных пиджаках и галстуках в горошек, указывавших на то, что их владельцы из хорошо получавших рабочих; были тут и мужчины в сюртуках и даже в вечерних фраках; всех женщин же можно было причислить к тому же типу, что и Эйприл, – девицы не то чтобы совсем «легкого поведения», но явно не отягощенные излишней моралью. Некоторые мужчины держали на поводке собак; еще

несколько собак были привязаны к ножкам стульев.

Мики указал на бородатого мужчину в твидовой кепке, державшего на тяжелой цепи собаку в наморднике. Некоторые посетители внимательно исследовали его пса – приземистое животное с крупной головой и массивной челюстью. Пес возбужденно переступал с лапы на лапу.

– Он следующий, – пояснил Мики.

Эдвард отошел купить напитки у женщины с подносом. Мики повернулся к Тонио и обратился к нему по-испански. Конечно, это было невежливо в присутствии не понимавших их Хью и Эйприл, но Хью для него был никем, а с Эйприл можно было и вовсе не считаться.

– Ну, как поживаешь? Чем занимаешься?

– Служу атташе при посланнике Кордовы в Лондоне, – ответил Тонио.

– Вот как? – заинтересовался Мики.

Большинство южноамериканских стран не утруждались тем, чтобы отсылать в Лондон своих дипломатических представителей, но Кордова вот уже лет десять держала здесь своего посланника, по рангу лишь немногим уступавшего полноправным послам крупных держав. Разумеется, Тонио получил эту должность благодаря связям своего семейства. По сравнению со столичными Сильва Папа Миранда выглядел провинциальным бароном и не имел влиятельных связей.

– И в чем же заключаются твои обязанности?

– Отвечаю на письма английских фирм, желающих обосноваться в Кордове. Спрашивают в основном про климат, валюту, внутренний транспорт, отели – всякое такое.

– Ты занят весь день?

– Нечасто, – Тонио понизил голос. – Только не говори никому, но в основном я за весь день пишу всего два-три письма.

– Тебе платят?

Многие дипломаты имели независимые источники доходов и служили, не получая жалованья.

– Нет. Но мне выделили апартаменты в резиденции посланника и еще компенсируют расходы на еду и одежду. Также оплачивают мое членство в клубах.

Мики задумался. Именно такая работа подошла бы ему как нельзя лучше. Его охватила зависть. Бесплатное питание и проживание, да еще оплата типичных расходов молодого лондонского франта – и это всего лишь за час писанины по утрам. Интересно, можно ли каким-то образом сместить с этой должности Тонио и занять ее самому?

Эдвард вернулся с пятью рюмками бренди и раздал их. Мики тут же проглотил свою порцию – дешевое обжигающее пойло.

Пес вдруг зарычал и принялся бешено вертеться, натягивая цепь; шерсть на загривке у него встала дыбом. Мики оглянулся и увидел, как двое мужчин несут клетку с огромными крысами. Крысы казались еще более взбешенными, чем пес, они царапали прутья, ползали по головам друг друга и отчаянно пищали. Все собаки в помещении залаяли, и какое-то время все голоса перекрывала дикая какофония издаваемых животными звуков.

Входную дверь закрыли и заперли изнутри; мужчина в грязном сюртуке стал собирать ставки.

– Никогда не видел таких больших крыс, – удивился Хью Пиластер. – Где они только их набрали?

– Их специально выращивают, – ответил Эдвард и повернулся к одному из

помощников: – Сколько на этот бой?

– Шесть дюжин, – ответил мужчина.

– Это значит, что в яму выпустят семьдесят две крысы, – объяснил Эдвард.

– И как делают ставки? – спросил Тонио.

– Можно ставить на собаку или на крыс; если думаешь, что выиграют крысы, то можно поставить на конкретное число выживших, после того как собака сдохнет.

Букмекер в засаленном сюртуке выкрикивал ставки и забирал деньги в обмен на клочки бумаги с записанными карандашом цифрами.

Эдвард поставил соверен на собаку, а Мики поставил шиллинг на шесть выживших крыс, ставки на которых делались пять к одному. Хью решил не делать ставок, потому что не видел особого смысла в таком развлечении.

Яму глубиной около четырех футов окружал деревянный забор еще футов четырех высотой. На досках примерно на равном расстоянии друг от друга были подвешены грубые подсвечники со свечами, освещавшими пол ямы. Помощники распорядителя сняли с собаки намордник и выпустили в яму через калитку в заборе, тут же плотно заперев ее. Пес стоял на негнущихся ногах с вздыбленной на загривке шерстью, озираясь по сторонам в ожидании крыс. Помощники, державшие клетку с крысами, подняли ее над забором. В воздухе повисла настороженная тишина.

– Десять гиней на собаку, – произнес вдруг Тонио.

Мики удивился. Судя по словам Тонио, он дорожил своей работой и был рад, что ему предоставлена возможность немного сэкономить на проживании. Может, он что-то недоговаривает? Или просто настолько азартен, что делает ставки не по карману?

Букмекер замялся. Для него это тоже была большая сумма. Но все же он нацарапал карандашом заметку, вручил бумажку Тонио и забрал у него деньги.

Помощники принялись раскачивать клетку над забором, словно собираясь бросить ее на дно ямы, но откидная дверца клетки наконец-то распахнулась, и крысы полетели вниз, кувыркаясь в воздухе и вереща от страха. Эйприл в волнении не удержалась и вскрикнула. Мики засмеялся.

Пес принялся за истребление крыс с убийственной целе-устремленностью. Пока на него валился целый дождь из крыс, челюсти его ритмично щелкали. Мощным движением он перегрызал хребет одной крысы, бросал ее и принимался за другую.

Запах крови становился все более противным. Все собаки в помещении бешено лаяли, посетители орали и перебивали друг друга, женщины визжали, а мужчины выкрикивали слова поддержки собаки или крыс. Мики хохотал как безумный.

Поняв, что оказались в западне, некоторые крысы принялись бегать по кругу в поисках возможного выхода; другие прыгали на крутые стены, пытаясь безуспешно зацепиться за них; третьи сгрудились в кучу. На какое-то время пес стал безраздельным хозяином положения и за несколько секунд перебил еще с дюжину крыс.

Но потом крысы, словно по неслышному сигналу, стали одна за другой разворачиваться и бросаться на пса, кусать его за ноги, бедра и короткий хвост. Некоторые запрыгивали на спину и кусали его за шею и уши; одна крыса вцепилась своими острыми зубами в нижнюю губу и висела, сколько бы он ни вертел головой. Пес завыл от боли и несколько раз ударился головой о землю. Только тогда крыса отцепилась, оставив после себя рваную, сочившуюся кровью рану.

Пес вертелся, хватал крыс и убивал их одну за другой, но остальные не переставали

бегать за ним. Когда половина крыс погибла, пес начал задыхаться. Люди, сделавшие ставку на тридцать шесть крыс и больше, рвали свои бумажки; другие кричали с еще большим задором.

Теперь на теле собаки кровоточили двадцать-тридцать укусов, земляной пол ямы, усеянный трупами крыс, стал скользким от крови. Но пес продолжал взмахивать своей крупной головой, продолжал хватать крыс челюстью и с хрустом перегрызать им позвоночник своей ужасной пастью; только движения его замедлились, а ноги уже не так прочно стояли на скользкой земле. Мики подумал, что бой понемногу становится интересным.

Почуввав усталость пса, крысы осмелели. Пока он держал одну в челюстях, другая подпрыгивала и вцеплялась ему в горло. Они сновали у него между ног, ползали под брюхом и запрыгивали на более нежные части тела. Одна особенно крупная крыса вцепилась в заднюю ногу и не отцеплялась. Пес повернулся, чтобы укусить ее, но другая крыса уловила момент и прыгнула ему на морду. Одна нога собаки стала странно дергаться и волочиться – должно быть, крысы перегрызли сухожилия. С каждым шагом пес все сильнее хромал.

И разворачивался он теперь гораздо медленнее. Словно узнав о скорой победе, около дюжины крыс набросились на него сзади. Через силу пес попытался ухватить парочку, но только щелкнул зубами в воздухе и упал в лужу крови. Брюхо его превратилось в кровавое месиво; было понятно, что долго он не продержится. Мики подумал, что он угадал и что под конец действительно останется шесть крыс.

Вдруг в собаке пробудились последние силы. Вскочив на три ноги, пес за несколько секунд убил еще четырех крыс. Но это был его последний предсмертный порыв. Ноги у него подкосились, и он выпустил из пасти свою очередную жертву. Больше он уже никого не смог поймать и только безвольно вертел головой.

Оставшиеся крысы набросились на пса и стали отрывать от него куски мяса, уже нисколько не боясь челюстей. Мики сосчитал их: шесть штук. Он обернулся и посмотрел на своих спутников. Хью выглядел подозрительно бледным.

– Зрелище не для слабых духом, верно? – спросил Эдвард.

– Собака и крысы вели себя согласно своей природе, – произнес Хью. – На мой взгляд, более омерзительны здесь люди.

Эдвард фыркнул и пошел купить еще выпивки.

Эйприл с блеском в глазах мечтательно смотрела на Тонио – на мужчину, который, по ее мнению, мог позволить себе проиграть десять гиней за одну ставку. Мики же более пристально взгляделся в лицо Тонио и заметил на нем признаки паники. «Не верю, что он действительно может себе это позволить», – подумал Мики.

У букмекера Мики забрал свой выигрыш – пять шиллингов. Уже неплохая прибыль за вечер. Но ему казалось, что он узнал о Тонио нечто, что стоило гораздо больше.

IV

Самое отвратительное впечатление на Хью произвел Мики. На протяжении всего боя он хохотал, словно в истерике. Поначалу Хью не мог понять, почему этот смех кажется ему знакомым, но потом вспомнил, что Мики смеялся точно так же, когда Эдвард швырнул одежду Питера Миддлтона в пруд. Весьма неприятное воспоминание.

– Давайте пойдем к Нелли, – предложил Эдвард, вернувшись с напитками.

Проглотив бренди, они вышли. На улице Тонио и Эйприл под каким-то предлогом зашли в здание, выглядевшее как самая дешевая гостиница. Хью догадался, что они собираются снять комнату на пару часов, возможно, даже на целую ночь. Куда они пойдут теперь с Эдвардом и Мики? Он не был уверен, что такое времяпрепровождение можно назвать весельем, но все же ему было любопытно узнать, кто такая Нелли и что происходит у нее. Раз уж он решился «покутить» этим вечером, то не стоит останавливаться на полпути.

Заведение Нелли располагалось на улице Принца неподалеку от Лестер-сквер. У его дверей дежурили два здоровенных швейцара в форме. Когда трое молодых людей подошли к дверям, они как раз выталкивали мужчину средних лет в котелке.

– Только в вечернем костюме, – угрожающе сказал один швейцар, когда мужчина попытался было что-то возразить.

Похоже, швейцары хорошо знали Эдварда и Мики, потому что один из них прикоснулся пальцами к шляпе, а другой распахнул дверь. По длинному коридору молодые люди прошли к другой двери. Там их через глазок внимательно оглядел привратник и впустил внутрь.

Зала внутри походила на обширную гостиную большого лондонского дома. За решетками двух массивных каминов потрескивал огонь, повсюду были расставлены уютные диваны, кресла и столики. По зале прохаживались мужчины и женщины в вечерних одеяниях.

Но стоило только взглянуть внимательнее, как сразу становилось понятно – это не обычная гостиная. У большинства мужчин на головах красовались цилиндры, что не допускалось в гостиных. Некоторые при этом сняли фраки и развязали галстуки. Большинство женщин были полностью одеты, но некоторые расхаживали в одном нижнем белье. Одни из них сидели на коленях мужчин, другие целовались с мужчинами, а пара даже позволяла ласкать себя в сокровенных местах.

Впервые в жизни Хью оказался в борделе.

Здесь было шумно; мужчины громко шутили, женщины хохотали, скрытый где-то скрипач играл вальс. Хью проследовал за Мики и Эдвардом в дальний конец залы, где на стенах были развешаны картины с обнаженными женщинами в непристойных позах и страстно обнимающимися парами. Хью почувствовал возбуждение. В самом дальнем углу, под огромной картиной, изображавшей разнузданную оргию, сидела самая толстая женщина, какую Хью видел в жизни: с обширными грудями и сильно накрашенная, в просторном шелковом платье, напоминавшем балдахин. Она восседала на кресле, как на троне, в окружении девушек. За ней виднелась покрытая красным ковром широкая лестница, ведущая, по всей видимости, в спальню.

Приблизившись к «трону», Эдвард и Мики поклонились. Хью последовал их примеру.

– Нелл, радость моя, позволь мне представить моего кузена, мистера Хью Пиластера!

– Добро пожаловать, мальчики, – сказала Нелл. – Развлекайтесь с этими прелестницами, не стесняйтесь.

– Еще успеется, Нелл. Сегодня играют?

– У Нелли всегда играют, – ответила женщина и грациозно махнула рукой по направлению к одной из дверей.

Эдвард еще раз отвесил поклон и сказал:

– Мы скоро вернемся.

– Не подведите меня, мальчики!

Они отошли.

– Изображает из себя королеву! – пробормотал себе под нос Хью.

– В каком-то смысле имеет право, – усмехнулся Эдвард. – Многие из тех, кто сегодня кланяется ей, утром будет кланяться настоящей королеве.

Они прошли в соседнюю комнату, где около двенадцати-пятнадцати мужчин играли за двумя столами в баккара. На каждом столе примерно в футе от края была проведена мелом линия, за которую игроки клали разноцветные фишки, символизовавшие их ставки. Рядом с большинством игроков стояли бокалы со спиртным; в воздухе висел густой сигарный дым.

У одного стояло несколько незанятых стульев, на которые Эдвард с Мики тут же и уселись. Официант поднес им фишки, в получении которых они расписались.

– Какие тут ставки? – спросил Хью.

– Минимум фунт.

Хью подумал, что если он сделает ставку и выиграет, то может позволить себе одну из женщин в соседней зале. Конечно, у него при себе не было достаточно денег, но, скорее всего, кредит Эдварда здесь пользуется доверием... Потом он вспомнил, как Тонио потерял десять гиней на крысиных боях.

– Пожалуй, я воздержусь, – сказал он.

– Мы и не надеялись, – лениво протянул Мики.

Хью почувствовал себя неловко. Он попросил было официанта принести ему напиток, но потом подумал, что напиток здесь стоит его недельное жалованье. Банкир раздал карты из колоды, и Мики с Эдвардом сделали ставки. Хью предпочел отойти и вернуться в главную залу.

Там, приглядевшись внимательнее к мебели, он заметил протертые пятна на бархатной обивке и на коврах, а также следы ожогов от сигар на деревянных поверхностях. Рядом с ним пьяный мужчина встал на колени и запел что-то одной из полуодетых девушек, чем вызвал бурный смех своих спутников. На соседнем диване парочка целовалась с открытыми ртами. Хью слышал, что так можно делать, но никогда еще не видел. Он следил, словно замороженный, за тем, как мужчина расстегивает платье женщины и ласкает ее груди. Эта сцена одновременно и возбуждала, и возмущала Хью. Несмотря на возмущение, он почувствовал напряжение в брюках под животом. Мужчина на диване склонил голову к грудям женщины и начал их целовать. Хью не верил своим глазам. Женщина откинула голову, встретилась взглядом с Хью и подмигнула.

– Можно и со мной такое проделать, если пожелаешь, – раздался у уха Хью высокий голос.

Хью резко обернулся, словно его застали за чем-то постыдным. Рядом с ним стояла темноволосая девушка примерно его возраста, с толстым слоем румян на лице. Хью не удержался и посмотрел на ее груди, но тут же, смутившись, отвел глаза в сторону.

– Не стесняйся, красавчик, смотри сколько захочется. Можно даже с ними немного поиграть.

К своему ужасу, Хью ощутил, как ее рука прикасается к его паху. Нащупав напрягшийся орган, девушка сжала его покрепче.

– Какой ты прыткий и горячий, – прошептала она.

Внутри у Хью все пылало. Он почувствовал, что вот-вот лопнет от напряжения. Девушка вытянула шею и поцеловала его в губы, одновременно поглаживая рукой у него между ног.

Это было уже слишком. Не в силах сдерживаться, Хью выплеснул весь заряд своей страсти прямо в нижнее белье.

Девушка это почувствовала и, казалось, на мгновение даже искренне удивилась, а затем

расхохоталась.

– Какая прелесть! – воскликнула она. – У нас тут новичок!

Хью стало ужасно стыдно. Девушка оглянулась по сторонам и обратилась к своей ближайшей подруге:

– Я только дотронулась до него, а он уже весь перепачкался!

В ответ на ее восклицание засмеялось уже несколько голосов.

Хью развернулся и направился к выходу. За ним, словно шлейф, тянулся хохот. Он с трудом сдерживался, чтобы не пуститься наутек. Наконец он добрался до двери, а оттуда до улицы было уже рукой подать.

На улице стало немного прохладнее. Хью глубоко вздохнул и попытался привести свои мысли в порядок. Если это и есть «развлечения», то они несколько ему не нравятся. Дешевая горячка Мэйзи оскорбила память его отца; крысиные бои оказались ужасным зрелищем; проститутки над ним посмеялись. Пусть все они катятся к чертям, больше он с ними никакого дела иметь не будет!

Привратник сочувственно посмотрел на него.

– Желаете пораньше отдохнуть, сэр?

– Неплохая идея, – сказал Хью и пошел прочь.

Мики проигрывал. Если бы он держал банк в баккара, то можно было бы попробовать сплутовать, но банк к нему не переходил. Когда Эдвард предложил закончить игру и пойти развлечься к девочкам, Мики испытал тайное облегчение.

– Ты иди, а я пока поиграю, – постарался он сказать как можно более безразличным тоном.

В глазах Эдварда отразилась тревога.

– Уже поздно.

– Хочу отыграться и вернуть себе проигранное, – настаивал Мики.

Эдвард наклонился к нему и сказал низким голосом:

– Я заплачу за твои фишки.

Мики сделал вид, что обдумывает это предложение, а затем сдался:

– Ну ладно, твоя взяла.

Эдвард улыбнулся. Он рассчитался, и они вернулись в главную залу. Почти тут же к Эдварду подошла пышногрудая блондинка. Он обхватил ее за обнаженные плечи, и она прижалась к нему всем телом. Мики тем временем рассматривал остальных девушек. Его внимание привлекла женщина чуть постарше с откровенно развратным взглядом. Он улыбнулся ей; она подошла, вцепилась ему в жилет всей пятерней, подтянула к себе и поцеловала в губы.

Мики заметил, что наблюдавший за ними Эдвард покраснел от возбуждения. Мики тоже ощутил желание.

– Как тебя зовут? – обратился он к своей женщине.

– Элис.

– Пойдем наверх, Элис.

Вчетвером они поднялись наверх. На площадке стояла мраморная статуя кентавра с напряженным членом, который Элис, проходя мимо, потерла рукой. Рядом со статуей обнималась полураздетая парочка, не обращая никакого внимания на наблюдавшего за ними пьяного мужчину, сидевшего прямо на полу.

Женщины направились было в разные комнаты, но Эдвард указал им на одну комнату.

– Хотите все вместе, мальчики? – спросила Элис.

– Сэкономим деньги, – сказал Мики, а Эдвард засмеялся.

– Вместе учились в школе? – с видом знатока спросила женщина, закрывая за собой дверь. – Спали в одной кровати и привыкли тереться друг об дружку?

– Заткнись! – приказал Мики, крепко обнимая ее.

Пока Мики целовал Элис, Эдвард подошел к ней сзади, вытянул руки и обхватил ладонями ее груди. Ее это, казалось, немного удивило, но возражать она не стала. Мики чувствовал, как руки Эдварда движутся между его телом и телом женщины, и по толчкам он догадался, что его товарищ уже возбужден до предела.

– А мне-то что делать? – чуть погодя спросила другая девушка. – Я, случайно, тут не лишняя?

– Скидывай платье! – выпалил Эдвард. – Ты следующая.

В детстве Хью думал, что настоящие владельцы Банка Пиластеров – это посыльные, расхаживающие по банку с важным видом, в безукоризненно чистых и выглаженных визитках, с выглядывающими из кармашков жилетов серебряными цепочками от часов. Они так горделиво, с полным чувством собственного достоинства двигались по коридорам, что казались ребенку самыми главными, несмотря на то что в действительности занимали едва ли не самую последнюю должность.

Его, десятилетнего, привел сюда дед, брат Старого Сета. Мраморные стены зала на первом этаже казались стенами собора – огромного, величественного здания, в котором велись торжественные и непонятные службы в честь божества по имени Деньги. Дед показал ему и покрытые плотными коврами коридоры второго этажа, в которых тонул всякий звук; показал кабинеты партнеров и их секретарей, где маленькому Хью предложили бокал хереса и тарелку с бисквитами; показал на третьем этаже столы строгих старших писарей в очках, сидевших в окружении кип бумаг, перевязанных лентами, словно подарки; показал младших клерков на последнем этаже, сидевших за выстроившимися в ряд конторками и показавшихся маленькому Хью игрушечными солдатиками, царапающими что-то в конторских книгах своими перепачканными чернилами пальцами. Но самым волшебным местом для Хью был подвал, под сводами которого хранились договоры, заключенные тогда, когда его дедушка был младше его самого; здесь же хранились тысячи почтовых марок, дожидаясь, пока их оближут и приклеят к конвертам; отдельное помещение было заставлено огромными стеклянными банками с чернилами. Хью представлял себе, как эти чернила разливаются по чернильницам, как писари распределяют их по бумагам, и как эти бумаги возвращаются в подвал, чтобы остаться там на веки вечные, и как в результате этого круговорота чернил каким-то загадочным образом рождаются деньги.

Сейчас этот процесс для него лишился своего таинственного ореола. Теперь Хью знал, что огромные тома в кожаном переплете – это не сборники магических заклинаний, а всего лишь списки финансовых операций, тщательно рассчитанных и регулярно обновляемых; его собственные пальцы покрылись чернильными пятнами от каждодневных записей. Словосочетание «переводной вексель» уже не звучало для него как некая волшебная фраза, а означала всего лишь обещание заемщика выплатить деньги кредитору в указанный срок, обозначенный на заверенном банком документе. «Переучет векселей», под которым он в детстве подразумевал обратный отсчет от ста до одного, оказался всего лишь скупкой переводных векселей по цене, слегка меньшей, чем их номинальная стоимость, в целях последующей продажи после даты погашения и получения прибыли.

Хью служил в банке старшим помощником Джонаса Малберри, главного клерка, лысеющего мужчины лет сорока, добродушного, но слегка раздражительного. Малберри всегда старался объяснить Хью детали делопроизводства, но быстро выходил из себя, когда Хью в чем-то ошибался или не поспевал в срок. Хью проработал под его началом уже год, но вчера допустил серьезную ошибку – потерял коносамент, то есть накладную, на отправку в Нью-Йорк партии ткани из Бредфорда. Владелец бредфордской мануфактуры явился в их банк и потребовал своих денег, но Малберри нужен был документ, подтверждающий

отправку, а Хью никак не мог его найти. Пришлось попросить владельца зайти к ним на следующее утро.

В конце концов Хью нашел коносамент, но проворочался без сна почти всю ночь, размышляя о своей ошибке, а наутро придумал новую систему оборота документов.

Придя на работу, он поставил перед собой на своем столе два дешевых деревянных ящичка и положил две овальные карточки. Взяв перо и обмакнув его в чернильницу, он вывел на одной карточке:

«Вниманию главного клерка»

На другой карточке он написал:

«Рассмотрено главным клерком»

Когда чернила высохли, он аккуратно прикрепил кнопками эти ярлычки к ящичкам. Потом установил эти ящички на столе Джонаса Малберри и сделал шаг назад, чтобы окинуть их взглядом. В это время в кабинет вошел мистер Малберри.

– Доброе утро, мистер Хью, – поприветствовал он своего помощника.

Согласно установленной традиции к членам семейства Пиластеров всегда обращались по именам, чтобы не перепутать их между собой.

– Доброе утро, мистер Малберри.

– А это еще что такое? – спросил Малберри с легким раздражением в голосе, глядя на ящички.

– Да, кстати, я нашел тот коносамент... – начал Хью.

– И где же он был?

– Смешался с некоторыми подписанными вами письмами.

Малберри прищурился:

– Хотите сказать, что это моя вина?

– Нет, никоим образом! – поспешил уверить его Хью. – Держать в порядке ваши документы – это моя обязанность. Вот почему я придумал систему ящичков – чтобы отделить документы, которые вы уже просмотрели, от документов, которые требуют вашего внимания.

Малберри сдержанно кивнул, повесил свою шляпу-котелок на крючок за дверью и сел за стол. Наконец он произнес:

– Ну что ж, проверим эту систему. Вполне возможно, она окажется неплохой. Но в следующий раз попрошу вас обсуждать ваши гениальные нововведения со мной, прежде чем воплощать их на практике. В конце концов, это мой кабинет и я тут главный клерк.

– Да-да, разумеется, – сказал Хью. – Прошу прощения.

Он понимал, что должен был сначала спросить разрешения Малберри, но уж очень ему хотелось проверить свою идею.

– Вчера, кстати, разрешился вопрос со ссудой российскому правительству, – продолжил Малберри. – Идите в почтовое отделение и распорядитесь пересчитать все заявки.

– Хорошо.

Банк организовал заем в два миллиона фунтов для правительства России и выпустил облигации стоимостью в сто фунтов под пять фунтов годовых процентов; но эти облигации

он продавал по девяносто три фунта, так что реальная процентная ставка превышала пять и три восьмых. Большинство облигаций раскупили другие банки в Лондоне и Париже, но часть облигаций было решено продать широкой публике, и теперь нужно было подсчитать принятые заявки.

– Будем надеяться, что заявок окажется больше, чем облигаций.

– Почему?

– Те, кому они не достанутся, завтра попытаются купить эти облигации на открытом рынке, и благодаря этому их стоимость, того и гляди, вырастет до девяноста пяти фунтов. Наши клиенты сочтут, что им повезло приобрести облигации по дешевке.

Хью кивнул.

– А если заявок будет меньше?

– Тогда банк, как гарант размещения облигаций, должен будет скупить остаток по цене в девяносто три фунта. Завтра цена может опуститься до девяноста двух или девяноста одного фунта, и мы понесем потери.

– Понятно.

– Ну ладно, ступайте.

Хью вышел из кабинета Малберри, располагавшегося на третьем этаже, и спустился по лестнице. Он был рад, что Малберри согласился с его идеей установить ящички и что вчерашний инцидент с коносаментом не имел серьезных последствий. На втором этаже, где располагался зал совещаний партнеров, он встретил Сэмюэла Пиластера, как всегда, франтовато одетого, в серебристо-сером фраке с галстуком цвета морской волны.

– Доброе утро, дядюшка Сэмюэл, – поздоровался Хью.

– Утро доброе, Хью. Куда это ты направился?

Сэмюэл всегда проявлял к Хью больше внимания, чем другие партнеры.

– Иду пересчитывать заявки на российские облигации.

Сэмюэл улыбнулся, показав свои слегка загнутые зубы.

– Не понимаю, как ты можешь излучать бодрость, когда тебе предстоит такой день!

Хью продолжил свой путь вниз по лестнице. Среди родных уже ходили приглушенные разговоры о дядюшке Сэмюэле и его секретаре. Хью не находил ничего ужасного в том, что люди называли Сэмюэла «слишком женственным». Женщины и священнослужители называют чрезмерно близкие отношения между мужчинами извращением, но Хью знал, что такое иногда случается, особенно в школах вроде Уиндфилда. По крайней мере, никому от этого особого вреда не бывает.

Спустившись на первый этаж, Хью вышел в огромный общий зал. Сейчас, в полдесятого утра, многие служащие только приходят на работу, то и дело отворяя входные двери и принося за собой шлейф запахов завтрака с жареным беконом или подземки. Хью кивком поприветствовал мисс Гринграсс, единственную женщину-клерка в банке. Год назад, когда ее только приняли на работу, было много споров о том, можно ли поручать женщине такую ответственную должность. С тех пор она зарекомендовала себя как отличный работник, и Хью подумал, что в будущем, вероятно, среди клерков в банке будет больше женщин.

Пройдя через черный выход к другой лестнице, Хью спустился в подвал, где располагалось почтовое отделение. Двое посыльных сортировали почту и заявки на приобретение «русских облигаций», которых уже набрался целый мешок. Хью решил, что им не помешает помощь еще двух младших клерков, а сам он будет сверять их подсчеты.

Эта работа заняла у него чуть ли не весь день. Было уже почти четыре часа, когда он

вывел последний столбик цифр и откинулся на стуле. Оказалось, что заявок меньше ожидаемого и часть облигаций остается невыкупленной. Пусть этот остаток и совсем небольшой, но свою психологическую роль он сыграет, да и партнеры останутся недовольны.

Записав цифры на чистом листке бумаги, Хью отправился искать Малберри. В банке было довольно тихо. По требованию немногочисленных клиентов клерки за полированными прилавками снимали с полок тяжелые книги и ставили их обратно. Банк старался не иметь дела с отдельными частными клиентами, поскольку это был коммерческий банк, финансирующий в основном крупных предпринимателей и крупные компании. Как говорил Старый Сет, Пиластеров не интересуют засаленные монеты бакалейщиков или смятые банкноты портных – на них большой прибыли не сделаешь. Но здесь держали свои личные средства все члены семейства, и эта же привилегия распространялась на самых богатых и уважаемых клиентов. Хью заметил как раз одного из таких клиентов, сэра Джона Кэммела, с сыном которого учился вместе в Уиндфилде. Сэр Джон, худой лысый мужчина, сколотил состояние на угольных шахтах и на доках в своем поместье в Йоркшире. В настоящий момент он беспокойно расхаживал по мраморному полу и неодобрительно озирался по сторонам.

– Добрый день, сэр Джон. Надеюсь, вас уже обслуживают?

– Нет, не обслуживают, молодой человек. Здесь вообще кто-нибудь работает?

Хью быстро огляделся. Никого из партнеров или старших клерков поблизости не было.

Он решил проявить инициативу:

– Не желаете подняться в кабинет партнеров, сэр? Я думаю, они с большим удовольствием встретятся с вами лично.

– Хорошо, я поднимусь.

Хью провел его наверх. Все партнеры, как повелось, работали в одном помещении; так им было удобнее решать важные вопросы и сверяться друг с другом. По обстановке этот кабинет походил на комнату для чтения в клубе джентльменов: обитые кожей диваны, книжные полки и большой центральный стол с газетами. С портретов в солидных рамах на стенах на своих потомков взирали Пиластеры-предки, все как один с горбатыми, похожими на клюв носами.

В кабинете никого не оказалось.

– Кто-нибудь совсем скоро придет, я уверен, – сказал Хью. – Вам предложить бокал мадеры?

Он подошел к буфету у стены и, не скупясь, наполнил бокал, пока сэр Джон устраивался в кожаном кресле.

– Кстати, я Хью Пиластер.

– Ах, вот как?

Сэр Джон, похоже, смягчился, узнав, что с ним разговаривает представитель семейства Пиластеров, а не какой-нибудь мальчик на побегушках.

– Насколько я помню, вы учились в Уиндфилде?

– Да, сэр. Вместе с вашим сыном Альбертом. Мы называли его Горбом...

– Всех Кэммелов называют Горбами. Верблюды, понимаете ли...

– Я не видел его с... с тех пор, – сказал Хью уклончиво.

– Он уехал в Капскую колонию, и там ему так понравилось, что он решил остаться.

Сейчас он разводит лошадей.

Альберт Кэммел был один из тех, кто купался в заброшенной карьере в тот

злополучный день 1866 года, когда утонул Питер Миддлтон. Хью так и не выслушал его версию событий.

– Хотелось бы написать ему письмо, – сказал он.

– Я уверен, что он будет рад получить весточку от бывшего одноклассника. Я оставлю вам его адрес.

Сэр Джон подсел к столу, окунул перо в чернильницу и нацарапал на листе бумаги адрес.

– Вот, держите.

– Благодарю вас.

Хью с удовлетворением заметил, что сэр Джон полностью растаял.

– Могу ли я вам быть полезным чем-то еще, пока вы ожидаете?

– Ну, пожалуй, вы могли бы разобраться с этим.

Сэр Джон вынул из кармана бумагу. Хью взял ее и внимательно рассмотрел. Это был чек на сто десять тысяч фунтов. До сих пор ему еще не доводилось держать в руках чеки на такую крупную сумму.

– Только что продал свою угольную шахту соседу, – объяснил сэр Джон.

– Хорошо, я положу это на ваш счет.

– И на каких процентах?

– Четыре процента, согласно нынешней ставке.

– Я думаю, это неплохо.

Хью замаялся. Он подумал, что можно убедить сэра Джона приобрести российские облигации, и тогда вместо недостатка общее количество заявок будет слегка превышено. Стоит ли заводить речь об этом? Он уже превысил свои полномочия, проводив гостя в кабинет партнеров. Все же Хью решил рискнуть:

– Вы можете получить пять и три восьмых процента, вложив средства в российские облигации.

Сэр Джон заинтересованно прищурился.

– Это можно сделать сейчас?

– Да. Подписка заканчивается завтра, но для вас...

– Это надежно?

– Столь же надежно, как и правительство России.

– Я подумаю.

Волнение Хью усилилось; ему захотелось во что бы то ни стало завершить сделку.

– Завтра ставка может быть уже не такой высокой. Когда облигациями станут торговать на открытом рынке, цена может либо подскочить, либо понизиться, сами понимаете.

Тут ему показалось, что он проявляет чрезмерную настойчивость, и он решил немного охладить свой пыл:

– Сейчас я запишу этот чек на ваш счет, а вы, если пожелаете, можете поговорить с одним из моих родственников об облигациях.

– Хорошо, юный Пиластер, ступайте.

Хью вышел и в коридоре столкнулся с Сэмюэлом Пиластером.

– Дядюшка, у вас в кабинете сидит сэр Джон Кэмвелл. Я встретил его в общем зале. Он выглядел расстроенным, и поэтому я предложил ему бокал мадеры. Надеюсь, я поступил правильно.

– Думаю, что да, – сказал Сэмюэл. – Я позабочусь о нем.

– Он принес этот чек на сто десять тысяч фунтов. Я упомянул о русских облигациях. Сейчас подписка на них не разошлась еще примерно на сотню тысяч...

Сэмюэл приподнял бровь.

– Немного поспешно с вашей стороны...

– Я только сказал, что он может поговорить об этом с одним из партнеров, если его заинтересует высокая ставка.

– Хорошо. Неплохая идея.

Хью вернулся в общий зал, нашел грессбух, где отмечались операции по счету сэра Джона, и записал приход, после чего отнес чек клерку, регистрирующему движение средств. Затем он вернулся на третий этаж в кабинет Малберри, показал своему начальнику бумагу с записью подсчетов, упомянул о том, что сэр Джон Кэммел может заинтересоваться оставшимися облигациями, и сел за свой стол.

В кабинет вошел посыльный с чаем и бутербродами на подносе. Такую легкую закуску предлагали всем служащим, задерживающимся на работе после половины пятого. Когда дел было не-много, большинство уходило в четыре. Банковские клерки считались рангом выше всех остальных, и им завидовали все служащие торговых и транспортных контор, часто работавшие допоздна и иногда даже далеко за полночь.

Чуть позже в кабинет зашел Сэмюэл, чтобы передать Малберри кое-какие документы.

– Сэр Джон приобрел облигации, – сказал он Хью. – Вы удачно воспользовались подвернувшейся возможностью.

– Благодарю вас.

Тут Сэмюэл обратил внимание на помеченные ярлычками ящики на письменном столе Малберри.

– А это еще что такое? – спросил он удивленно. – «Внимание главного клерка»... «Рассмотрено главным клерком...»

– Это чтобы отделить входящие бумаги от уже рассмотренных и исходящих, – объяснил Малберри. – Чтобы не создавать путаницы.

– Любопытная схема. Пожалуй, распорядюсь сделать у себя так же.

– Честно сказать, это была идея молодого мистера Хью.

Сэмюэл повернулся и заинтересованно посмотрел на Хью.

– А вы проницательный молодой человек, как я погляжу.

Хью часто говорили, что он слишком зазнается, поэтому на этот раз он решил проявить скромность:

– Мне еще предстоит многому научиться и многое усвоить, сэр.

– Только не надо этой ложной скромности. Скажите, а вот если вас освободят из-под начала Малберри, чем бы вы предпочли заняться?

Раздумывать над ответом Хью не стал. Он уже давно решил, что хочет стать письмоводителем. Большинство служащих занимались лишь частью любой сделки – той частью, за которую несли ответственность, – но письмоводитель, составлявший письма клиентам, анализировал сразу всю сделку. Это была наилучшая должность для молодого человека, желавшего научиться действительно чему-то важному и добиться повышения в дальнейшем. К тому же письмоводитель дяди Сэмюэла, Билл Роуз, собирался подать в отставку.

Без промедления Хью ответил:

– Я хотел бы стать вашим письмоводителем, сэр.

– Вот как? Прослужив всего лишь год в банке?

– Когда мистер Роуз уйдет в отставку, у меня уже будет полтора года за плечами.

– Действительно.

Ответ Хью, казалось, позабавил Сэмюэла, но отказа он не дал.

– Хорошо, посмотрим, – сказал он и вышел.

– Это вы посоветовали сэру Джону приобрести остаток российских облигаций? – спросил Малберри.

– Я только упомянул, что есть такая возможность.

– Ну что ж... – протянул Малберри. – Так-так-так...

И некоторое время сидел, внимательно разглядывая Хью.

II

В прекрасный летний воскресный полдень весь Лондон высыпал на улицы, чтобы проветриться и похвастаться своими туалетами. Экипажи по Пиккадилли не ездили, ибо только немощный запрягает в день отдохновения. Мэйзи Робинсон и Эйприл Тилсли прогуливались по широкой улице, разглядывая особняки богачей и пытаясь привлечь внимание мужчин.

Они снимали одну комнату в Сохо, в полуразвалившемся доме на Карнаби-стрит, близ Сент-Джеймского работного дома. Просыпались они около полудня, неспешно одевались и выходили на улицы. Под вечер они обычно находили пару мужчин, готовых заплатить за их ужин; в противном случае приходилось голодать. Денег у них почти не было, но и потребности их были невелики. Когда наступала пора платить за жилье, Эйприл просила одного из своих дружков «дать ей взаймы». Мэйзи выходила на прогулку всегда в одном и том же платье, стирая его каждый вечер. Она надеялась, что кто-нибудь скоро купит ей еще одно платье. Рано или поздно кто-нибудь из мужчин, покупавших ей ужин, женится на ней или возьмет на содержание в качестве любовницы.

Эйприл никак не могла забыть Тонио Сильва, южноамериканца, с которым познакомилась.

– Подумать только! Он может позволить себе проиграть десять гиней за одну ставку! – восклицала она. – И мне всегда нравились рыженькие.

– А другой южноамериканец мне не понравился, темненький, – сказала Мэйзи.

– Мики? Он тоже красавчик.

– Да, но какой-то скользкий и неприятный.

Эйприл показала на огромный дом:

– Здесь живет отец Солли.

Дом стоял чуть вдали от дороги, и к нему вела полукруглая подъездная дорога. Он походил на древнегреческий храм с рядами колонн, доходивших до самой крыши. Массивная входная дверь блестела медью, окна были завешаны красными бархатными шторами.

– Представь себе – когда-нибудь и ты будешь там жить.

Мэйзи покачала головой:

– Только не я.

– Такие случаи бывали, – уверенно продолжила Эйприл. – Просто нужно казаться смелее и раскованнее девушек из высшего класса, а это нетрудно. Когда будешь замужем, их выговор освоить можно быстро. Ты и так неплохо говоришь, ну, если только не рассердишься.

Солли – приятный мальй, вежливый и добрый.

– Добрый расплывшийся толстяк, – сказала Мэйзи, поморщившись.

– Но такой богатый! Говорят, его отец держит у себя в сельском доме целый оркестр на тот случай, если ему захочется послушать музыку за обедом!

Мэйзи вздохнула. Ей не хотелось думать о Солли.

– А куда вы отправились, когда я накричала на этого Хью?

– Смотрели крысиные бои. А потом мы с Тони пошли в гостиницу «Баттс».

– И вы... у вас было это самое?

– Конечно! А зачем иначе идти в «Баттс»?

– Играть в карты?

Обе они расхохотались, но Эйприл посмотрела на Мэйзи с недоверием.

– А разве у вас с Солли этого не было?

– Ну... я порадовала его немного.

– Как это?

Мэйзи потрясла в воздухе кулаком, и они снова расхохотались.

– Значит, потискала его рукой. И все? Но почему?

Мэйзи пожала плечами.

– Ну, может, ты и права. Иногда лучше не давать им всего сразу. Если подержать их на поводке, они становятся более покладистыми.

Мэйзи решила сменить тему:

– Неприятно, что пришлось вспомнить об этих Пиластерах.

Эйприл кивнула.

– Ненавижу всех этих злопыхучих деляг и начальников, – с неожиданной злобой выпалила Эйприл и добавила пару слов, от которых покраснела даже привыкшая к брани цирковых артистов Мэйзи. – Никогда не стану работать на одного из них. Вот почему я этим занимаюсь. Сама назначаю себе цену и получаю задаток.

– Мы с братом сбежали из дома в тот день, когда обанкротился Тобиас Пиластер, – сказала Мэйзи и горестно улыбнулась. – Можно сказать, что сегодня я здесь как раз по милости Пиластеров.

– Куда ты сбежала? Сразу в цирк?

– Нет.

Мэйзи вздохнула. При воспоминании о том, как ей было страшно и одиноко, у нее сжалось сердце.

– Брат пробрался на корабль, который уплывал в Бостон. С тех пор я его не видела и даже не слыхала о нем. Сама я спала неделю в куче мусора. Слава богу, погода тогда была теплой – стоял май. Один день только шел дождь. Я закуталась в какое-то тряпье и потом несколько лет выводила вшей... Помню похороны.

– Чьи?

– Тобиаса Пиластера. Процессия шла по улицам. Он был известным человеком в городе. Помню мальчишку, ненамного старше меня, в черном фраке и с цилиндром на голове. Он еще держал за руку свою мать. Наверное, это был Хью.

– Вот оно как сложилось, – сказала Эйприл.

– После этого я пошла в Ньюкасл. Переделалась мальчишкой и попросилась помогать конюхам в конюшнях. Мне разрешили спать в соломе рядом с лошадьми. Там я прожила три года.

– А почему ушла?

– Кое-что выросло, – сказала Мэйзи, обхватив ладонями груди.

Проходивший мимо них мужчина средних лет заметил этот жест и вытаращил глаза.

– Хозяин конюшни увидел их, понял, что я девчонка, и попытался меня изнасиловать. Яхватила его хлыстом по лицу, и на этом моя работа закончилась.

– Жаль, что не прирезала его, – сказала Эйприл.

– Ну уж точно охладила его пыл.

– Надо было дать ему ногой промеж ног.

– Наверное, это ему бы понравилось.

– А после конюшен ты куда направилась?

– Присоединилась к цирку. Сначала ухаживала за лошадьми, а потом и сама ездить стала.

Мэйзи с сожалением вздохнула.

– В цирке мне нравилось. Народ там горячий, но неплохой.

– Сдается мне, иногда слишком горячий.

Мэйзи кивнула.

– Главный по манежу временами просто проходу не давал. А однажды заявил – давай мол, бери в рот прямо здесь, а то хуже будет. Ну, и я решила, раз уж мне суждено сосать члены, так уж лучше не такому говнюку и не забесплатно.

Мэйзи быстро перенимала откровенность Эйприл и училась говорить обо всем без лишних намеков.

– И сколько ты уже отсосала с тех пор? – спросила Эйприл, прищурив глаза.

– Честно сказать, ни одного, – от этого признания Мэйзи стало немного неловко. – Не могу врать тебе, Эйприл. Не знаю даже, может, я не гожусь для такого занятия.

– Да ладно тебе! Еще как годишься! – возразила Эйприл. – У тебя такой блеск в глазах, ни один мужик не устоит! Послушай меня. Ты, главное, будь понастойчивей с этим Солли Гринборном. Каждый раз позволяй ему немного больше. Сначала дай себя пощупать между ног. На следующий раз разденься и покажи себя голой... Недели через три он уже сам не свой будет. Потом, как-нибудь ночью, стяни с него штаны, оближи его штуковину и скажи: «Если купишь мне домик в Челси, мы сможем проделывать это в любое время, когда захочешь». Клянусь тебе, Мэйзи, если Солли не согласится, я в монастырь уйду.

Мэйзи понимала, что ее подруга права, но душа ее восставала против такого предложения. Она даже сама не понимала почему. Отчасти оттого, что Солли ее не привлекал. Но отчасти и из-за того, что он, как это ни странно, был ей немного симпатичен. Ей не хотелось становиться бессердечной обольстительницей и вертеть им без всякого сожаления. И, что хуже всего, в таком случае пришлось бы навсегда позабыть о своей мечте – выйти замуж за мужчину, которого она любит всем сердцем. С другой стороны, надо же как-то жить, а жить, как родители, ей не хотелось – всю неделю сидеть впроголодь в ожидании денег и бояться, что какой-то разорившийся банк в сотнях миль лишит ее и этой призрачной надежды.

– Ну а как тебе остальные? Кто-нибудь понравился? – не унималась Эйприл.

– Понравился Хью. Только я обидела его.

– Все равно у него нет денег.

– Эдвард свинья. Мики меня пугает, а Тонио твой.

– Ну, значит, остается Солли.

– Не знаю.

– Зато я знаю. Упустишь свой шанс – всю жизнь будешь ходить взад-вперед по Пиккадилли, смотреть на этот дом и думать: «Я бы могла жить в нем...»

– Может, и буду думать.

– А если не Солли, то кто? Под конец, глядишь, придется согласиться на пожилого бакалейщика, который будет прятать от тебя деньги и заставлять стирать его белье.

Все время, пока они шли к западной стороне Пиккадилли, а потом повернули на север к Мэйферу, Мэйзи размышляла над такой перспективой. Возможно, если проявить настойчивость, ей и в самом деле удастся женить на себе Солли. И светскую даму изображать ей не составит труда. Ей всегда было легко подстраиваться под речь окружающих, так что выговор – это не проблема. Но ей казалась противной сама мысль о том, что придется дурачить бедного Солли.

Их путь пролегал мимо конюшен большого извозничьего двора. На Мэйзи нахлынули воспоминания, и она остановилась приласкать подошедшего к ограде высокого гнедого жеребца. Конь тут же ткнулся мордой в ее руки.

– Рыжик не каждого подпускает к себе, – произнес мужской голос.

Мэйзи обернулась и увидела мужчину средних лет в черной визитке и желтом жилете. Строгая одежда никак не вязалась с задубелым лицом и просторечным говором. Должно быть, перед ними стоял бывший старший конюх, основавший свое предприятие и разбогатевший. Улыбнувшись, Мэйзи сказала:

– А вот меня он нисколько не боится, правда, Рыжик?

– Уж не даст ли он вам проскакать на нем верхом?

– Проскакать верхом? Это запросто можно, хоть с седлом, хоть без седла и даже стоя на спине. Он ваш?

Мужчина слегка поклонился и сказал:

– Джордж Сэммелз, к вашим услугам, леди; собственник, как выражаются здесь.

Он махнул рукой к двери, над которым действительно висела вывеска с его именем.

– Не хочу хвастаться, мистер Сэммелз, но последние четыре года я провела в цирке, так что, пожалуй, смогу проскакать на чем угодно, что находится в вашей конюшне.

– В самом деле? – переспросил мужчина и задумался, поглаживая подбородок. – Так-так...

– У вас что-то на уме? – вмешалась Эйприл.

Мистер Сэммелз замялся.

– Наверное, вы скажете, что дело чудное, но я думаю вот что... Я думаю, не откажется ли эта леди от одного делового предложения.

Мэйзи немного удивилась. До сих пор ей казалось, что это простая, ни к чему не обязывающая болтовня случайных встречных.

– Говорите.

– Мы всегда готовы к деловым предложениям, – не преминула вставить свое слово Эйприл.

Но Мэйзи казалось, что мистер Сэммелз имеет в виду совсем не то, о чем подумала Эйприл.

– Знаете, такое дело... Было бы неплохо продать Рыжика, но ведь коней не продают, держа их взаперти. Вот если бы такая красивая леди, как вы, – простите за прямоту, но так и есть, – так вот, если бы такая красивая леди поехала на нем с часок-другой по парку, то,

глядишь, кто-нибудь и спросил бы вас, сколько вы хотите за такого отличного жеребчика.

«А будет ли мне в этом выгода?» – подумала Мэйзи. Неужели он предлагает ей заработать, не требуя при этом взамен ее тело или ее душу? Вслух она этот вопрос не задала и вместо этого спросила:

– И тогда я скажу этому любопытному: «Есть один человек тут неподалеку, в Карзонских конюшнях, зовут мистером Сэммелзом, это его конек, вот к нему и обращайтесь». Верно?

– Как пить дать верно, леди. Ну, разве что лучше не называть Рыжика коньком, а говорить «это великолепное создание» или «этот изумительный образец лошадиной породы». Ну, или что-то в этом роде.

– Можно и так, – сказала Мэйзи, думая о том, что лучше ей самой придумать что-нибудь вместо слов Сэммелза. – А теперь к делу.

Она больше не могла делать вид, что деньги ее совершенно не интересуют.

– Сколько вы мне заплатите?

– А сколько, по-вашему, это стоит?

– Фунт в день, – назвала Мэйзи совершенно несуразную сумму.

– Многовато, – нисколько не обидевшись, отозвался мужчина. – Скажем, вполовину меньше.

Мэйзи едва могла поверить своим ушам. Десять шиллингов в день для девушки ее положения были невиданной платой; горничные по дому были на седьмом небе от счастья, если им платили шиллинг. Сердце ее заколотилось.

– Договорились, – сказала она быстро, боясь, как бы он не передумал. – Когда мне приступать?

– Приходите завтра в половине одиннадцатого.

– Хорошо, приду.

Они пожали друг другу руки, и девушки продолжили путь.

– Только не забудьте надеть то же платье, что и сегодня, оно вам очень идет! – крикнул им вслед Сэммелз.

– Не беспокойтесь! – отозвалась Мэйзи.

Это было ее единственное платье, но она не стала говорить об этом Сэммелзу.

III

СТОЛПОТВОРЕНИЕ В ПАРКЕ

Редактору газеты «Таймс»

Уважаемый сэр!

В последние несколько дней в Гайд-парке было замечено странное явление – каждое утро, примерно в половине двенадцатого, образуется такое небывалое скопление экипажей, что примерно на час прекращается всякое движение. Тому были предложены разнообразные объяснения, а именно: что на начало сезона в город съезжаются многочисленные обитатели сельских поместий; или, например, что благосостояние Лондона достигло таких высот, что даже супруги торговцев заводят здесь себе экипажи для прогулок по парку; но истинная причина так и не была упомянута. Настоящая вина лежит на некоей даме, чье имя неизвестно, но которую уже прозвали Львицей – вне всякого сомнения, по причине

рыжеватого-каштанового цвета волос. Это очаровательное создание, прекрасно одетое, держится в седле с такой грациозностью и с такой невозмутимостью, которым позавидовала бы изрядная доля мужчин; с такой же ловкостью она управляет парой идеально подходящих друг другу лошадей, запряженных в экипаж. Слава о ее красоте и мастерстве верховой езды разлетелась настолько быстро, что теперь весь Лондон стекается в парк к тому часу, когда ожидается ее появление; в результате возникает столпотворение, не позволяющее никому двигаться самым решительным образом. Не могли бы вы, сэр, чья обязанность заключается как раз в том, чтобы знать все и всех, выяснить истинное имя этой Львицы и убедить ее воздержаться от посещения парка, дабы вернуть ему прежний покой, тихую благопристойность и свободу передвижения?

Искренне ваш покорный слуга,
НАБЛЮДАТЕЛЬ

«Должно быть, это шуточное письмо», – подумал Хью, откладывая газету. В том, что Львица существовала на самом деле, он почти не сомневался – о ней говорили многие служащие в банке, – но вряд ли она была причиной столпотворения. Тем не менее эта записка его заинтриговала. Он посмотрел в окно. Окна Уайтхэвен-Хауса с этой стороны выходили как раз на парк. Стояло яркое солнечное утро, и в этот выходной день парк уже был заполнен толпами людей, как расхаживающих пешком, так и разъезжающих в экипажах. Хью захотелось тоже прогуляться по парку, чтобы самому увидеть причину всех этих слухов.

Тетя Августа также планировала посетить парк, и ее ландо уже стояло у крыльца дома. На козлах повозки сидел кучер в парике и ливрее, готовый отправиться в путь по первому слову. Августа выезжала в парк почти каждое утро, согласно обычаю аристократов и самых богатых представителей среднего класса. Утверждалось, что прогулка на свежем воздухе улучшает кровообращение, но гораздо важнее была возможность показать себя и посмотреть на других. Настоящей причиной столпотворения было то, что всякий раз, когда каким-нибудь знакомым дамам приходило в голову поприветствовать друг друга и обменяться сплетнями, их экипажи останавливались посреди дороги, не давая проезжать другим.

Услышав резкий голос тетки, Хью встал из-за столика для завтрака и вышел в холл. Как всегда, Августа была прекрасно одета. На этот раз на ней было пурпурное платье с плотно облегающим талию жакетом и целым ворохом рюшек внизу. Из общего вида, правда, выбивалась миниатюрная соломенная шляпка, не более трех дюймов в диаметре, водруженная на высокую прическу надо лбом. Это был последний писк моды, и на молоденьких хорошеньких девушках такие шляпки смотрелись великолепно; Августу же трудно было назвать молоденькой хорошенькой девушкой, и потому шляпка казалась просто нелепой и смешной. К чести Августы стоило сказать, что она нечасто допускала такие ошибки в своем внешнем виде, но когда допускала, то все они происходили от того, что она слишком слепо следовала моде.

Сейчас Августа обращалась к дядюшке Джозефу, у которого был немного опарашенный вид, как и всякий раз, когда с ним разговаривала его жена. Он стоял перед ней, слегка развернувшись, нетерпеливо поглаживая густые бакенбарды. Хью часто задумывался над тем, сохранились ли между ними какие-то нежные чувства. Возможно, они когда-то действительно любили друг друга, ведь у них родились Эдвард и Клементина. Они редко демонстрировали свою преданность друг другу, но время от времени Августа каким-нибудь жестом или словом показывала, что Джозеф ей небезразличен. «Наверное, любовь между

ними еще не полностью остыла», – подумал Хью.

Августа продолжила речь, как будто Хью здесь и не было. Впрочем, она всегда так вела себя в его присутствии.

– Все семейство взволновано. Того и гляди разразится скандал! – настойчиво повторяла она, как будто Джозеф ей что-то возражал.

– Но ведь никто все эти годы и словом не обмолвился. Никому это никогда не казалось скандальным.

– Потому что Сэмюэл не старший партнер. Рядовому человеку дозволяется многое, если он не привлекает к себе внимания. Но старший партнер Банка Пиластеров – персона публичная, и к нему будут прикованы глаза всего общества.

– Ну что ж, пока вопрос этот не настолько безотлагателен. Дядя Сет до сих пор жив, и, судя по его виду, продержится еще долгое время.

– Я знаю, – сказала Августа с нотками разочарования в голосе. – Иногда мне хотелось бы...

Она осеклась, как если бы едва не сказала лишнего.

– Рано или поздно ему придется передать бразды правления. Вполне может стать так, что он решится на это завтра. Кузен Сэмюэл не имеет права делать вид, будто ему все сойдет с рук.

– Возможно, – сказал Джозеф. – Но ситуация и впрямь такова, как ты говоришь, я даже не знаю, что делать....

– Нужно рассказать об этом Сету.

Хью задумался над тем, известны ли Старому Сету подробности личной жизни своего сына. В глубине души, пожалуй, он и догадывался о чем-то, но никогда не признавался в этом даже самому себе.

Было заметно, что Джозефу неловко вести разговор на такую тему.

– Да, конечно, обвинять человека в чем-то недостойном крайне неприятно, – лицемерно продолжала сокрушаться Августа. – Но нужно же дать Сэмюэлу понять, что если он не прекратит свое дурное поведение, то придется обо всем сообщить его отцу.

Хью поражался ее хитрости и жестокости. Она буквально заставляла Сэмюэла отказаться от всякой связи с секретарем, иначе Старый Сет без всяких недомолвок и намеков узнал бы, что его сын едва ли не женат на мужчине.

На самом деле ей совершенно наплевать на Сэмюэла и его секретаря. Ей просто не хочется, чтобы он становился старшим партнером; ее хочется, чтобы эта должность досталась ее мужу. На взгляд Хью, это был крайне гнусный план, и он удивлялся, как Джозеф не понимает, к чему клонит его жена.

– Я бы предпочел разобраться в ситуации без таких крайних мер, – нерешительно заявил Джозеф.

Августа понизила голос до вкрадчивого шепота. В такие моменты Хью всегда казалось, что она говорит неискренне, словно пытающийся мурлыкать дракон.

– Я нисколько не сомневаюсь, что ты придумаешь, как разрешить это дело, – сказала она и заискивающе улыбнулась. – Поедешь сегодня в парк? Мне хотелось бы прогуляться в твоей компании.

Джозеф отрицательно покачал головой.

– Мне нужно присутствовать в банке.

– Какая досада! Сидеть в пыльном и душном кабинете в такой прекрасный день!

– В Болонье паника, понимаешь ли.

Хью заинтересовали его слова. Со времен «Венского краха» произошло еще несколько банкротств банков и ликвидаций крупных компаний в разных частях Европы, но слово «паника» употреблялось впервые. До сих пор Лондон оставался в стороне от финансовой бури. В июне учетная ставка, этот термометр финансового мира, поднялась на семь процентов – не слишком высокое повышение, к тому же она уже снова опустилась до шести процентов. Но, возможно, сегодня ожидается какое-то особое известие.

– Я уверена, что эта паника нас не коснется, – сказала Августа.

– Пока мы принимаем меры, нет, – ответил Джозеф.

– Но ведь сегодня выходной! В банке никого не будет, никто даже не подаст тебе чай!

– Уж как-нибудь проживу полдня и без чая.

– Тогда я через час пошлю к тебе Сару. Она принесет твой любимый вишневый пирог и сделает чай.

Хью подумал, что ему предоставляется неплохая возможность.

– Можно, я пойду с вами, дядя? Вам может понадобится помощник.

Джозеф отрицательно помотал головой.

– Нет, ты мне не понадобишься.

– Он может выполнять для тебя кое-какие мелкие поручения, – сказала Августа.

– Или дать кое-какой совет, – ухмыльнулся Хью.

Джозеф не оценил шутки.

– Я буду просто следить за телеграфными сообщениями и решать, что делать завтра, когда откроются рынки.

– Мне бы все равно хотелось пойти, просто из интереса, – настаивал Хью, хотя и сам понимал, что допускает глупость.

Джозеф не терпел, когда ему надоедали.

– Я же сказал, что ты мне не нужен, – выпалил он раздраженно. – Поезжай в парк с теткой, ей понадобятся сопровождающие.

С этими словами он надел шляпу и вышел.

– У тебя, Хью, настоящий талант выводить из себя людей, – сказала Августа. – Бери шляпу и выходи, я уже готова.

Хью не хотелось ехать с теткой, но раз уж Джозеф так решил, то ничего не оставалось делать. К тому же ему было любопытно проверить слухи о Львице, поэтому он не стал возражать.

В холл вышла дочь Августы, Клементина, также в полном параде и готовая к прогулке. В детстве, когда они играли вместе с Хью, Клементина вечно на него ябедничала. Когда ей было семь лет, она попросила Хью показать «петушка», потом рассказала обо всем матери, и Хью сильно выпороли. Теперь, в двадцать лет, она выглядела копией своей матери, только была менее властной и более ехидной.

Все они вышли на крыльцо, и кучер помог им сесть в экипаж. Это была новая коляска, покрашенная в синий свет, которую везла пара серых мерингов, – выезд, достойный супруги богатого банкира. Августы и Клементина сели на заднее сиденье, а Хью расположился напротив них, спиной к дороге. Верх коляски был откинут, потому что всюду сияло солнце, но дамы открыли солнечные зонты. Кучер щелкнул кнутом, и они тронулись.

Чуть позже они выехали на Саут-Кэрридж-Драйв, заполненный до предела, как и утверждал автор письма в «Таймс». Здесь сотнями разъезжали верхом на лошадях мужчины в

визитках и цилиндрах и сидевшие в седле боком дамы в разноцветных великолепных платьях; протискивались мимо друг друга блестящие свежими красками десятки экипажей разных видов – открытые и закрытые, двухколесные и четырехколесные; дети ездили на пони, парочки прогуливались пешком. Все двигались медленно, что позволяло лучше разглядывать коней, экипажи, платья и шляпы. Августа разговаривала с дочерью, а Хью время от времени только кивал и поддакивал.

– Вон леди Сент-Энн в шляпке а-ля Долли Варден! – воскликнула Клементина.

– Такие шляпы вышли из моды год назад, – сказала Августа.

– Угу, – кивнул Хью.

Мимо них проехал еще один экипаж, в котором Хью увидел свою другую тетку, Мадлен Хартсхорн. Он подумал, что ей бы еще бакенбарды – и была бы вылитый брат Джозеф. С Августой у них установились доверительные отношения, и вместе они заведовали всей общественной жизнью семейства. Заведовала в этом союзе, конечно, Августа, но Мадлен всячески ее поддерживала.

Оба экипажа остановились, и дамы обменялись приветствиями. За ними остановились еще две-три коляски, которым они загородили путь.

– Садитесь к нам, я хочу поговорить с вами, – предложила Августа.

С помощью кучера Мадлен спустилась со своего экипажа, села в экипаж Августы, и дальше они поехали вместе.

– Говорят, Сэмюэлу пригрозили рассказать о его секретаре Старому Сету.

– О нет! – воскликнула Мадлен. – Это недопустимо!

– Я говорила с Джозефом, но его не переубедишь, – продолжила Августа.

Она сказала это таким искренним тоном, что Хью едва не поперхнулся от удивления. «Как ей это удастся? Может, она сама себя убеждает в том, что говорит правду, когда ей это выгодно?»

– Я поговорю с Джорджем, – сказала Мадлен. – Такого потрясения Старый Сет может не вынести.

Хью подумал, не сообщить ли об этом разговоре Джозефу. Он-то наверняка будет возмущен, узнав, что их жены пытаются ими руководить. Но поверит ли он Хью? Мнение Хью для Джозефа ничего не значит, как и для Августы, – вот почему она нисколько не стесняется говорить такие вещи в его присутствии.

Их экипаж вновь замедлил движение и едва не остановился. Впереди образовалось большое скопление лошадей и колясок.

– Что там еще? – раздраженно спросила Августа.

– Наверное, Львица, – взволнованно ответила Клементина.

Хью вытянул шею, но не смог увидеть, что вызвало задержку. Впереди виднелись несколько экипажей разных видов, с десятков лошадей и множество пешеходов.

– Что еще за Львица? – переспросила Августа.

– Ах, мама, та самая загадочная дама, про которую все только и говорят!

Тут из толпы выехал небольшой фаэтон с парой высоких пони, которым управляла женщина.

– Вот она, Львица! – воскликнула Клементина.

Хью посмотрел на женщину в фаэтоне и сразу узнал ее.

Это была Мэйзи Робинсон.

Она щелкнула кнутом, и пони ускорили ход. Мэйзи выглядела великолепно в

коричневом платье из тонкой шерсти с шелковыми оборками. Вокруг шеи большим бантом был повязан кофейного цвета платок. На голове ее красовалась кокетливая шляпка с изящно загнутыми полями.

Хью снова с досадой вспомнил о том, как нелестно она отзывалась о его отце. Она совершенно не разбиралась в финансах и потому не имела права сыпать обвинениями в бесчестности. Но следовало признать, что внешне она совершенно очаровательна. Было что-то бесконечно притягивающее в ее небольшом, но ладно сложенном теле, в наклоне шляпки на голове и даже в том, как уверенно она держит кнут и поводья.

Значит, Мэйзи Робинсон и есть та самая Львица. Но откуда у нее этот экипаж и лошади? Неужели она разбогатела? Что она задумала таким своим поведением?

Пока Хью словно зачарованный не сводил с нее глаз, произошел небольшой инцидент.

Мимо экипажа Августы проезжал всадник на породистой нервной лошади, которая, испугавшись заливистого лая маленького терьера, встала на дыбы, отчего всадник свалился на дорогу – прямо перед фаэтоном Мэйзи.

Мэйзи быстро свернула в сторону, продемонстрировав необыкновенное самообладание и умение управлять лошадьми. Но при этом ее экипаж проехал в опасной близости от лошадей Августы. Кучер резко натянул поводья и разразился проклятьями. Фаэтон Мэйзи остановился как раз напротив их коляски.

Все смотрели на упавшего джентльмена, который, по всей видимости, отделался легкими ушибами. Встав на ноги, он отряхнулся, и, негодуя качая головой, пошел за своей лошадью.

Мэйзи узнала Хью.

– Хью Пиластер, вот так встреча! – воскликнула она.

Хью покраснел.

– Доброе утро, – пробормотал он, не имея ни малейшего представления, как быть дальше.

Он тут же понял, что допустил серьезное нарушение этикета. Ему не следовало признаваться, что он знаком с Мэйзи, поскольку он едва ли мог представить ее своим теткам как свою знакомую. Нужно было просто промолчать или с высокомерным видом сказать, что она ошиблась.

Но Мэйзи и не думала обращаться к дамам.

– Ну как, нравятся пони? – продолжила она беззаботно, словно между ними и не было никакой ссоры.

Сердце Хью совершенно растаяло от этой удивительной девушки, которая так умело управляла лошадьми, от ее простодушной манеры держаться и от ее трогательной искренности.

– Да, замечательные пони, – сказал он, даже не посмотрев на них.

– Они на продажу.

– Хью, дорогой, скажи этой *особе*, что нам нужно проехать! – произнесла ледяным голосом Августа.

Мэйзи словно только сейчас заметила Августу.

– Заткни свою пасть, старая сучка, – сказала она почти беззлобно, словно отмахиваясь от назойливой мухи.

Клементина задохнулась от возмущения, а тетка Мадлен в ужасе вскрикнула. Даже у Хью отвисла челюсть. Из-за великолепного платья и дорогого экипажа он и забыл, что перед

ним бывшая циркачка из трущоб. Ее слова были настолько вульгарны, что Августа поначалу даже не нашлась что ответить. Никто еще к ней не обращался подобным образом.

Мэйзи не дала ей времени на раздумья. Повернувшись к Хью, она сказала:

– Передай своему кузену Эдварду, что он может купить моих пони!

После чего взмахнула хлыстом и поехала дальше.

К Августе наконец-то вернулся дар речи.

– Как ты смеешь разговаривать в моем присутствии с такой персоной? – разбушевалась она. – Еще и шляпу снял перед ней!

Хью продолжал зачарованно смотреть на грациозную фигуру Мэйзи в удалявшемся фаэтоне.

– Да, Хью, объясни нам, откуда ты ее знаешь? – вставила свое слово тетка Мадлен. – Хорошо воспитанные молодые люди не должны знакомиться с такими отбросами. И, как я полагаю, ты еще и Эдварда с ней познакомил.

С Мэйзи Хью познакомил как раз Эдвард, но Хью не хотелось сваливать на него всю вину. Все равно ему бы не поверили.

– На самом деле я с ней почти незнаком. Мы с ней только однажды виделись.

Клементину заинтриговал его ответ.

– И где же ты с ней виделся?

– В одном заведении под названием «Аргайл-румз».

Августа бросила на Клементину осуждающий взгляд и сказала:

– Не желаю обсуждать такие вещи. Хью, скажи Бакстеру, чтобы он отвез нас домой.

– Я лучше прогуляюсь, – сказал Хью, открывая дверь экипажа.

– Ты хочешь догнать эту женщину? – возмутилась Августа. – Я запрещаю тебе!

– Поезжайте, Бакстер, – сказал Хью, шагнув на дорогу.

Кучер встряхнул поводьями, колеса развернулись, и Хью вежливо приподнял шляпу перед удалявшимися тетушками.

Сейчас ему совершенно не хотелось выслушивать их упреки. Его ожидали серьезные неприятности. Августа непременно расскажет об этой встрече Джозефу, а вскоре и все партнеры банка узнают, что Хью встречается с женщинами сомнительного поведения.

Но сейчас стоял прекрасный день, светило солнце, и в парке беззаботно прогуливались люди, наслаждавшиеся хорошей погодой. В такой обстановке ему никак не хотелось забивать себе голову мрачными мыслями.

Он бодро пошел по тропинке, чувствуя себя лучше с каждым шагом. Он шел в сторону, противоположную той, в какую удалилась Мэйзи. Дорога, по которой ездили экипажи, огибала парк кругом, поэтому он скоро сможет снова встретить ее.

Ему хотелось поговорить с ней подольше и наконец-то уладить недоразумение с отцом. Странно, но теперь он нисколько не обижался на ее слова. Она просто ошибалась, и если он объяснит ей, как все было в действительности, она поймет. Сама мысль о том, что можно с ней поговорить, заставляла быстрее биться сердце.

Дойдя до угла Гайд-парка, он повернул на север и пошел по Парк-Лейн. По дороге ему пришлось много раз приподнять шляпу, приветствуя многочисленных родственников и знакомых: Молодой Уильям и Беатрис в двухместном «брогаме», Дядя Сэмюэл на гнедой кобыле, мистер Малберри с женой и детьми. Мэйзи, должно быть, остановилась на дальней стороне парка или уехала совсем. Ему стало казаться, что он больше ее не встретит.

Но он встретил ее.

Она как раз собиралась уезжать и пересекала Парк-Лейн. Он сразу узнал ее по кофейного цвета шелковому шарфу с бантом. Его она не замечала.

Поддавшись порыву, Хью побежал вслед за ней за пределы парка, в Мэйфер, стараясь не потерять ее из виду на петлявших улочках. Остановившись перед конюшнями, она сошла с маленького фаэтона и передала поводья вышедшему из ворот конюху.

Замедлив шаг, чтобы перевести дыхание, Хью подошел к ней. Он сам не понимал, что на него нашло.

– Здравствуйте, мисс Робинсон! – сказал он, запыхавшись.

– Здравствуйте еще раз!

– Я следовал за вами, – сказал он, хотя это было и так понятно.

– Зачем же? – спросила она простодушно.

Не подумав, он выпалил:

– Хотел спросить вас, не согласитесь ли вы как-нибудь провести со мной вечер.

Мэйзи склонила голову набок и слегка нахмурилась, раздумывая над его предложением. Выражение ее лица было дружелюбным, как будто ей понравилась эта идея, и он понадеялся, что она согласится. Но, похоже, внутри ее шла какая-то борьба между желанием и более практическими соображениями. Отведя взгляд, она нахмурилась еще больше и, казалось, окончательно определилась.

– Вы не можете себе меня позволить, – сказала она решительно, повернулась и пошла в конюшню.

IV

Ферма Кэммелов
Капская колония
Южная Африка
14 июля 1873 года

Дорогой Хью!

Как я рад получить от тебя весточку! Здесь довольно одиноко и скучно. Ты не представляешь, какое это удовольствие – получить длительное, обстоятельное письмо из дома. Миссис Кэммел, бывшей до замужества Амелией Клэпхем, особенно понравился твой рассказ про Львицу...

Я понимаю, что сейчас уже поздно упоминать об этом, но смерть твоего отца меня сильно потрясла. Школьники не пишут друг другу писем соболезнования. К тому же твою трагедию затмила еще более ужасная трагедия, произошедшая в тот же день. Но поверь мне, многие из нас думали о тебе и говорили о тебе, после того как ты так неожиданно покинул школу...

Я рад, что ты спросил меня о Питере. С того самого дня я чувствовал себя виноватым. Я не видел непосредственно, как утонул этот бедняга, но видел достаточно, чтобы прийти к кое-каким выводам.

Твой кузен Эдвард, как ты однажды очень удачно образно выразился, действительно «был гнилее дохлой кошки». Ты быстро подобрал свою одежду из пруда и с земли, но Питер с Тонио задержались.

Я купался на другой стороне пруда, и я не думаю, что Эдвард с Мики меня заметили. А

если и заметили, то скорее всего не узнали меня. В любом случае они со мной ни разу не заводить речь об этом инциденте.

Как бы то ни было, но, когда ты убежал, Эдвард стал еще сильнее окунать Питера с головой. Когда тот выныривал и пытался найти свою одежду, Эдвард плескал ему в лицо воду и снова набрасывался на него.

Я видел, что дело неладно, но, боюсь, тогда я был совершенным трусом. Мне следовало прийти на помощь Питеру, но я не отличался силой и уж точно не был ровней Эдварду и Мики Миранде; я не хотел, чтобы и мою одежду выкинули в пруд. Помнишь, какое было наказание за самовольную прогулку? Двенадцать ударов Хлестуном, и, признаюсь, такое наказание пугало меня тогда больше всего на свете. Поэтому я быстро вылез из воды, схватил свою одежду и постарался скрыться, не привлекая к себе внимания.

Я оглянулся только один раз, уже на краю карьера. Не знаю, что случилось за это время, но Тонио поднимался по крутому берегу раздетый, сжимая в руках комков мокрой одежды, а Эдвард плыл через пруд за ним, оставив Питера барахтаться посередине.

Я решил, что Питеру ничего больше не грозит, но, очевидно, ошибался. Должно быть, он держался уже на пределе сил. Пока Эдвард гнался за Тонио, а Мики наблюдал за ними, никто не заметил, как Питер утонул.

Об этом я, конечно же, узнал уже позже. А тогда я вернулся в школу и незаметно проскользнул к себе. Когда нас допрашивали учителя, я поклялся, что весь день сидел в своей комнате. Потом, когда узнали об этой трагедии, у меня так и не достало храбрости признаться в том, что я тоже был очевидцем.

Да, Хью, гордиться мне, разумеется, нечем. Но хотя бы мне стало немного легче от того, что я рассказал правду...

Хью отложил письмо Альберта Кэммела и посмотрел в окно своей спальни. Письмо многое объясняло, но вместе с тем оставляло еще больше неизвестного, о чем, по всей видимости, Кэммел не догадывался.

Оно объясняло, каким образом Мики Миранда сблизился с семейством Пиластеров до такой степени, что проводил с Эдвардом все каникулы и что родители Эдварда оплачивали все его расходы. Вне всяких сомнений, Мики рассказал Августе о том, что Эдвард практически убил Питера. Но в суде он заявил, что Эдвард бросился на помощь утопающему товарищу. Солгав под присягой, Мики спас Пиластеров от публичного позора. Августу скорее всего испытывала по отношению к нему не только благодарность, но и страх – страх, что он когда-нибудь расскажет правду. От этих мыслей у Хью похолодело в животе. Альберт Кэммел, сам того не ведая, раскрыл истинную причину взаимоотношений Августы и Мики – темных, мрачных и преступных.

Но оставалась еще одна загадка. Хью знал о Питере Миддлтоне еще кое-что, что не знали другие. Устав от того, что все дразнят его слабаком и «дохляком», Питер решил тренироваться, и основой его тренировок было плавание. Он плавал вдоль и поперек этого пруда по несколько часов подряд, надеясь развить тем самым свои мышцы. Его затея не сработала: тощий тринадцатилетний мальчишка не может превратиться в широкоплечего великана, кроме как став мужчиной, а этот естественный процесс нельзя ускорить.

Единственным следствием таких тренировок стало то, что Питер научился держаться в воде, как рыба. Он мог донырнуть до дна, задерживать дыхание на несколько минут, плавать под водой с открытыми глазами и спокойно лежать на спине. Эдвард Пиластер не мог так просто утопить его.

Так как же он погиб?

Альберт Кэмел рассказал правду о том, что видел сам, в этом Хью ему верил. Но должно быть что-то еще. Что-то, что на самом деле произошло в Епископской роще тем жарким днем. Плохой пловец мог погибнуть в результате хулиганской выходки Эдварда Пиластера, но Питер никак не мог утонуть из-за какой-то потасовки между подростками. Если он погиб не случайно, то его убили намеренно.

И, получается, это было предумышленное убийство.

Хью содрогнулся.

Там оставались только три ученика: Эдвард, Мики и Питер. Питера должен был убить Эдвард или Мики.

Или оба.

V

Японский интерьер гостиной уже успел разочаровать Августу. Восточные ширмы, угловатая мебель на извивающихся ножках, цветастые веера и вазы в лакированных шкафах – все это стоило очень дорого, но в лавках Оксфорд-стрит быстро появились бесчисленные дешевые подделки, и убранство комнат теперь не выглядело таким уж исключительным, достойным только самых лучших домов. К сожалению, Джозеф и слышать не хотел о переделке и новом оформлении через такое небольшое время, поэтому Августе предстояло на несколько лет смириться с мебелью, постепенно становившейся все более обыденной и заурядной.

Именно в гостиной Августа устраивала ежедневные семейные чаепития. Первыми приходили Мадлен с Беатрис и Клементина. Затем, после пяти вечера, из банка подтягивались Джозеф, Старый Сет, муж Мадлен Джордж Хартсхорн, а иногда и Сэмюэл. Если их не отвлекали дела, приходили и «мальчишки»: Эдвард, Хью и Молодой Уильям. Единственным регулярным посетителем таких чаепитий, не принадлежавшим к семейству Пиластеров, был Мики Миранда, но время от времени на них приходил какой-нибудь священник-методист, вроде миссионера, искавший средства на обращение язычников Полинезии, Малайского архипелага или только что открывшейся перед иностранцами Японии.

Августа усердно поддерживала эту традицию. Все Пиластеры любили сладкое, и она старалась предлагать им самые свежие булочки с пирожными и лучший чай из Ассама и Цейлона. Во время чаепитий обсуждались планы больших мероприятий, таких как дни рождения и бракосочетания, поэтому любой, кто пропускал их, вскоре понимал, что отстает от ритма жизни своей большой семьи.

Но, несмотря на это, кем-нибудь то и дело овладевало стремление к независимости. В последний раз это случилось примерно год назад с женой Молодого Уильяма, Беатрис, после того как Августа довольно настойчиво объяснила ей, что она выбрала неподходящую ткань для платья. В таких случаях Августа обычно оставляла людей на некоторое время в покое, а потом привлекала к себе каким-нибудь необыкновенно щедрым жестом. В случае с Беатрис она устроила очень дорогостоящее торжество в честь дня престарелой матери Беатрис, находившейся на грани старческого слабоумия и потому не появлявшейся на публике. Беатрис была так благодарна, что позабыла о платье, как Августа и задумывала.

На этих посиделках Августа узнавала не только о том, что происходит в семействе, но и

как идут дела в банке. В настоящее время ее беспокоил Старый Сет. Она с таким упорством подготавливала всех к мысли, что Сэмюэл не может стать старшим партнером, но между тем Сет, несмотря на ухудшившееся здоровье, казалось, и не думал подавать в отставку. Она едва не поддавалась отчаянию, думая о том, что все ее прекрасно разработанные планы разбиваются об упрямое упорство этого старика.

В конце июля в Лондоне становилось тихо. В это время года, как обычно, аристократы разъезжались по своим поместьям, прогуливались по морю на яхтах в Коузе или охотились на лис и оленей в своих шотландских «охотничьих домиках». Эти их загородные развлечения продолжались до Рождества. С февраля по Пасху они стекались обратно, а в мае «лондонский сезон» был в разгаре.

Семейство Пиластеров не следовало этому распорядку. Пусть они и были богаче многих аристократов, но думали прежде всего о делах и даже не могли представить себе, как можно целых полгода празднично преследовать животных в сельской местности. Правда, партнерам обычно удавалось отдохнуть большую часть августа, если в банковском мире в это время не было никаких особых событий.

В этом же году планы на отдых казались сомнительными, потому что в финансовых столицах континентальной Европы бушевал настоящий шторм, угрожавший и Англии. С другой стороны, самое худшее уже миновало, процентная ставка снизилась на три процента, и Августа арендовала небольшой замок в Шотландии. Они с Мадлен планировали поехать туда через неделю и подготовиться к последующему приезду мужчин.

В четыре часа с небольшим, когда Августа стояла в гостиной, с раздражением разглядывая свою мебель и размышляя об упорстве Старого Сета, явился Сэмюэл.

Все Пиластеры не отличались красотой, но Сэмюэл казался Августе самым уродливым. Под огромным носом располагался слабовольный, похожий на женский, рот с выступающими зубами. Одевался он всегда безупречно, был крайне разборчив в еде, любил кошек и ненавидел собак.

Больше всего в нем Августе не нравилось то, что из всех представителей семейства на него труднее всего было повлиять. Старого Сета легко можно было очаровать, ведь даже в своем преклонном возрасте он смягчался от вида красивой женщины; Джозефа у нее получалось изнурять постоянными просьбами вплоть до того, что он терял терпение и соглашался с ней; Джордж Хартсхорн находился под каблуком своей жены Мадлен, и поэтому на него можно было влиять через нее; остальные же были достаточно молоды, чтобы подчиняться ее властному тону, хотя некоторое беспокойство среди них доставлял Хью.

Но с Сэмюэлом ничто не работало, особенно ее женское очарование. Более всего ее раздражало, что он постоянно разговаривал с ней насмешливым тоном, как бы не принимая всерьез все ее слова. И это смертельно обижало ее. Насмешливый тон Сэмюэла казался ей гораздо более оскорбительным, чем грубые слова той потаскухи в парке.

Сегодня же на лице Сэмюэла не было обычной для него скептической улыбки и он выглядел таким озабоченным, что Августа поначалу даже встревожилась. Он, несомненно, пришел раньше всех, чтобы застать ее одну. Она вдруг осознала, что вот уже два месяца она плетет против него заговор, а ведь люди расплачивались жизнями и за гораздо меньшие проступки. Сэмюэл не взял ее руки и просто встал напротив. На нем была визитка перламутрового цвета и темно-бордовый галстук, от которого шел легкий запах духов. Августа скрестила руки в защитном жесте.

Сэмюэл наконец скривил губы в невеселой улыбке и сделал шаг назад.

– Не собираюсь я бить вас, Августа, – сказал он. – Хотя, видят небеса, вы заслуживаете изрядной порки.

Разумеется, он не собирался и пальцем трогать ее. Для этого он был слишком мягок и добросердечен. Как и его отец, он отказывался финансировать поставки оружия. К Августе быстро вернулось самообладание, и она презрительно воскликнула:

– Да как вы смеете критиковать меня?

– Критиковать? – переспросил Сэмюэл, и в его глазах промелькнула ярость. – Это было бы снисхождением с моей стороны.

Он помолчал, а потом добавил более ровным и спокойным голосом:

– Я вас просто презираю.

Второй раз Августу уже нельзя было заставить врасплох.

– Вы пришли сюда заявить, что намерены отказаться от своих порочных привычек?

– От моих порочных привычек? – повторил он. – Это вы намерены разрушить спокойствие моего отца и сделать несчастным меня, и все ради своих честолюбивых планов. И при этом вы смее говорить о моих порочных привычках! Я уверен, что вы настолько погрязли во зле, что давно позабыли, что такое порок!

Он говорил настолько страстно и убедительно, что Августа на мгновение даже задумалась о том, не гадко ли с ее стороны угрожать ему. Но потом она поняла, что он пытается сыграть на ее чувстве сострадания и тем самым разрушить ее оборону.

– Я только стараюсь делать то, что будет лучше для банка, – произнесла она холодно.

– Таково ваше объяснение? Именно это вы предъявите в свое оправдание, когда в Судный день Всевышний вас спросит, зачем вы меня шантажировали?

– Я выполняю свой долг.

Теперь, когда она снова чувствовала себя хозяйкой положения, Августа задумалась: зачем же он к ней пришел? Признать свое поражение или бросить ей вызов? Если он сдается, то можно быть уверенной, что рано или поздно она станет супругой старшего партнера банка. Но если нет... От этой мысли она так сильно сжала кулаки, что даже ногти впились в ладони. Если он бросает ей вызов, то предстоит долгая, изнурительная борьба с неопределенным исходом.

Сэмюэл подошел к окну и посмотрел на сад.

– Я помню вас маленькой хорошенькой девочкой, – произнес он задумчиво.

Августа нетерпеливо кашлянула.

– Вы приходили в церковь в белом платье с лентами в волосах, – продолжил Сэмюэл. – Но эти ленты никого не обманывали. Вы уже тогда были тираном. После службы все обычно гуляли в парке, и другие дети боялись вас, но вы заставляли их играть с вами и исполнять все ваши прихоти. Вы изводили даже своих родителей. Не получая то, что вам хотелось, вы закатывали такие шумные истерики, что проезжавшие мимо в экипажах останавливались, чтобы выяснить, в чем дело. У вашего отца, упокой Господь его душу, был такой измученный взгляд, словно он никак не мог понять, как произвел на свет такое чудовище.

Его слова походили на правду, и от этого Августе стало слегка не по себе.

– Все это в прошлом, – сказала она, глядя в другую сторону.

Он продолжил речь, как если бы она его и не прерывала:

– Я беспокоюсь не о себе. Да, мне хотелось бы стать старшим партнером, но я проживу и без этого. Я был бы хорошим руководителем – возможно, не таким бы решительным и

настойчивым, как мой отец; скорее одним из совместных руководителей. Но Джозеф совершенно не подходит для этой должности. Он раздражителен и импульсивен, он принимает непродуманные решения, а вы только потворствуете его честолюбию и затуманиваете его взор. Он неплохо проявляет себя, когда другие его сдерживают и направляют его шаги. Но он не умеет руководить, ему недостает рассудительности. В перспективе он только навредит банку. Разве вас это не беспокоит?

Какое-то мгновение Августа раздумывала над тем, нет ли в его словах доли правды. Неужели она действительно убивает курицу, несущую золотые яйца? Но в банке было столько денег, что никто из них мог бы всю оставшуюся жизнь и пальцем не пошевелить, и при этом всем бы хватило на безбедное существование. В обязанностях партнеров не было ничего трудного: они просто приходили в банк, узнавали последние известия из финансовых газет, давали другим людям деньги займы и получали проценты. Джозеф справится с этим ничуть не хуже любого другого.

– Вы, мужчины, вечно делаете вид, что банковская деятельность – это что-то сложное и загадочное, – сказала она. – Но меня вам не одурачить.

Она вдруг осознала, что невольно защищается, и это ей не понравилось.

– И вообще, я отвечаю за свои поступки и мысли перед Господом, а не перед вами.

– Неужели вы и в самом деле намерены отправиться к моему отцу, как угрожаете? – спросил Сэмюэл. – Вы же знаете, что ваши слова его убьют.

Она колебалась только мгновение.

– Другого выбора у меня нет, – ответила она уверенно.

Он долго смотрел на нее, не отводя глаз.

– Вы дьяволица во плоти.

Августа затаила дыхание. Неужели он сдастся? Она почувствовала, что удача вот-вот придет к ней в руки, и в своем воображении уже услышала слова: *«Позвольте представить вам миссис Джозеф Пиластер, супругу старшего партнера Банка Пиластеров...»*

Сэмюэл помедлил, затем продолжил с явной неприязнью в голосе:

– Ну что ж, превосходно. Я сообщу остальным, что не намерен становиться старшим партнером, после того как мой отец подаст в отставку.

Августа едва сдержала улыбку превосходства. Она победила. Чтобы сдержать свой восторг, ей пришлось даже немного отвернуться.

– Наслаждайтесь своей победой, – горько сказал Сэмюэл. – Но помните, Августа, что у всех есть свои тайны, даже у вас. Настанет день, когда некто точно так же воспользуется вашими тайнами, и тогда вы вспомните, как поступили со мной.

Августа удивилась. На что он намекает? Перед ее внутренним взором без всякой причины всплыло лицо Мики Миранды, но она поспешила развеять это видение.

– У меня нет ничего, чего можно было бы стыдиться.

– Неужели?

– Нет! – выпалила она, но уже не так уверенно.

Он как-то по-особенному взглянул на нее.

– Вчера я встречался с одним молодым юристом по имени Дэвид Миддлтон.

Какое-то мгновение она еще не понимала.

– Я должна знать его?

Это имя показалось ей смутно знакомым.

– Вы виделись с ним однажды, семь лет назад, на судебном расследовании.

Августа вдруг вся похолодела. Миддлтон – так звали школьника, который утонул.

– Дэвид Миддлтон полагает, что его брата Питера убили. И что убил его Эдвард, – продолжил Сэмюэл.

Ноги Августы едва не подкосились, ей захотелось присесть, но нельзя было показать Сэмюэлу, что его слова ее ошеломили.

– Отчего же сейчас, когда прошло семь лет, он намерен разворошить прошлое ради какого-то скандала?

– Он сказал, что всегда сомневался в результатах расследования, но молчал из нежелания причинить еще большие страдания своим родителям. Но мать его скончалась вскоре после гибели Питера, а отец умер в этом году.

– Почему он обратился к вам, а не ко мне?

– Он член моего клуба. Он прочел несколько раз записи свидетельских показаний и утверждает, что были еще свидетели, которых никто не допрашивал.

«Да, так и есть, – в волнении подумала Августа. – Был этот несносный Хью Пиластер; потом мальчишка из Южной Америки – Тони, или как там его звали; и еще третий школьник, оставшийся неизвестным». Если Дэвид Миддлтон расспросит одного из них, то вся ужасная история выплывет на свет.

– С вашей точки зрения, конечно, жаль, что коронер так долго расспрашивал и рассуждал о героизме Эдварда, – задумчиво продолжал Сэмюэл. – Это порождало подозрения. Все, кто хорошо его знал, скорее поверили бы в то, что Эдвард нерешительно стоял на берегу пруда и смотрел, как тонет парень. Все, кто хотя бы раз с ним общался, знали, что он и улицы не перейдет ради помощи кому-то другому, не говоря уже о том, чтобы бросаться в пруд на помощь утопающему.

Его слова были оскорбительны для нее и ее сына.

– Как вы смеете? – возразила Августа, но не смогла придать своему голосу обычной убедительности.

Сэмюэл не обратил внимания на ее возражение.

– Школьники этому и не поверили. Дэвид тоже учился в той школе несколькими годами ранее, и он знал многих мальчиков постарше. Он поговорил с ними, и его подозрения только усилились.

– Все, на что вы намекаете, – это полная бессмыслица.

– Миддлтон – упрямый и настойчивый человек, какими обычно и бывают юристы, – продолжал Сэмюэл, по-прежнему не вникая в ее возражения. – И он не намерен оставлять это дело в покое.

– Ему меня не запугать.

– Тем лучше, поскольку, как я уверен, он собирается вскоре нанести визит лично вам.

Сэмюэл подошел к двери.

– На чай я не останусь. Приятного дня, Августа!

Августа тяжело опустилась на диван. Такого поворота она не предвидела. Победа над Сэмюэлом оказалась омраченной новыми тревогами. Всплыл старый, происшедший семь лет назад неприятный случай, о котором, казалось, все должны были уже давно забыть. Теперь ей так страшно за Эдварда! Ей была ненавистна сама мысль о том, что что-то плохое может произойти с ее мальчиком. Нужно во что бы то ни стало это остановить. Но как?

Вошел Хастед, дворецкий, за которым следовали две горничные с чайными чашками и пирожными на подносах.

– С вашего разрешения, мадам? – спросил он с валлийским акцентом.

Глаза Хастеда, как всегда, смотрели в разные стороны, и посторонних это часто сбивало с толку, потому что никогда нельзя было понять, на кого именно он устремил свой взор. Августу поначалу это тоже раздражало, но со временем она привыкла. В ответ на вопрос она просто кивнула.

– Благодарю, мадам, – сказал Хастед и вместе с горничными принялся расставлять фарфоровые чашки на столе.

Заискивающая манера Хастеда частенько успокаивала Августу, но сегодня это не сработало. Она встала и вышла в открытое французское окно. В ярко освещенном солнцем саду ей тоже не стало легче на душе. Как же остановить Дэвида Миддлтона?

Она все еще размышляла над этим вопросом, когда пришел Мики Миранда.

Августа обрадовалась его визиту. Он выглядел щеголевато, как и всегда в черном фраке и брюках в полоску, с безупречно белым воротничком под щеками и с черным атласным галстуком на шее. Мики сразу же догадался, что Августа чем-то расстроена, прошел через весь зал пружинистой походкой дикого кота и спросил с выражением искреннего сочувствия:

– Миссис Пиластер, что-то случилось?

Она была благодарна ему, что он пришел первым. Схватив его за рукав, она ответила:

– Да, кое-что очень ужасное.

Его ладони покоились на ее талии, как будто он пригласил ее на танец, и она с удовольствием ощущала, как его пальцы ощупывают ее бедра.

– Только не волнуйтесь, – успокоил он ее нежным голосом. – Расскажите о ваших тревогах.

Ей действительно стало спокойнее. В такие моменты Мики ей чрезвычайно нравился. Он ходил на молодого графа Стрэнга, с которым она некогда встречалась в юности. Все в этом молодом человеке напоминало о графе: его легкая походка, готовность выслушать в любое время, красивая одежда и, что самое главное, плавность в движениях, будто он весь состоял из хорошо смазанных шарниров. Стрэнг был светловолосым англичанином, а Мики – темноволосым латиноамериканцем, но оба они заставляли ее по-настоящему почувствовать себя женщиной. Ей так захотелось привлечь его к себе и положить голову ему на плечо...

Перехватив взгляды горничных, она подумала о том, что поза Мики, стоявшего почти вплотную к ней и держащего руки на ее талии, несколько неприлична. Отстранившись, она взяла его за руку и вывела через французское окно в сад, подальше от любопытных ушей слуг. Здесь было тепло и приятно пахло цветами. Они сели на деревянную скамеечку в тени, и Августа повернулась, чтобы смотреть на Мики. Ей хотелось подольше задержать его руку в своих руках, но это тоже выглядело бы неподобающе для дамы ее возраста.

– Я видел, как выходил Сэмюэл. Он как-то причастен к вашему беспокойству? – спросил Мики.

Августа ответила тихо, и Мики пришлось нагнуться так близко, что она могла бы поцеловать его прямо в губы.

– Он приходил сообщить, что отказывается от должности старшего партнера банка.

– Хорошие новости!

– Да. Это значит, что должность, вне всякого сомнения, достанется моему мужу.

– И Папа наконец-то получит свои винтовки.

– Как только Сет отойдет от дел.

– Просто уму непостижимо, как этот Сет цепляется за свою работу! – воскликнул Мики. – Отец постоянно меня спрашивает, когда же настанет долгожданный момент.

Августа понимала волнение Мики: он боялся, что отец заставит его вернуться в Кордову.

– Не думаю, что Сет продержится долго, – ответила она, чтобы успокоить его.

Он заглянул ей в глаза.

– Но не это расстроило вас.

– Нет. Все дело в том утонувшем мальчишке из вашей школы. Как там его звали – Питер Миддлтон? Сэмюэл сказал, что брат Питера, юрист, хочет задать мне неудобные вопросы.

Лицо Мики помрачнело.

– После всех этих лет?

– Вам лучше знать, чем мне.

Августа помедлила. У нее на языке вертелся вопрос, ответа на который она ожидала со страхом. Собравшись с духом, она задала его:

– Мики... Как вы думаете, тот мальчик действительно скончался по вине Эдварда?

– Ну...

– Не тяните! Скажите: да или нет?

Мики немного помолчал, потом ответил:

– Да.

Августа закрыла глаза. «Тедди, дорогой, что же ты натворил?» – подумала она.

Мики тихо продолжил:

– Питер был плохим пловцом. Эдвард не топил его, просто боролся с ним, и тот слишком устал. Когда Эдвард поплыл за Тонию, Питер был еще жив. Я думаю, что он просто не смог доплыть до берега и утонул, когда на него никто не смотрел.

– Тедди не хотел убивать его.

– Разумеется, нет.

– Это была всего лишь грубая школьная потасовка.

– У Эдварда и в мыслях не было ничего злого.

– Значит, он не убийца.

– Боюсь, что это не так, – сказал Мики серьезным тоном, отчего сердце Августы ушло в пятки. – Если вор толкнет человека на землю, желая только ограбить его, но у человека случится сердечный приступ и он умрет, то вор будет виновен в убийстве, пусть он даже и не имел такого намерения.

– Откуда вы знаете?

– Я спрашивал у адвоката несколько лет тому назад.

– Зачем?

– Хотел узнать, в чем могут обвинить Эдварда.

Августа прикрыла лицо ладонями. Все было гораздо хуже, чем она опасалась.

Мики взял ее за запястья, отвел ладони от лица и поцеловал каждую руку по очереди. Этот его жест был настолько мил, что она едва не разрыдалась. Продолжая держать ее за руки, он сказал:

– Ни один разумный человек не станет преследовать Эдварда с целью засудить его за то, что произошло, когда он был подростком.

– Но разумен ли Дэвид Миддлтон? – спросила Августа, сдерживая слезы.

– Возможно, нет. Похоже, он одержим жаждой мести, которая отравляла его все эти годы. Не дай бог его настойчивости одержать верх и обнаружить истину.

Августа содрогнулась, представив себе последствия. Разразится ужасный скандал; в бульварных газетах появится заголовок: «Постыдная тайна банковского наследника»; полиция начнет новое расследование; бедного, несчастного Тедди привлекут к суду, и если его признают виновным...

– Мики, мне так страшно даже думать об этом! – прошептала она.

– Тогда нам нужно что-то предпринять.

Августа сжала его руки, затем отпустила и постаралась собраться с духом. Сейчас она столкнулась с серьезной проблемой, и на горизонте замаячил призрак виселицы для ее сына. Нельзя опускать руки и предаваться отчаянию, нужно действовать. Хвала Господу, что у Эдварда есть такой преданный друг, как Мики.

– Мы должны проследить за тем, чтобы Дэвид Миддлтон ничего не узнал. Сколько человек знает правду?

– Шесть, – тут же ответил Мики. – Эдвард, вы и я – это трое, но мы никому ничего не расскажем. Потом Хью...

– Его там не было, когда мальчик скончался.

– Не было, но он видел достаточно, чтобы опровергнуть историю, которую мы поведали коронеру. И тот факт, что мы солгали, бросит на нас подозрения.

– Да, тогда Хью действительно представляет угрозу. А другие?

– Тонио Сильва видел все.

– Но тогда он ничего не рассказал.

– Тогда он меня боялся. Но я не уверен, что его удастся запугать и теперь.

– А шестой?

– Мы так и не выяснили, кто это был. Я не увидел его лица, а потом он пропал. Боюсь, что с ним мы ничего не сможем поделать. Тем не менее если никто его не знает, то, вероятно, никакой опасности для нас он не представляет.

Августа ощутила дрожь от страха: в этом она была не настолько уверена. Всегда есть опасность, что неизвестный очевидец объявится и даст свои показания. Но Мики прав в том, что с этим они ничего поделать не могут.

– Значит, нужно разобраться с двумя: с Хью и с Тонио.

Повисла тяжелая тишина.

«К Хью уже нельзя относиться как к досадной помехе», – по-думала Августа. В банке он уже заслужил репутацию исполнительного и смышленного служащего, по сравнению с которым Тедди казался нерадивым лентяем. Августе удалось расстроить роман между Хью и Флоренс Столуорти. Теперь Хью угрожал Эдварду гораздо более опасным образом. Нужно как-то действовать. Но как? Хью был членом семейства Пиластеров, пусть и белой вороной. Она ломала голову, но ничего не придумывалось.

– Есть одна слабость у Тонио, – задумчиво произнес Мики.

– Какая?

– Он плохой игрок. Ставит гораздо больше, чем может себе позволить, и проигрывает.

– Вы можете устроить так, чтобы он проиграл по-крупному?

– Возможно.

Августе показалось, что Мики не понаслышке знает, как жульничать в карточных играх. Но она не могла напрямую спросить его об этом, иначе глубоко оскорбила бы его как джентльмена.

– Но это будет дорого, – продолжил Мики. – Вы выделите мне деньги?

– Сколько вам потребуется?

– Боюсь, около сотни фунтов.

Августа не колебалась, на кону стояла жизнь Тедди.

– Превосходно.

Со стороны дома слышались голоса – прибывали другие гости. Она встала.

– Не знаю еще, как быть с Хью, – сказала она озабоченно. – Придется подумать об этом.

А сейчас мы должны вернуться.

Едва они зашли в гостиную, как на нее набросилась Мадлен:

– Этот портной с ума меня сведет! Два часа, чтобы заколоть оборки! Жду не дожусь чая! Ах, какие изумительные миндальные пирожные вы подали сегодня! Но, бог мой, какая же жаркая погода!

Августа заговорщицки пожала Мики руку и села за стол, чтобы разливать чай.

В Лондоне стояла удушающая жара, и все обитатели в по-исках свежего воздуха устремились за город. В первый день августа все отправились на скачки в Гудвуд.

Для этого были выделены особые поезда, отъезжавшие с вокзала Виктория в южном Лондоне. В расположении вагонов отражался весь срез английского общества – аристократы в первом классе с роскошными диванами; владельцы лавок и школьные учителя в многолюдном, но удобном втором классе; фабричные рабочие и прислуга, сгрудившиеся на деревянных скамейках третьего класса. По прибытии на место аристократия разъехалась в экипажах, средний класс – в дилижансах, а рабочие пошли пешком. Богатые устраивали пикники, провизия для которых была доставлена более ранним поездом в огромных плетеных корзинах. В этих корзинах, которые взваливали на свои могучие плечи молодые носильщики, были тщательно упакованы фарфоровая посуда, льняные скатерти, вареные цыплята, огурцы, бутылки шампанского и выросшие в оранжереях персики. Менее зажиточные довольствовались лотками, с которых продавались сосиски, креветки и пиво. Самые бедные принесли с собой завернутый в носовые платки хлеб с сыром.

Мэйзи Робинсон и Эйприл Тилсли приехали с Солли Гринборном и Тонио Сильвой, что возникали некоторые вопросы при определении их места в общественной иерархии. Солли с Тонио, несомненно, принадлежали к первому классу, но Мэйзи с Тилсли при иных обстоятельствах ехали бы третьим. Солли решил эту проблему, купив билеты во второй класс, и от станции до места скачек вдоль Даунса они ехали в дилижансе.

Тем не менее Солли любил хорошо поесть и ни за что не стал бы покупать еду с лотков. Поэтому он отослал вперед четырех слуг с холодным лососем и бутылками белого вина в ведерках со льдом. Расстелив белоснежные скатерти, отдыхающие расселись кружком на пружинистой траве. Мэйзи отламывала кусочки бутербродов и клала их в рот Солли. В последнее время она к нему сильно привязалась. Он был добрым ко всем, веселым и интересным в общении. Единственным его настоящим пороком было чревоугодие. Она по-прежнему не позволяла ему излишних вольностей, но чем дольше она ему отказывала, тем сильнее он в нее влюблялся.

Скачки начались после обеда. Букмекер в долгополом клетчатом сюртуке с огромным букетом в петлице, шелковом галстуке и белой шляпе, стоя на ящике, громко выкрикивал имена лошадей и принимал ставки. Через плечо у него была перекинута кожаная сумка с деньгами, а над головой развевался флаг с надписью «Уильям Такер, Кингсхед, Чичестер».

Тонио с Солли делали ставки на каждый забег. Мэйзи скоро это наскучило, все лошади казались ей одинаковыми. Эйприл не хотела оставлять Тонио, но Мэйзи решила прогуляться.

Скачки были здесь не единственным развлечением. Местность вокруг ипподрома была усеяна палатками, лотками и телегами. Тут же располагались кабинки для азартных игр, шоу уродов и шатры, в которых предсказывали судьбу смуглые цыганки в ярких платках. Торговцы наперебой предлагали джин, сидр, пирожки с мясом, апельсины и Библии. Шарманки и группы музыкантов соревновались друг с другом в громкости, а среди толпы то и дело встречались фокусники, жонглеры и акробаты, выпрашивающие у зевак пару пенсов. Были тут и танцующие собаки, карлики с гигантами и люди на ходулях. Праздничная атмосфера

напомнила Мэйзи цирк, и она испытала даже некоторое сожаление об оставленной позади бродячей жизни. Главной целью всех артистов было любым доступным способом выманить у публики деньги, и она искренне желала им удачи.

[Купить полную версию книги](#)